

ОГОНЁК

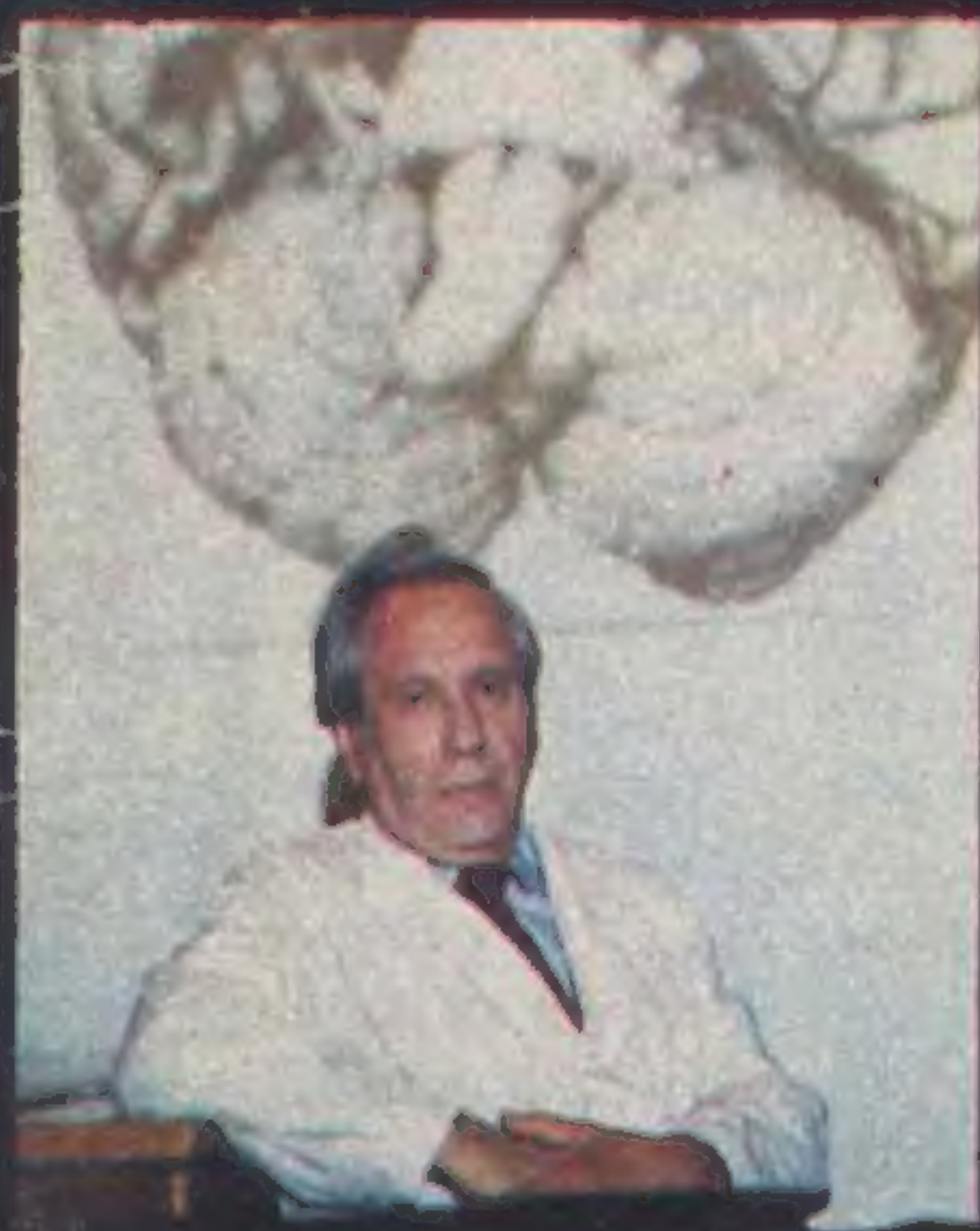
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 37 СЕНТЯБРЬ 1986

ДОЛГ И ДОЛЖНОСТЬ

ПОЙМА —
КОРМИЛИЦА

ВЛАДИМИР ДУДИНЦЕВ
«БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

ТАЙНЫ
МОЗГА

ХУДОЖНИК
ВИКТОР
ПОПКОВ

ВЗЯТОЧНИКИ ПОД СУДОМ

По всей стране в эти дни проходят многочисленные митинги и манифестации, направленные в поддержку очередной советской мирной инициативы — продления нашей страной моратория на ядерные испытания.

«Мы не в пропагандистской войне хотим выиграть. Мы не хотим даже участвовать в такой «схватке», считая ее недостойной важности предмета. Наша цель — сделать реальный шаг к реальному разоружению. И искренне приглашаем к этому американскую администрацию. Мы хотим сдвинуть с места переговоры, чтобы оттеснить ядерную угрозу ради безопасности всех и подлинной разрядки.»

(Из ответов М. С. ГОРБАЧЕВА на вопросы главного редактора газеты «Руде право» товарища Зденека Горжени.)

На снимках: митинг в Смоленске.

Фото М. Савина

СОБЫТИЯ НЕДЕЛИ

Кубань... Идет на убыль страда, и полновесный урожай этого года стал лучшим ответом земледельцев края на задачи нынешнего дня. Три миллиона шестьсот тысяч тонн зерна уже сдано государству. И такой результат, как говорится, пока лишь промежуточный — страда продолжается, еще не поставили точку в своих рапортах рисоводы и кукурузоводы. А ведь этот год с агротехнической точки зрения оказался не самым удачным: малоснежная зима, жесткая летняя засуха... И тем более — молодцы, кубанцы!

А на другом краю Краснодарской земли, у кромки моря и в его глубинах собрала свою жатву беда... Так уж устроена жизнь — горе идет порой рядом с радостью, заслуженный успех не может затмить чьих-то грубейших просчетов, которым нет оправдания. Но у горя тоже много разных оттенков, и часто случается так, что в тяжких обстоятельствах люди раскрывают самые неожиданные, самые прекрасные свойства своей души...

Об этом — наш фоторепортаж «Когда пришла беда...» на страницах 4—7.

На уборке «Дон-1500».

Фото В. Веленгурина (ТАСС)

Водолазы приступили к подводной резке корпуса затонувшего парохода
«Адмирал Нахимов».

Фото И. Гаврилова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 37 (3086)

13—20 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. БЕЛЕЦКАЯ,

И. В. ДОЛГОПОЛОВ

(главный художник),

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный секретарь),

Н. А. ИВАНОВА,

Б. А. ЛЕОНОВ

(первый заместитель главного редактора),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. С. НОВИКОВ,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

Ю. П. ПОПОВ.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13

Сдано в набор 25.08.86. Подписано к печати 09.09.86. А 00727. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2421. Заказ № 3418.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Секретарь райкома
Л. Н. Сыроегина на
Минской экспери-
ментальной фабрике
верхнего трикотажа и
вязальщица, депутат
районного Совета Ва-
лентина Шкутко.

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Женщина пришла с болью. А Людмила Николаевна радовалась ее приходу. И не было в том никакого парадокса. Наоборот, замечательно! Беспартийный человек решил поделиться с первым секретарем райкома партии тревожными, не дающими покоя думами.

— Вы, надо полагать, знаете, недавно у нас в тресте сняли начальника отдела, исключили из партии, судили. Поставили другого, а он ведь тоже нечистоплотен. Как же в такой обстановке работать?!

Она долго рассказывала о неприятностях на службе и просила не упускать их из поля зрения.

Людмила Николаевна слушала и размышляла: бывает, живут в коллективе люди и годами голоса не подают, не обращают внимания на безобразия, отворачиваются от негодяев. Но вот задела такого безразличного, и откуда правдолюбие, принципиальность, зоркость берутся?! Во все кабинеты вторгнется, всем инстанциям сигналы подаст... А вот эту женщину привела в райком партии совесть. И боль. Гражданская боль, связанная не с личным — общим интересом. Побольше бы таких встреч!..

Невольно вспомнилась другая собеседница — Дубовцова. Также сидела здесь в кабинете, тоже возмущалась: освободили ее от должности старшего мастера, хотя она с обязанностями справлялась. Просила, настаивала: дайте команду — пусть восстановят.

Позже выяснилось, что эта женщина по меньшей мере неискренна. В разговоре с секретарем райкома она не вспоминала о собственном сыне, и не случайно: за воровство он попал под суд, срок получил условный, а мама позаботилась лишь о том, чтобы сынок остался под ее крылышком на заводе и продолжал легко и беспечно жить. И еще умолчала тогда женщина в кабинете, что была секретарем партийной организации цеха; впрочем, моя собеседница хорошо знала об этом, не могла не знать...

С рассказа об этих двух встречах начинается наш разговор с

Людмилей Николаевной Сыроегиной — первым секретарем Советского райкома города Минска.

— Недавно в том цехе, откуда Дубовцова, состоялось партийное собрание. Я вернулась с него расстроенная, — говорит Людмила Николаевна. — Особенно задела меня два «почему». Почему Дубовцову (тогда она тоже не сказала мне об этом) освободили от обязанностей секретаря партийной организации по ее просьбе, а не по требованию коммунистов, чьим доверием она бессовестно пренебрегла? Почему нашлись у нее защитники? Одна из выступавших на собрании удивлялась: «Какие могут быть к Дубовцовой претензии?! Она же хорошо работает!» Вот мораль! Да, человек обязан хорошо работать! А спрос с коммуниста... Тут совсем иные мерки.

— С некоторых пор ими не всегда пользовались добросовестно... Как вы думаете — почему?

— Причин, к сожалению, много. Погоня за формальными результатами, ослабление требовательности по той же причине, экономическая и организаторская неповоротливость. Возьмите такую ситуацию: может ли, скажем, начальник цеха воспитывать коллектив, не давая спуска разгильдяям, рвачам, лодырям, если у него нет уверенности, что в конце месяца ему не придется уговаривать их остаться на вторую, на третью смену — штурмом завершить программу... Все отчетливее начала просматривать-

ся закономерность: чем больше в коллективе показушного и формального, тем дальше друг от друга люди. Сплачиваются они в подобной обстановке чаще, чтоб бумажные успехи восславить, а не для того, чтоб осудить непорядок. И в партийной работе стали нередко утверждаться славословие, верхоглядство, какая-то монотонная утилитарность. Помните, в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «Партийная жизнь — здоровая, деловая, многообразная в своих конкретных проявлениях и заботах, характерная открытостью, гласностью планов и решений, человечностью, скромностью коммунистов, — вот что нам нужно сегодня». Перестроимся мы в таком духе — все планы осилим. И действия наши должны быть продуманные, активные, конкретные и решительные...

— Трудно?

— Не то слово!

— Время предельно ответственное, а испытание предельно жесткое. Не сетуйте на судьбу, что определила вам в такое трудное время столь ответственную должность?

— Я каждый день открываю себя как бы заново. Понимаю, что ныне иначе работать нельзя. И это мне по душе!

Маленькое отступление.

Как-то больше про мужчин, чем про женщин, принято говорить: есть характер. У Людмилы Николаевны он определенно есть.

Среднюю школу окончила отлично. Поступала на химфак Белорусского университета. Держала один экзамен — по химии. Поставили «4». Она, уверенная, что знает на «5», взяла документы и объявила дома: поступаю рабочей на завод, кроме пользы, ничего не получу. И поступила. Потом успешно окончила Ленинградский институт точной механики и оптики; в Минске, в научно-производственном объединении «ПЛАНАР», выросла до заместителя главного технолога. Избрали председателем профкома, секретарем парткома объединения, затем вторым секретарем Ленинского райкома партии, а в конце 1983-го — первым в Советском.

— В чем, с вашей точки зрения, суть перестройки партийной работы?

— В том, чтобы каждый коммунист, будь он рабочий, руководитель или партийный работник, не на словах, а на деле служил людям, не перекладывал ответственность на чужие плечи, сам делал свое дело как можно лучше и того же требовал от других.

— Вроде бы все предельно ясно...

— Теоретически да. Однако как велика сила инерции! Вот вам пример. Предприятия дают план. Есть министерства, которые обязаны обеспечить его выполнение. Нет же! Получается так, что на партийные органы ложатся чуть ли не основные хлопоты, связанные с выполнением производственных планов. Поставки сырья, отгрузка

Так
начинается
каждая
неделя.

продукции, взаимоотношения со смежниками... Утрясаем, пробиваем, согласовываем... Министерство далеко, а райком близко... За неспособность того или иного коллектива в районе выполнять государственные задания пусть с нас спрашивают. Но за не поданные кем-то вагоны, застрявший где-то кирпич или кабель, урезанные чьей-то административной волей фонды — почему? А ведь укоренилось!

— Вероятно, все эти просчеты можно увязать с человеческим фактором?..

— При желании все можно. Но желания должны определяться подлинными государственными интересами, а не сиюминутной ведомственной или «домашней» выгодой... Мы делаем акцент на самое, думается, важное: анализируем задачи и определяем свое место в их решении. Предприятию «Промсвязь», например, предстоит выпускать новую телеграфную аппаратуру на микроэлектронике. Подсчитано, что пятьсот приборов дадут возможность высвободить около тридцати тысяч телеграфистов и принесут экономический эффект 45 миллионов рублей. Мы изучаем сейчас возможности специалистов района — радиотехнического института, объединения вычислительной техники — помочь «Промсвязи» освоить новую продукцию. Причем уповаем не на директивное давление, а на то, чтобы заинтересовать, увлечь.

Или такой пример. Производственному объединению вычислительной техники поручено в ближайшее время дать стране первые персональные компьютеры. В составе объединения появится новый завод: научно-исследовательский институт ЭВМ конструирует модель компьютера... Хлопот видимо-невидимо. Мы и тут нашли свое место. Помогаем объединению формировать будущий коллектив, отлаживаем взаимодействие объединения и научно-исследовательского института... Здесь и советы общественным организациям, и совместные заседания двух парткомов, и споры в служебных кабинетах...

— Значит, новый стиль формируется?

— Я бы так не сказала. Скорее совершенствуется то, что сложилось за десятилетия и в основе своей оправдал себя на всех этапах. Оправдан отказ от бюрократической сутолоки, от подмены руководителей местных Советов, хозяйственников, от администрирования, мешающего творчеству... Но не от всего же! Проходят в райкоме планерки. Не для того собираемся, чтобы выполнить норму по заседаниям. На каждой планерке изучаю работников аппарата — оперативны ли они, насколько свежо и современно мыслят; напоминаю о компетентности, без которой, я убеждена, партийная работа теряет всякий смысл: учусь сама и учу их уходить от стандартного в худшем смысле слова понимания своих обязанностей. Вот это самое цеховое собрание в производственном объединении имени В. И. Ленина. Мы тщательно, что называется, по косточкам, разобрали его на планерке. Я подчеркнула, что мне вовсе не обязательно было идти на это собрание. Не пошла бы, никто с меня бы не спросил. Я на том собрании выступила и по реакции большинства коммунистов поняла: они теперь себя сильнее,

боевнее чувствовать будут. А какая мне пища для размышлений!

— Людмила Николаевна, вы согласитесь с тем, что у нас появился тип руководящего работника, который в кабинете себя удобнее, увереннее чувствует, чем на людях, тем более что не все примеры в жизни, не все скромны, не все отвергают чинопочитание?

— Соглашусь! Потому что не терплю ни барства, ни подхалимажа. Мой сын учился в школе, я ходила на родительские собрания, но никогда не давала там никому почувствовать, что они имеют дело с секретарем райкома партии. Сейчас сын служит в армии. Никаких льгот, никаких поблажек... Я, как и все женщины, в магазины, столовую, мастерские бытового обслуживания хожу и знаю: никто меня не упрекнет, что я там что-то «не по чину беру». Грешна — иногда обращаюсь в филармонию, чтобы билет на концерт помогли приобрести. Музыку очень люблю, а на хорошие концерты билеты мигом разбирают.

— Время даже на такой досуг, наверное, сложно выкраивать?

— Безумно сложно. Особенно если ходить в филармонию, в театр, если книги читать «по должности», чтобы при случае подчеркнуть: любуйтесь, какой перед вами товарищ эрудированный! А если по внутренней потребности — легче.

Еще одно маленькое отступление.

Да, у секретаря райкома туго со временем. И все же... Когда есть внутренняя потребность... Я знаю, что Людмила Николаевна очень любит поэзию. Особенно лирическую. Ей близка обжигающая искренность и волшебная песенность есенинских строк, ее тревожит задушевный голос Анатолия Жигулина, созвучное своему восприятию жизни находит она в стихах Риммы Казаковой. По-новому взглянула на творчество Николая Доризо, когда взяла в руки недавно вышедшее собрание его сочинений. Проза тоже постоянная ее спутница. Только что перечитала «Игру» Юрия Бондарева. Перечитала, потому что, по ее мнению, роман подкупает честными и глубокими размышлениями о жизни.

Ну, а музыка... Обидно, что мало теперь поют в семьях, в компаниях, на вечерах... Без хорошей песни скудеет, теряет светлую звонкость душа. Как желанны и незабываемы встречи с друзьями по институту! Они всегда начинаются и кончаются песнями. Лучше всего поются послевоенные — и мир в них маяющий, солнечный, и сердечность, и возвышенная простота.

— Людмила Николаевна, не слишком ли односторонний смысл приобрело у нас понятие «обогащение»? Дачи, автомашины, товары так называемого длительного пользования, от которых в квартирах уже некуда деться. Они культивируют индивидуализм в нашем обществе, которое всегда было сильно коллективизмом. Не так ли?

— Согласна. Хотя принцип материального благополучия мы не исключали и не исключим из наших социальных программ. Нам предстоит крепко поработать, чтобы прекратить «утечку» коллективизма. Иначе пострадает сама основа советской демократии, а стало быть, и основа нашего строя. Я говорила о том, что мы учимся основательным образом анализировать факты, явления, результаты. Нам по душе опыт производственников экспериментальной фабрики верхнего трикотажа. Они идут как раз в нужном направлении. Вот штрихи. Если приближается праздник, готовятся едва ли не все — придумывают программу, выпускают стенные газеты, собирают слайды... Если чествуют тружеников, разыщут памятные фотографии, пригласят старых товарищей, напишут поздравле-

ние... Вечера, праздники у них с выдумкой, веселые. Во всем всегда участвуют директор Леонид Иванович Соколенко, секретарь парткома Валентина Анатольевна Жуковская.

Коллектив крепок и оттого, что о людях на фабрике умеют и хотят думать. Вот-вот откроется своя прачечная, ремонт квартир для рабочих силами своих мастеров организовали, садоводам-любителям помогают. Депутатская группа у них на предприятии очень активная... Людям здесь труд в радость. Эта фабрика — одна из лучших в отрасли. На такой основе воспитательный процесс можно только умно направлять.

— Но не всюду же подобная основа существует?

— В том-то и дело. Чем быстрее сумеем изменить обстановку, тем увереннее зашагаем дальше. Важно суметь... Помните, на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС было сказано: «...Привыкли работать с бумагами, а не с людьми, да и на людей смотреть через бумаги... Никакой перестройки не будет, если в партии, во всех ее организациях не утвердится атмосфера нетерпимости к недостаткам, застою в делах, к парадности и пустословию».

Насколько цепко держат нас в плену нами же осужденные методы работы, чувствую по себе.

Решила я выступить на городской партийной конференции. Набросала, как выражаются, основу. И задумалась: нести в горьком или нет? Горьком не требует.

— Не понесли?

— Нет. На конференции выступила. Мысли мои поддержку нашли. Однако хочу добавить: крайности и здесь ни к чему. Недавно заглянула ко мне член бюро райкома партии и член обкома партии монтажница завода электронных вычислительных машин имени Орджоникидзе Людмила Леонидовна Галенова. Готовилась к пленуму и посчитала полезным посоветоваться со мной. Прежде она могла бы услышать: поручим инструктору райкома, он напишет вам выступление. Чего прощай! И вместе с тем насколько противопоставлено нашей идее воспитания личности. Знаем же: подобное «правописание» обезличивает людей, отстраняет их от активного участия в жизни партии. А потом удивляемся: откуда берется пассивность?

— Поистине неохватная масса проблем на перспективу и повседневных. Как определить плодотворность усилий?

— Знаете, сначала, после инженерной осязаемости труда, воплощающегося в машины, я ощущала некую неудовлетворенность. Как увидеть плоды? Учусь видеть. Радуюсь неподдельной радостью, когда ощущаю, как люди принимают политику партии, убеждаются в том, что жить ею — значит правильно жить.

И последнее отступление.

Неожиданно приехали друзья по институту. Еще неожиданнее прозвучала их просьба: «Позвольте посмотреть на Сыроежину в кабинете секретаря райкома партии. Никак не представляем тебя партийным работником».

* * *

У меня не было возможности встретиться с теми, кто нанес в райком необычный визит. Однако не сомневался: они убедились, что коммунисты Советского района не ошиблись. Время подсказало им, кого выбрать вожаком.

КОГДА

Голоса Новороссийска открывают сейчас любые двери, заполняют эфир, определяют маршруты поездов и самолетов, дают направление делам и мыслям тысяч советских людей, в любой мере причастных к событиям на Черном море. И все, что происходит сейчас вокруг гибели парохода «Адмирал Нахимов», все эти чрезвычайные меры, заботы и проблемы сводятся к единой цели — помочь человеку, попавшему в беду. Да, ради этого в город на море брошены сейчас лучшие силы страны, ради этого решается сложнейшая проблема подъема затонувшего парохода или резки его на части, в этом — смысл поиска погибших, помощи спасенным, всевозможных мер содействия близким и родственникам пострадавших. Аналога всему происходящему, равно как и масштабам продолжающихся поисков, еще не знает история нашей страны.

В редакцию вернулись специальные корреспонденты «Огонька», побывавшие в Новороссийске. Предлагаем читателям доставленный ими материал.

**Борис СМЕРНОВ,
фото
Игоря ГАВРИЛОВА**

Урожайным на несчастья оказался этот год. Смерчи, ураганы, землетрясения, гибель «Чэлленджера», осатаневший атом Чернобыля и вот теперь — трагедия на Черном море, под Новороссийском. Но если смерчи, землетрясения и прочие природные катаклизмы можно оставить на совести у природы, то все остальное — результат вопиющей, преступной беспечности человека. И не стоит списывать свои грехи на какой-то там «год тигра»: быть может, разумнее будет, сделав для себя выводы, объявить следующий год годом человеческой дисциплины?

К такому выводу приходишь невольно, знакомясь с обстоятельствами катастрофы на Черном море, или аварии, как ее незаслуженно мягко почему-то называют. Во всем, что там произошло в ночь на первое сентября и продолжает происходить до сегодняшнего дня, подробнейшим образом, детально разбирается специально созданная правительственная комиссия, и ее выводы, как сообщил журналистам председатель комиссии, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, будут обязательно опубликованы в печати. Будут обнародованы и материалы судебного процесса над виновниками несчастья.

А ПРИШЛА БЕДА...

Это о выводах, а общая картина того, что случилось, уже прорисована достаточно ясно в многочисленных заметках, корреспонденциях, репортажах, которыми заполнена сентябрьская печать. Пусть эти строки добавят к картине какие-то штрихи...

Как и когда все началось? Может быть, два месяца назад, когда главный диспетчер Новороссийского порта Н. И. Шишкарев отправил телеграмму в Канаду, на борт приписанного к Одессе сухогруза «Петр Васёв», и в телеграмме, помимо прочего, говорилось о том, что желательно ускорить прибытие судна в порт с грузом ячменного зерна. Это обстоятельство — отнюдь не решающее, такие же просьбы адресуются многим капитанам, и в свете нынешних хозяйственных перемен они звучат совершенно правильно. Дело в том, что слишком много сейчас разговоров, будто сухогруз уж очень спешил к причалу.

— Швартовка «Васёву» была назначена на первое сентября, так что экономить какие-то минуты в последнем часу 31 августа экипажу сухогруза не было никакого смысла, — рассказывает Николай Иванович. — Я разговаривал с вахтенным помощником капитана: когда судно подходило к Новороссийску, все, кому положено, были на капитанском мостике, капитан Ткаченко стоял у экрана локатора. Курс — 160, и прямо поперек курса, по правому борту сухогруза, шел пассажирский пароход «Адмирал Нахимов», огни его были ясно видны. Состоялись радиотелефонные обмены, и два судна вроде бы договорились о том, как им разойтись. А капитан Ткаченко все смотрел и смотрел на экран локатора, сухогруз шел прежним курсом и прежним ходом. Помощник даже доложил капитану: машина в маневренном режиме! — намекая, что пора сделать маневр, но капитан промолчал. Поведение Ткаченко просто необъяснимо, не поддается никакому анализу! И если бы капитан «Нахимова» Марков был на своем месте в рубке, то он бы наверняка столкновения не допустил!

Да, если бы, если бы... Почему один капитан наплевал на все ясные, четкие морские правила, почему другой капитан тоже их нарушил, отдав команду на сложном участке помощнику, а сам удалился в свою каюту? Марков должен, обязан был стоять наверху, а он появился на мостике лишь после столкновения.

— Мы с женой и двумя детьми купили путевки на черноморский круиз от Батуми до Одессы, — рассказывает шофер из Самарканда Виктор Александрович Габрильянц. — Вечером 31-го вышли из Новороссийска, мы с женой гуляли на верхней палубе, а дочери остались внизу, в нашей каюте номер 123. Только что были на встрече с ветеранами, успели потанцевать на веранде. Я на ми-

нуту отошел от жены и вдруг увидел — из темноты прямо на нас быстро надвигается какое-то судно. Я не моряк, а шофер, но понял, что сейчас будет столкновение... Подумал о детях и бросился вниз. На бегу кричал: люди, спасайтесь! Был уже у своей каюты, и тут — удар. Я к двери — ее заклинило. Тогда я нашел опору для спины и стал бить ногой в нижнюю часть двери, не знаю, как она называется — где отверстия для вентиляции. Я вышиб эту доску, влез в каюту. Дочери проснулись, ничего не понимают. Схватил восьмилетнюю Лауру и протолкнул ее в отверстие. Помог выбраться старшей, Анжеле. Выбрался сам. Вспомнил, что в шкафу были спасательные жилеты, вернулся — у шкафа двери тоже заклинило. Я занимался боксом, руки сильные — ударил правым кулаком, потом левым. Дверца поддалась, я нащупал два жилета и с ними выбрался в коридор. Народа там было еще мало, кто-то кричал, что судно село на мель, не надо спешить. Я успел добежать с дочерьми наверх до того, как началась паника, и это нас спасло...

Виктор закрывает лицо рукой, голос его прерывается.

— Мы оказались на палубе, она уже сильно накренилась. Я стал надевать на Лауру жилет, никак не мог в нем разобраться — нам никто не объяснял. Кое-как закутал ее в жилет, потащил к борту. Она испугалась — папочка, кричит, не бросай меня, спаси меня! Я поцеловал ее и толкнул за борт... Помог прыгнуть Анжеле, и тут меня снова что-то ударило, а потом из

помещений вырвалась сильная струя воздуха, и меня толкнуло к борту. Я полетел в воду... В воде очухался, оглянулся — и сразу увидел Лауру. Двамя-тремя гребками подплыл к ней, и тут нас закрутило, потянуло вниз — наверное, это была воронка от тонущего парохода. Я в последний момент успел сильно оттолкнуть Лауру, и меня что-то сдавило, сжало так, что не мог уже пошевелиться. Мелькнула мысль: скорее бы уж умереть! Потом обдало резким холодом, перевернуло — наверное, попал в пузырь воздуха из парохода. Сколько это длилось — не помню, только вдруг я снова на поверхности. Вокруг обломки, чьи-то головы. Барахтается старик, я помог ему уцепиться за какой-то деревянный предмет, сам поплыл искать своих. Наткнулся на безжизненное женское тело, ощутил под руками мохнатую кофточку — решил, что это жена, она была в такой кофточке. Снова захотелось умереть... И тут вижу — Лаура! Бросился к ней, на глаза попался плотик, я стал выталкивать на него дочку. Потом подтянул к плоту какую-то женщину. Она оказалась беременной. Рядом — ребенок в жилете, и какой-то мужчина этот жилет с ребенка срыгает. Я закричал на него, подплыл к ребенку и тоже подтащил его к плоту, снял жилет и бросил его тому подлецу мужчине... Сейчас бы его встретить!

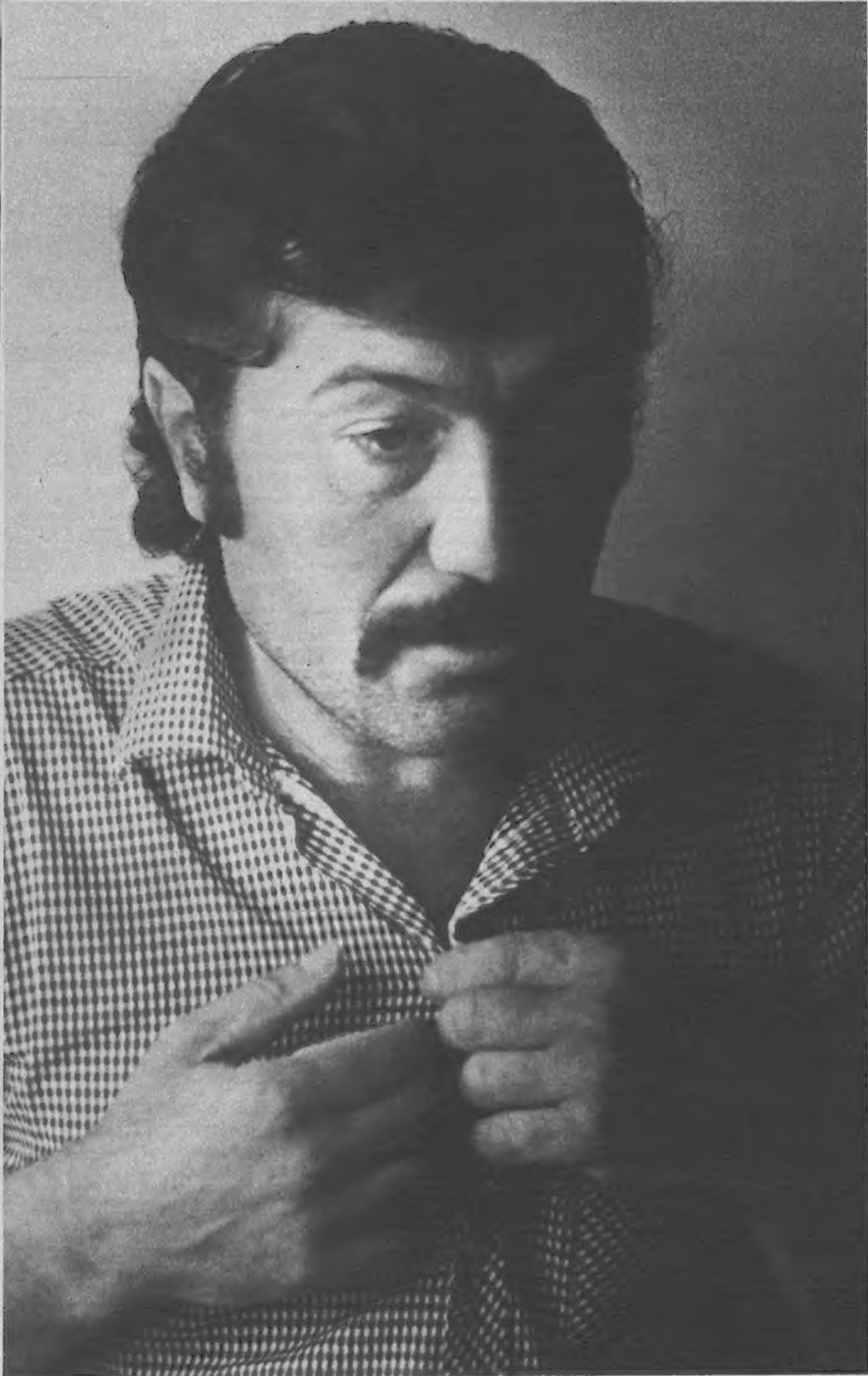
На другом плотике была старшая дочь Анжела — ее спасли другие люди. Вода была жирной, маслянистой от мазута и какой-то краски, очень трудно было плыть.

Потом я подплыл к плоту, а та беременная женщина сорвала с себя последние клочки одежды и закутала мою Лауру, прижала к себе. Сколько прошло времени — не помню. Увидел борт катера, нам бросили веревку, она не долетела. Я поплыл за веревкой, схватил ее, вернулся к плоту, подтянул его к борту катера. Нас подхватили чьи-то руки. На катере я оказался рядом со спасенными мужчинами — все мы были почти раздетыми, в каком-то едином порыве обхватили друг друга за плечи и тут только заплакали. Я считал, что жена погибла... И вдруг увидел ее в толпе спасенных на берегу, в морвокзале, куда нас доставил катер!

...Мы разговаривали в больнице, где еще лежала Галина, жена Виктора. Дочери уже вернулись домой, сам Виктор, совершенно здоровый, помогает опознавать погибших, поддерживает тех, кто в горе... Ему повезло, несказанно повезло в том, что вся семья его жива, и он стократно достоин этого счастья! А вокруг него — горе, столько горя вокруг, что разрывается сердце, и впервые страшишься своей профессии журналиста, когда, расспрашивая об ужасных подробностях, как бы вторгаешься в чужую беду. Нет, не ради любопытства — ради поучения тем, кто не познал еще всей цены человеческой беспечности. А ведь мы привыкли к тому, что все «как-нибудь сойдет» — за рулем автомобиля, в заводском цеху, на лесах строек, да мало ли где еще! Вот она какой страшной бывает, расплата!

Каждый вечер в эти дни вот так, на улицах, председатель правительственной комиссии Г. А. Алиев разговаривает с жителями Новороссийска.

1.

2.

1. 3. Виктор Габрильянц рассказывает... Его жену Галину часто навещают в больнице новороссицы.

2. Давайте помолчим...

4. Опознают фотографии погибших.

5. Так выглядит сейчас сухогруз.

6. Горе...

7. Евгений Матюхин — один из семидесяти девяти водолазов, прибывших на место аварии.

4.

5.

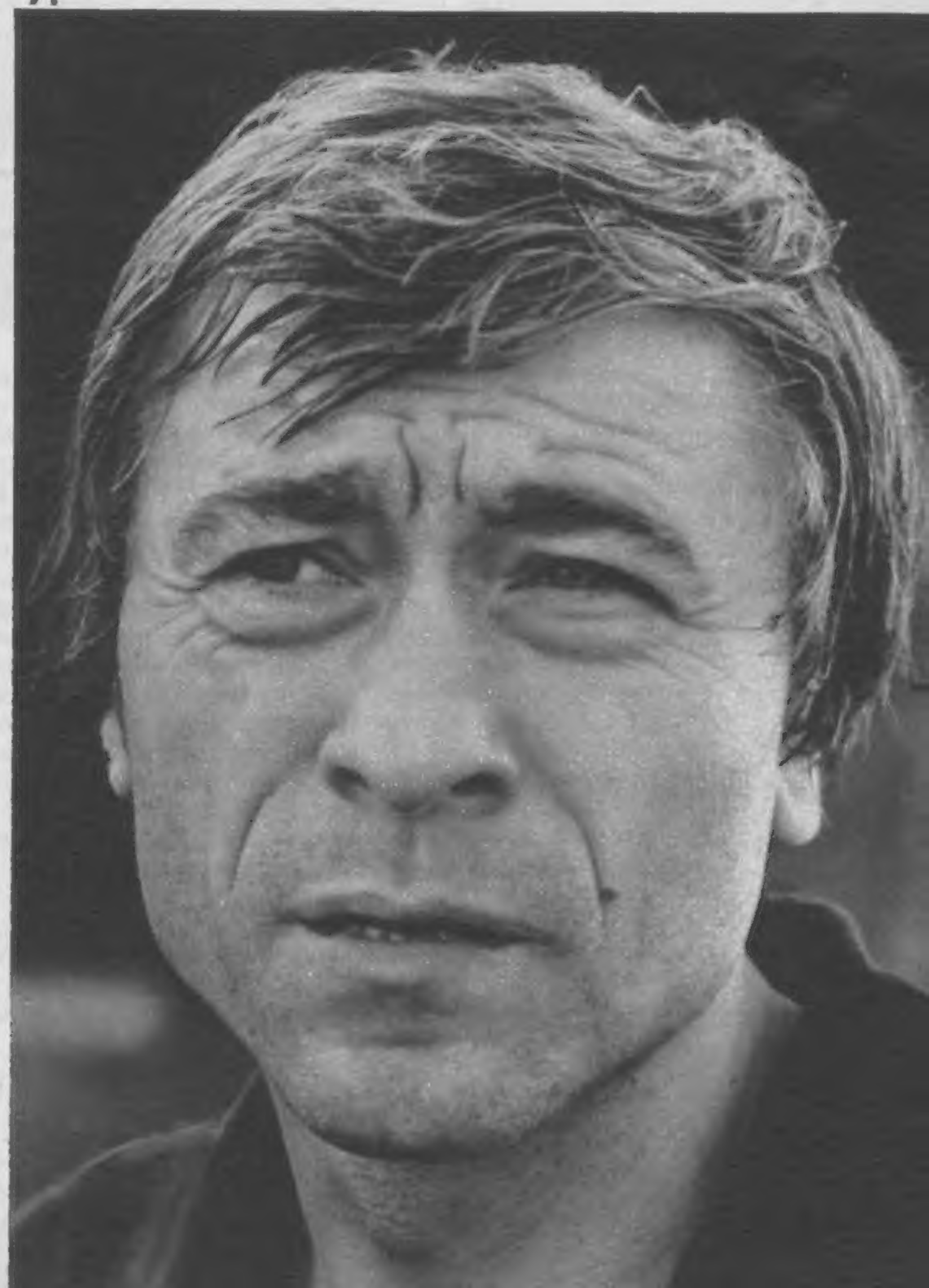

3.

6.

7.

ВИКТОР ПОПКОВ

Е. КИБРИК,
народный художник СССР

Евгений Адольфович Кибрик, известнейший советский художник, поистине классик нашей станковой графики. Он был учителем Виктора Попкова. Эта статья написана в 1976 году по поводу персональной выставки работ его воспитанника.

Виктора Попкова я знал с его студенческих лет. В 1955 году он пришел в мастерскую станковой графики Художественного института имени Сурикова и три года работал под моим руководством.

Яркая личность всегда привлекает внимание, и, вероятно, поэтому я хорошо помню многое, что связано с его творческой юностью.

С самого начала знакомства у нас возник контакт, взаимный интерес, и ему суждено было продолжаться потом, за стенами института.

Он умел учиться, а это верный признак таланта. Я имею в виду не пассивное, послушное выполнение советов учителя, но активную жажду к знанию того, что составляет сложное и высокое ремесло художника.

В каждом деле Попков искал главный смысл, не отвлекаясь на частности, умел ставить себе задачи и находить самые прямые пути их решения. Он страстно хотел стать художником, сделался им необычайно быстро и затем стремительно развивался все последующие годы.

Он обладал редко встречающимся даром, способностью открывать во всем, что его окружало, новое, интересное, увлекательное, достойное воплощения в произведения искусства. В процессе такого открытия обнаруживается своеобразие, уникальность художника, ибо его душа — это всегда единственный в своем роде сплав жизненного опыта, человеческого характера, темперамента, взглядов, знаний и пристрастий. Именно в духовной области, помноженной на силу и прелесть изобразительного мастерства, заключены содержание, ценность, смысл и воздействие искусства Виктора Попкова.

Стараюсь представить себе его творчество в целом, суммарно, как говорится, и думаю, что же в нем самое существенное, неотъемлемо присущее именно ему. Мне кажется, что это — страстное стремление узнать жизнь, понять ее, понять себя, свое место в жизни, удивительная искренность и честность, безбоязненность и прямота.

Темп его творческой активности до предела напряжен. Кажется, что художник едва поспевает воплотить один замысел, как несколько новых уже требуют его кисти.

Пuls этого искусства, стремительный, энергичный, заставляет его сразу же идти к цели, к завершению. Ему несвойственны колебания, недоверие к себе, которые так часто тормозят творческий процесс.

Его искусство активно общественно, социально. В нем всегда слышится громкий, настойчивый голос художника, говорящего о своих раздумьях, о жизни. Для меня Попков всегда был «пролетарским художником».

Вульгарная социология начала 30-х годов прямолинейно квалифицировала художников в зависимости от их социального происхождения (а их искусство — от взятых тем) на «пролетарских художников», «союзников», «попутчиков», «право- и левобуржуазных художников» и т. п. и надела много зла нашей культуре, надолго отбила интерес и доверие к социологии искусства. Анкетные данные, как и всякий формальный подход, сплошь и рядом оказываются вопиюще несостоятельными для оценки истинного содержания человека и художественного творчества.

Но в то же время сплошь и рядом отчетливо видно, как социальное происхождение отражается на самых существенных аспектах личности человека, на его самосознании. Я всегда ясно видел, как происхождение из рабочей семьи во многом сказывалось в искусстве Попкова, и прежде всего в том, что ему не нужно было «изучать» рабочий класс: он сам происходил из него. Да и преобладающая тематика его творчества — труд и быт советского рабочего человека — естественна, органична для него: он изображал близких и понятных ему людей.

Остановлюсь еще на одной существенной черте. Для Попкова никогда не была самоцелью форма его живописи, несмотря на то, что часто бросалась в глаза дерзкая необычность приемов, которые он применял в своих картинах. Он напоминал мне человека, до предела захваченного образом, идеей, замыслом, возникшими в его воображении и требующими немедленного воплощения. И здесь на помощь приходила удивительная свобода выражения. Как хороший работник, изобретательный, находчивый, умеющий приспособить к делу любые подручные средства, смело сочиняющий новые, которых ему не хватает, Попков умел использовать для своих творческих целей все, что могло ему быть полезным.

График и линогравер по образованию, он решительно применил в станковой картине систему лаконичного цветового решения, свойственного цветной печатной графике, и это дало силу, свободу, уверенность и открыло самостоятельный колористический путь его живописи.

Может быть, ярче всего талантливость Попкова сказалась в том, как неожиданны были темы, с которыми он выступал на выставках. Заметьте, новые темы появляются более чем редко. Чаще всего мы встречаемся с новыми вариантами давно уже знакомых нам мотивов, кочующих от выставки к выставке.

«Что на этот раз показал Попков?» — интриговало постоянно каждого из нас при открытии очередной экспозиции. За короткий срок он завоевал исключительное признание в широкой среде художников, ибо был из тех, кто идет впереди, ищет и прокладывает дорогу для позади идущих.

Широко раскрытыми глазами, под высоко, как бы удивленно поднятыми бровями, он пристально вглядывался в окружающую его жизнь, мгновенно загорался, обнаружив в ней новое, никем еще не замеченное, и, захваченный найденным, видел уже будущую картину, которую писал сразу, скорей, лишь бы было сильно и выразительно, не боясь ничего.

Горестно думать о том, как далеко еще он мог пройти вперед, ибо только приближался к зрелости, когда богатство внутреннего содержания, страстный напор темперамента должны были бы соединиться с глубиной мастерства живописи, с драгоценным и прекрасным сплавом красок.

Он к этому шел, работая запоем, без передышки, постоянно не поспевая записать то, что рождало его творческое воображение. И сделал очень много. За шестнадцать лет работы создал около семидесяти больших и малых картин, множество этюдов, рисунков, гравюр, акварелей.

Творчество Попкова откровенно автобиографично. То он изображает себя в избе северной деревни, рисующего старую колхозницу («Художник в деревне»), то на снегу у мольберта, пишущего проходящих перед ним современников («Мой день»), то на кушетке в своей мастерской под окном, раскрытым в московский мир («Работа окончена»), то, наконец, размышляющего в солдатской шинели («Шинель отца»).

Эта откровенная лирическая линия невольно приводит на память лирику Маяковского, с которым у Попкова есть, мне кажется, нечто общее — хотя бы в характере творческой дерзости, органически свойственной обоим. Пожалуй, причина этого в ощущении себя самого полноценным и полноправным современником, в котором бьется сердце эпохи. Но это между прочим, ибо в основном художник неукоснительно изучал жизнь нашего народа и из нее извлекал темы и образы своих произведений. Попков знал нашу огромную страну. Он был в Средней Азии, в городах Поволжья, на Байкале, на трассе Абакан — Тайшет, на целине — в степях Казахстана, в городах Средней России, на Белом море, в Архангельской области, был в Крыму, на Кавказе и в Прибалтике.

Он не только многое видел, умея видеть, но и обладал силой воображения и интуицией, которые позволяли ему постигать характеры, далекие от его непосредственного жизненного опыта. Такого, в частности, самое последнее полотно, «Осенние дожди», посвященное Пушкину, показанное на выставке уже после смерти художника. Картина эта интересна, нова и очень убедительна. Вдохновенный поэт и Россия слились в один ясный образ. Попков почувствовал существо поэтического вдохновения, ибо оно было свойственно ему самому и вело художника разными путями.

В первые годы его искусство откровенно мажорно. Это длинный ряд радостных картин рабочего труда и быта, сразу же снискавших живописцу общественное признание. Первую из своих картин, «Молодость», он написал с дипломной работы (три цветные линогравюры и десять больших акварелей на темы жизни Казанского вокзала, которыми блестяще окончил Институт имени Сурикова в 1958 году). Полотно было замечено и принесло успех автору.

Заслуженную большую славу имел еще один из ранних холстов — «Строители Братска». Он давно уже занимает заметное место в Государственной Третьяковской галерее, которая, кстати, приобрела и дипломные линогравюры Попкова.

Эта картина значительна, проста и глубока образами своих героев. Что ни фигура — яркий тип и характер. В них мужественная красота людей, своими руками (а рабочие руки как сделаны!) строящих гигантскую индустрию социализма. А чего стоит хотя бы образ маленькой усталой женщины с сигнальными флажками в руках!

Красота есть и в ритме, объединяющем все части картины в нераз-

В. Попков. 1932—1974. ОСЕННИЕ ДОЖДИ (ПУШКИН). 1974.

В. Полков. ШИНЕЛЬ ОТЦА. 1972.

Михаил ЛЬВОВ

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя новая книга «Второе письмо в молодость», куда вошли в основном стихи, написанные в 1985 году,— мои радости, горечь, крик, боль, гнев...

...Первая моя книга стихов, «Время», вышла в 1940 году в Челябинске. Пишу стихи года с 1935-го, то есть лет пятьдесят... Занятие «неизлечимое». Бунин считал, что стихи составляют важнейшую часть «психической жизни» поэта.

В книге Пабло Неруды «О поэзии и о жизни» есть такие слова: «...в действительности творчество — это вечное колесо, которое вертится все с большим проворством и все хитроумнее, хотя, быть может, с годами исчезают свежесть и непосредственность».

Не знаю, как насчет «проворства» и «хитроумности», но колесо действительно продолжает вертеться! Спицы блестят на солнце! Пишется!..

ЭТОТ ВЕК

Мы правду лет
Сказав, не приукрасим,
что есть
и в этот век
Он —
положительно прекрасный
Обычный
чудный
человек!
В нем — сила,
разум
и отвага,
И дух —
у силы не в плену.
Вся жизнь твоя —
святая тяга,
Художник,
именно к нему!
Важней
и жизни
и — дороже —
В твоей борьбе,
в твоей мольбе
Он — был,
иль — есть,
иль — будет все же,
Иль —
начинается
в тебе.
Вот подвесили
над Хиросимой
Пепел атомный
невыносимый,
И добавили
над Нагасаки.
Это помнит сегодня
всякий.
Этот пепел
в любом человеке,
И — не выбросится
вовсе
Из сознания —
и одного,
И земного шара
всего.
...И разросся
словарь наш
атомный,

Давит душу
словарь тот адовый
И берет
нас всех
в оборот,
В страшный
атомный
переплет.
Землю
ужасом
переплетет.
Пепел
падает
на человека,
Человека
двадцатого века,
Наподобие
страшной тени
Давит
атомное угнетенье,
Новый
страшный атомный
гнет
Человечество
к гибели
гнет...
Разрастается
атомный
бум...
Искривляет
умы правительств,
Перечеркивает
провидцев

И ответственный
здоровый ум...
Человек
не железный,—
Мною понято
тоже...
Он — любимый...
любезный.
Из раннейшей кожи...
Из души сверххранимой,
Не прикрытой
ничем...
И броней
нехранимой,
Не запрятанной
в шлем...
А создание
крупное!
И зовут —
человек!
Очень нежное,
хрупкое,
Если ткнется
об Век...
И за жесткою внешностью
Сверххранимость
живет.
Привечаю я
с нежностью
Утром встречный народ.

НОСТАЛЬГИЯ

...И — сегодня не лучшая в мире,—
погода,
И сердца не стальные...
По Девятому Мая
сорок пятого года
У меня ностальгия.
... Вот поверженный свод...
Не античность, не Греция...
Вот эсэсовец пленный —
То — разгромлена
нашей отвагой
«эсэсия»
На виду у Вселенной!
С той поры — ностальгия
по честному миру —
(И у всех!) ностальгия!
Как я верил тогда
своему командиру,
В те года боевые!
Так, наверно, Кутузову
или Суворову
Доверяла Россия.
...По Кульчицкому Мише
и Коле Майорову —
У меня —
ностальгия.
Не придут — наяву —
ни на площадь,
ни в гости —
Только — в сны болевые...
И — по всем непришедшим,
по умершим после —
У меня ностальгия.
Пусть — продолжится Жизни!
И — другие — родятся
(И — поэты —
другие)...
По планете —
доатомной,
без радиаций,
у меня —
ностальгия.
Просыпаюсь — чуть свет...
Это — вовсе — не паника,
И не страхи
ночные...
А — душа
переполнена
вечной памятью,
И — сквозит
ностальгия.

рывное и музыкальное целое. Для этой работы Попков нашел новую композиционную форму, вызвавшую много подражаний в работах молодых живописцев.

Почетного диплома удостоены были в 1967 году в Париже на Международной выставке молодых художников три картины Попкова: «Бригада отдыхает», «Полдень» и «Двое».

В дальнейшем он все чаще стал обращаться к темам драматическим и трагическим, стремясь к обнаженной правде, зная, что жизнь не только радостный праздник красивых людей, но и страдание, и горе и что можно быть хорошим человеком, обладая непривлекательной внешностью.

Его симпатии стали настойчиво привлекать именно подобные образы. Самые значительные из этих произведений, пожалуй, «Северная песня» («Ой, как всех мужей побрали на войну...») и «Воспоминания. Вдовы». Такие темы глубоко естественны для художника, отец которого погиб во время Великой Отечественной войны.

Картины Попкова того периода нередко встречали непонимание, их критиковали ревнители «украшения» действительности.

Не может, я думаю, ничто новое мягко и безболезненно войти в жизнь, почти неизбежно возникают недоразумения.

Тем с большим удовлетворением встретили все, кому дороги талант и творчество крупного, яркого художника Виктора Ефимовича Попкова, присуждение Государственной премии СССР за 1975 год его картинам «Строители Братска», «Бригада отдыхает», «Северная песня», «Семья Болотовых» и «Шинель отца».

Всю свою творческую жизнь художник честно шел своим путем, который приводил его ко все более значительным и емким задачам.

Когда он принес мне эскиз своей последней большой картины «Хороший человек была бабка Анисья», я был восхищен не только композицией, но и названием картины: оно казалось мне необыкновенно талантливым. В нем одном уже содержалась возможность «программного» произведения — народного и бесконечно человеческого.

Под этой картиной в окружении массы московских художников мы прощались с Виктором Попковым, искусство которого так неожиданно и трагически оборвалось на сорок втором году жизни.

Владимир Дудинцев, автор получившего широкую известность произведения «Не хлебом единым», написал новый роман «Белые одежды». В нем говорится о той непростой обстановке, которая сложилась в биологической науке после сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) 1948 года. Известно, что на этой сессии академик Т. Д. Лысенко вместе с И. И. Презентом и другими своими единомышленниками, используя недостойные методы, заняли ключевые посты в биологии, добились признания взглядов Т. Д. Лысенко единственно верным учением, а генетику объявили «буржуазной лженаукой».

«На развитии биологии в большой мере отразилось монопольное положение группы ученых, возглавляемой академиком Т. Д. Лысенко, отрицавшей ряд важнейших направлений биологической науки и внедрявшей свои точки зрения, часто не соответствующие современному уровню науки и экспериментальным фактам», — говорил президент Академии наук М. В. Келдыш на общем собрании Академии наук в феврале 1965 года. Это обернулось немалыми потерями для нашей науки, исследования по важнейшим биологическим проблемам были прекращены.

В первой части публикуемого нами отрывка как раз и показан период после 1948 года. А завершается он рассказом о том времени, когда наметились коренные перемены в жизни нашей страны.

Полностью роман «Белые одежды» принят к публикации журналом «Нева».

Владимир ДУДИНЦЕВ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

В ДНИ ИСПЫТАНИЙ

1

Рано утром в воскресенье за окном раздался сигнал институтского автобуса. Федор Иванович подхватил чемодан своего товарища и вслед за Цвяхом вышел на крыльцо.

— Ну, — бодренько сказал Василий Степанович. — Втравил я тебя в это дело, теперь держись.

Крепко пожали друг другу руки, и Цвях укатил.

В понедельник с утра он был в ректорате. Там секретарша Раечка дала ему прочитать приказ, где значилось, что кандидат биологических наук Дежкин Федор Иванович «сего числа и до особого распоряжения» назначается исполняющим обязанности заведующего кафедрой генетики и селекции с одновременным исполнением обязанностей заведующего проблемной лабораторией. Поставив под этим приказом простенькую подпись, Федор Иванович ушел в «свой» корпус.

Все преподаватели уже сидели в той комнате, что была рядом с кабинетом заведующего кафедрой. Ходеряхин тонко и грустно улыбался, Краснов вежливо глядел в пол. Анна Богумиловна издала веселый рык:

— Вот и наш зашел!

Здесь же сидел за столом и профессор Хейфец. Встав, он тронул Федора Ивановича за локоть и тихо, почтительно попросил:

— Вы позволите мне взять портреты?

— Пожалуйста, — так же тихо ответил тот. — Я еще не принимал у вас кафедру.

— А что там принимать... — Старик посмотрел с древней, библейской тоской. И Федор Иванович ответно коснулся его руки.

— Пожалуйста, берите все, что вам надо. И я бы хотел, чтобы вы не навсегда...

— Что будем делать с иконостасом? — громко гаркнула Побяхо. — Может, отнесем эти портреты на хоздвор?

— А что на хоздворе?

— Федор Иванович, вы еще не знаете? — тихонько прогудел около него Хейфец. — Там уже с семи утра костер... Жгут книги по генетике. Пожилая бездарь и молодая глупость жгут хорошие учебники.

— Портреты отдадим Натану Михайловичу, — сказал отчетливо Федор Иванович.

— Портрет академика Лысенко надо заметить, — заметила Побяхо.

— Что толку? — сказал ей с улыбкой Хейфец.

— Замену поручим вам, Анна Богумиловна. — Федор Иванович устремил на нее мягкий непроницаемый взгляд.

— А мне что делать? — подал голос Стригалева. Он тоже был здесь, сидел в углу.

— Как что? Я вижу, вы в пиджаке и с галстуком. У вас сегодня, по-моему, лекция. Значит, вам идти в зал.

Тут он заметил Елену Владимировну. Все это время она пристально смотрела на него, но он был занят разговором с другими. Теперь заметил и на миг остановил на ней свой мягкий прохладный взгляд, который можно было про-

читать примерно так: «Надеюсь, мы покончили наконец со всеми боевыми заданиями. Слава богу. Теперь на основании приказа ректора мы можем перейти к спокойным деловым отношениям».

— Я считаю, что все должно идти, как шло, — сказал он. — Правда, с некоторыми поправками, смысл которых, я полагаю, всем ясен.

Что-то вздрогнуло в нем, и больше он на Елену Владимировну не смотрел. Он знал, что недостатков у него хоть отбавляй — он и неказист, и рост маловат, и слишком открыт, и наивен, и хорошо умеет попадать впросак, а она вон какая — ее совсем не видно. Нет, хватит! И он захлопнул все ставни.

Она, конечно, все это прочитала, похолодела и, гневно сведя честные четкие брови, стала смотреть в окно.

Стригалева поднялся, взял свою тоненькую кожаную папку и вышел. Комната постепенно пустела. Федор Иванович тронул кофту профессора Хейфеца.

— Натан Михайлович, пойдете, я помогу вам снимать портреты.

Старик, посапывая, послушно поплелся за ним. В кабинете Федор Иванович поставил под портрет Менделя стол, убрав с него спиртовку, на которой неделю назад Леночка варила кофе. На столе утвердил стул — и вот портрет уже стоит на полу, и поникший Натан Михайлович рукавом кофты стирает паутину с тяжелой дубовой рамы.

Когда был снят со своего места Морган, слышался неуверенный стук, дверь кабинета приоткрылась, и показался хмурый Стригалева. — Вы не пошли? — Федор Иванович прыгнул со стола.

— А вы посмотрите, что там делается...

Федор Иванович не стал ничего спрашивать. Похлопал в ладоши, отряхивая пыль, и, не оглядываясь, устремился в коридор.

Обе половинки дверей малой лекционной аудитории были распахнуты. На скамьях, амфитеатром уходящих к потолку, группы студентов замерли, и было видно, что появление решительного нового заведующего кафедрой прервало горячие споры. Все повернули головы к входу. Самая большая группа собралась внизу на помосте, где были кафедра и стол для демонстрации экспериментов. Здесь же стояла Анжела Шамкова. Ее белый палец с бледным ногтем как бы писал нервные завитки на листе бумаги, лежавшем на столе. Федор Иванович подошел.

— Нет, ты подпишешь, — говорила Шамкова сильно покрасневшему молоденькому студенту. — Лекции он читал неинтересные. И мичуринское учение у него получалось с подкладкой, с обманом. Он же вейсманист-морганист! Его все равно уже...

Студент с ужасом оглянулся, увидел Федора Ивановича и еще больше покраснел.

— Что здесь? — громко спросил Федор Иванович, чтоб спасти беднягу от наседавшей на него Шамковой. Взял со стола листок. Студент сразу же, показав товарищам круглые повеселевшие глаза, шагнул в сторону.

— «Мы, студенты факультета генетики и селекции растений, просим ректорат избавить нас...» — чеканя каждое слово, громко прочитал Федор Иванович, становясь непроницаемым, — ...избавить нас от обязательного слушания лекций И. И. Стригалева, который, как выяснилось...

На лицо Федора Ивановича легла жесткая тень официальности, губы стали тоньше.

— Почему я ничего не знаю об этом? Анжела Даниловна! Я все-таки здесь...

— Это согласовано, Федор Иванович...

— Вы же сами сказали — его все равно... И притом уже. Зачем же еще этот дополнительный... ритуал?

— Федор Иванович! — Шамкова вздохнула с досадой. — Это письмо обсуждено. Оно будет завтра напечатано в нашей...

— Д-да? Тогда, конечно. Хотя, в общем, странно. Ну и как дело идет?

— Есть неподписавшие. Некогда было провести работу...

— Ну-ка, что тут... Ого, собрали все-таки! По-моему, человек тридцать есть. А говорите, некогда. А это что? Анжела Даниловна! Он остановился, посмотрел на нее с удивлением. — Что же это вы, вожак, и не подписались под этим историческим документом? А? Страшно? Напечатают в газете?..

Шамкова начала розоветь, опустила глаза.

— Любопытно... — Он понизил голос. — Испугались? Знаете, как библия определяет фарисеев? Возлагают на людей бремена тяжелые и неудобноносимые... Сами же пальцем не двигают...

Шамкова вспыхнула, оглянулась на студентов.

— Я же не... Я все-таки в аспирантуре...

— Вы прежде всего тот, кто зовет. Кто, как вы говорите, проводит работу.

Она с нетерпеливой досадой, громко вздохнув, схватила ручку.

— Впереди, впереди, — сказал Федор Иванович, холодно глядя на нее. — Впереди всех. Вот так. Теперь вы получили право проводить... вашу работу.

Окинув ее быстрым взглядом, Федор Иванович повернулся и вышел.

В глубине коридора, ближе к кабинету кафедры, ждал его Стригалева, прислонившись к стене.

— Да, вам, Иван Ильич, лучше туда не идти. Дело гиблое. Отцы и дети...

Стригалева чего-то ждал. Он смотрел и как бы протягивал руки — ждал помощи.

— Дверью не вздумайте хлопнуть, — сказал ему Федор Иванович. — Вы попали под бой. Отчасти и по моей, Иван Ильич, вине. Я постараюсь свою долю вам возместить.

«Это большая доля, и я все возмещу», —

хотел он еще сказать, но вовремя одернул себя, смолчал. Такие вещи не говорят. Просто возмещают.

— Вам сейчас нельзя делать ошибок. Эмоций не нужно. Хорошо обдумайте каждый шаг, всю линию.

— Линия давно обдумана, — угрожающе, но и доверительно пробубнил Стригалева. Морщась, он потянул за шнурок, достал из-за пазухи белую бутылочку. — Линия единственная. — Он отхлебнул. — И я думаю, что меня хаатит...

— Что это у вас?..

— Сливки. У меня же язва...

— Ах, вот что...

— Затесалась, черт ее... — Стригалева улыбнулся, блеснув стальными зубами.

Они постояли молча. Федор Иванович жал ему руку, задерживал, не хотел выпускать. И Стригалева не отнимал руки, как будто хватался за последний шанс.

«Иван Ильич! — так и рвалась из Федора Ивановича горячая клятва, и он удерживал ее. — Я возмещу. Не как смогу, а как должно!..»

Как быстро делаются некоторые дела! Через два дня утром до начала занятий во всех залах, кабинетах и лабораториях читали свежую маленькую газетку-многотиражку института. «Сорную траву с поля вон!» — увидел Федор Иванович на второй странице крупный заголовок. Это было то самое, позавчерашнее. И подпись Шамковой стояла на первом месте... «А-а, мерзость, все-таки побоялась вымарать себя из списка», — удовлетворенно подумал Федор Иванович.

В то же утро, зайдя в ректорат, он перелистал лежавшую на столе секретарши книжечку. Это был еще один приказ министра Кафанова об увольнении профессоров. Книжка действительно была похожа на железнодорожное расписание. «Хейфеца Натана Михайловича», — прочитал он на шестой странице. Перевернул еще несколько страниц и увидел: «Стригалева Ивана Ильича». Задумался, медленно краснея. «Неужели каждому, кто в этих списках, устраивали такой римский театр?» Тут же, взяв себя в руки, спросил:

— Когда это поступило?

— Из Москвы? Еще в четверг, по-моему, — спокойно, мимоходом бросила Раечка, занимаясь своими бумагами. — А от Петра Леонидыча сегодня утром.

— Значит, приказ был у него?

Секретарша пожала плечами.

«Задержал!» — Он все же выстоял необходимые секунды показного равнодушия. Не ахнул, только опущенные веки дрогнули. Никогда он не мог привыкнуть к таким открытиям. Молча положил приказ и вышел. «Четыре дня держал! Специально!» Он качал головой, бредя по коридору. — Чтоб через массы провести! Чтоб они, а не Касьян... Касьяну это понравится...»

Утром позвонил Кассиан Дамианович.

— Болит голова после вчерашнего?

— Кассиан Дамианович, полная ясность! Готов к любым заданиям.

— Молодец. Значится, так. Давай-ка в двенадцать прогуляемся с тобой. Не догадываешься куда? Ах, догадался! Ну ж ты у меня и башка! Прав Саул, вундеркинд. Так вот, значит, в двенадцать. Мы ж сегодня отбываем в Москву. Встречай нас около своего крыльца, оттуда и пойдем. Хочу обозреть, что там осталось от наследства этого вейсманиста.

— Печати будем ломать?

— Зачем ломать? Ты как ходишь?

— Так я же через забор...

— Вот и полюбуемся с Саулом, как батька умеет через забор. Ты еще плохо знаешь своего батьку. Ты еще ничего, сынок, о нем не знаешь. Держись крепче за батькин фост. Не прогадаешь.

В двенадцать часов Федор Иванович — в сапогах и застиранной куртке из тонкого брезента — ждал гостей у крыльца. Точно в назначенное время подошли академик — в том же светлом тонком пыльнике, который был у него год назад, и маленький, тонконогий, с очень широким корпусом Брузжак в пиджаке с толстыми плечами. Пока здоровались и обменивались впечатлениями о вчерашней пирушке, лицо Саула несколько раз заметно переменялось. В основном он старался посмотреть героем. Но

иногда, в зависимости от поворотов беседы, в лице его проступала сладость, а в иные моменты сквозь сироп вдруг взглядывал холодный наглец, и, оглянувшись на академика, вставлял в разговор какой-нибудь неприятный «финишек», специально для Федора Ивановича, какой-нибудь шуточный намек на его неискренность по отношению к Советской власти. «Хороший собака» все время, между делом, старался достать его горлянку. Академик с интересом это наблюдал.

Не спеша они пошли через парк. Вражда сама собой разъединила Федора Ивановича и Брузжака и поставила по краям шеренги. «Правая рука» шел справа, это получилось само, а Саул — слева, его не было видно.

— Что ты там, Федя, Ассукритову нагородил? — спросил вдруг Кассиан Дамианович. — Жалуетесь он на тебя. «Не имею права давать хода эмоциям». «Не хочу пустых придираков». Он прав, заключение твое беззубое. Враги забросили идеологическое оружие, и твоя обязанность была разглядеть глазом ученого все то, что он глазом криминалиста еще видел в тумане. В тумане, но видел! А ты...

— Не считаю разговор о клетке идеологической борьбой, — холодно сказал Федор Иванович.

— Почему же ты не пришел ко мне, к своему батьке? Если на тебя такая мягкотелость напала... Почему к Ассукритову свои слюни понес? Я его рекомендую, я его подаю как непримиримого борца, а он меня дискредитирует... Академик остановился. — Шел бы ко мне. Я тебе все бы руками в два счета развел. Ты мичуринец? Ты прав? Вот и бей!

— Ха! Мичуринец! — вставил Саул, беспечно смеясь. — Старик, ты богоискатель!

— Не лезы! — оборвал его Кассиан Дамианович. — В другой раз, Федя, ко мне, ко мне со всеми вопросами. Я у тебя исповедник, я твой пастырь. Ты там что-то ему насчет структур заливал... Насчет клеточных структур. Ха-ха! Да ты знаешь, что такое клеточные структуры? Это ж питательная среда, на которой сейчас же разовьется микроб вейсманизма-морганизма! Как тиф! А ты их студентам. Изучать... Ты хороший парень. Но уклон у тебя академический. Староакадемический, я имею в виду. А тебе бы надо знать, что в эти дни, когда идет такая борьба, и академики становятся другими, не такими, как раньше. Как ты этого не замечаешь?

— Старик, это уклон не академический. Он больше смахивает на правооппортунистический, — сказал весело Саул.

— Это ты мне говоришь? — Касьян остановился.

— Нет! Кассиан Дамианович! Вам сказать «старик» разве я смогу? Нашему будущему доктору наук, вот кому.

— Возможно, что я действительно мягкотел, — заговорил Федор Иванович, отвечая академику, и только ему. — Возможно. Но, помимо этого, я все же ваш сотрудник...

— Старик, к чему эти оправдания? — весело вмешался Брузжак. — Советская власть тебе верит. Пока...

— И, как сотрудник, я вижу, что нам нельзя ошибаться, что эти ошибки сейчас же будут использованы врагом. Ведь если бы я вместо объективной научной экспертизы выступил с обвинениями, что очень нужно Ассукритову, то я, по существу, проделал бы его работу и снял бы с него ответственность за их предстоящее решение.

— А тебя, старик, оно беспокоит? — полюбопытствовал Брузжак.

А Кассиан Дамианович даже остановился:

— Разве ты не знаешь, что за каждый твой шаг отвечает батька?

— Именно поэтому я и обдумываю все свои шаги.

— Ничего, старик. Я уже написал другое заключение, — сказал Брузжак. — И политическую оценку дал. И взял на себя ответственность, которой ты так боишься.

— Когда же ты успел? — удивился Федор Иванович.

— Ночью, старик, ночью. Когда ты спал.

— А я думал, что ты...

— Он все успевает, — заметил академик, хихикнув. — Голова об экспертизе думает, а уста признаются в любви.

Так, искусственно беседуя и все больше на-

гнетая злую напряженность, они пересекли по мощеной дороге поле и свернули к трубам. Тут в разрыве между концами труб Брузжак остановился и некоторое время холодно смотрел в железный зев, который, казалось, был готов принять маленького человечка. Затем тронулись дальше и подошли к забору. Кассиан Дамианович увидел желтые печати на калитке и усмехнулся.

— Значится, это здесь... Ну-ка покажи нам, как ты умеешь нарушать закон.

Федор Иванович отошел в сторону и с разбега, схватившись за верхний край забора, одним махом перескочил его. И очутился в знакомом внутреннем дворике с альпийской горкой посредине. Захваченные врасплох духи запустения метнулись по углам, и что-то тоскливо стеснило грудь. Дворик начал зарастать сорняками. Темная зелень георгинов разрослась, полностью скрыв валуны.

— Эй! Ты забыл про нас?— окликнул с улицы академик.

— Сейчас, Кассиан Дамианович. Сейчас помогу.

— Помогу!— Академик насмешливо крикнул.— Ты забыл, что твой батька когда-то был Касьян.

В край забора вцепились напряженные сухие пальцы. Длинная нога в ботинке и в белой обмотке стариковских подштанников под завернувшейся штаниной закинулась на забор. С минуту в такой позе академик сопел, накапливая силы, потом рванулся, и туловище его перевалилось через дощатый край.

— Держи!— успел он простонать, и Федор Иванович принял тяжелое костлявое тело.

Став на ноги, академик огляделся.

— У нас с тобой, Федя, это прилично получается. Сразу видно, хлопцы из народа.— И шагнул к альпийской горке.— Что это у него тут?

— Георгины.

— А там, внизу, ничего нет? Под георгинами?

— Камнеломка. Троллейбус здесь разводил цветы.— И, отведя в сторону охапку темной цветочной листвы, Федор Иванович показал академику голубой коврик из камнеломки, сквозь который проглядывали валуны.

— Цветочками занимался...— задумчиво проговорил Кассиан Дамианович. Его степные цветущие глаза уже покинули альпийскую горку, уже шарили вокруг.

— Так, значит...— Он понизил голос.— Заметь себе, Федя, тебе сейчас нельзя ошибок допускать. Ассукритов сильно тобой заинтересовался. Попкой вертит. Как кот на мыша... А это куда ход?— Кассиан Дамианович шагнул к калитке. У калитки вдруг вспомнил:— Саул! Ты что?

За забором было тихо.

— Помоги ему,— шепнул академик.

Федор Иванович нащупал ногой прожилину забора и перескочил на ту сторону. Он сразу увидел своего врага, висевшего на вытянутых руках на заборе. Саул сумел уцепиться за край, но на это усилие ушла вся его энергия, и теперь, вися, он с каждой минутой слабел еще больше.

Федор Иванович мог бы насладиться его бедой, но об этом как-то не подумалось. Чувствуя острую неловкость, глядя в сторону, он подошел к Брузжаку.

— Федя, под микитки его бери,— негромко подсказал из-за забора Кассиан Дамианович.

И, взяв «под микитки» довольно тяжелое, жирное тело Саула, Федор Иванович поднял его и перевалил через забор. Там принял его академик.

Потом они все трое молча стояли несколько секунд. Не глядели друг на друга. Кассиан Дамианович не удержался, пыхнул под нос смешком:

— Пхух-х! Как же ты справлялся там? Куду ночью ездил...

Ответа не было. Академик пошел к калитке и там негромко сказал Федору Ивановичу:

— Кому что... Он же действительно и заключение успел написать. Острое. Отослал сегодня...

Молча они прошли к огороду, побрели в обход.

— Что это за картошка посажена?— спросил академик.— Как ты думаешь, Саул Борисыч, какой сорт?

Он хотел протянуть руку Брузжаку, вывести из неловкости. Но нечаянно нанес второй удар.

Саул, сорвав лист картофеля, осмотрел его и, бросая, обронил с докторской уверенностью:

— Ранняя Роза.

— Федь, а ты что скажешь? Только не ври. Я знаю тебя, ты уже хочешь мне соврать. Не ври. Даже из высших соображений.

Федор Иванович действительно хотел согласиться с Брузжаком. Душа его еще не успокоилась после конфуза, приключившегося с Саулом при взятии забора. И он знал, что самолюбивого Брузжака ждет новая рана. Не хотелось его казнить.

— Чего молчишь? Я тебе не разрешаю врать. Какой это сорт? Мне это нужно.

— Обершлезен,— сказал Федор Иванович.

— Почему Обершлезен? Докажи. Мне нужно.

— Потому что из всех картошек только у Обершлезена вот такая односторонняя, асимметричная рассеченность листа. А на концах плющелостность... Вот она... Срослись концевые доли... Других таких сортов нет.

Не только Саул — и Кассиан Дамианович сел в глубокую калошу с этим неудачным вопросом. Не очень хорошо знал старик сорта, хоть и считался главным авторитетом по картошке. Проблемы идеологии все заслонили. Проблемы глубокой философии. Но он умел вывертываться из трудных положений.

— Тя-ак, Федя...— сказал, задумчиво топчась на месте.— Тя-ак... Тебе, сынок, ставлю пять. А доктору Брузжаку кол. В вопросах философии, психологии, знании враждебных нам теорий... если статью какую написать... тебе, Саул, нет равных. Но картошку ты не знаешь. Поэтому Федьку моего не трогай. Он знает свое дело. И ты, Федор, тоже не заводись. Саул шуткует. Батька не допустит, чтоб до когтей дошло.

Саул ничего не сказал. Он ушел в себя, ничего не слышал, не мог дышать. Побледневшее рыбое лицо его окаменело. Он никогда не упускал случая зло восторжествовать над каким-нибудь неудачником, любил присоединиться к группе, топчущей одного. Рвался терзать упавшего. И страдал, если такое дело не удавалось,— это сразу же было видно. Но еще больше страдало его самолюбие, когда сам попадал в шекотливое положение, и особенно, если нечаянный обидчик замечал свою оплошность и щадил его. Федор Иванович хорошо знал Саула. Да и Кассиан Дамианович видел все и, морщась, поглядывая на Саула, старался внести разрядку. Он берег своего «хорошего собаку».

— Вейсманисты-морганисты, ох и народ!— заговорил он.— Помнишь, Саул Борисович, как мы с тобой в Ленинграде вышибали их из института? Этот случай надо внести в анналы истории. Никак не могли, Федя, вышибить. Все равно как пень дубовый колоть приходилось. Тогда мы еще не располагали таким оружием, как приказ министра. Тебя тогда с нами не было, мы вдвоем проводили кампанию. Я и Саул Борисович. Представь, ученый совет там... Уперся и не дает их трогать. Так что мы сделали? Вернее, что Саул придумал. Я ж тоже закаленный боец — и представь, растерялся. А он предложил пополнить состав ученого совета представителями общественных наук. И все — институт очистили от схоластов. Пень раскололся. Это ты, Саул Борисович, твоя гениальная башка. Так что не вешай нос, талант твой нашел признание. А что шуткуем иногда — не обращай внимания. Классическая была операция!..

Брузжак молчал. Похвалы академика не спасали положения, потому что Саул знал, как на эти вещи смотрит «правая рука». Если бы Федора Ивановича хвалили за такие дела, он не знал бы, куда голову сунуть со стыда. Саул ненавидел Федора Ивановича прежде всего за эту его точку зрения. Злобно-разочарованная сладость застыла на его лице.

— Смотри-ка, Саул Борисович,— продолжал академик как ни в чем не бывало.— Ежевика у Троллейбуса прямо нависает над картошкой. Видишь, как прет? Это ж такая сволочь, ее каждый год надо вырубать. Скажу тебе, он попотел над этим огородом. У тебя нет мыслей на этот счет?

— Конечно, есть! Так потеть — и только для того, чтоб этот... Обершлезен посадить...— сказал Брузжак, обращаясь только к академику.

— И у меня есть мысль,— заметил Федор Иванович.— Даже не мысль, а уверенность. Я думаю, тут дело так обстоит. Он договорился с кем-нибудь, у кого участок. И высадил у того человека свои экспериментальные растения. Все наследство пристроил. Ему и нужен-то всего пятачок земли. И новый сорт там же высадил. А пищевую картошку, которую тот человек сажает для своих нужд, он посадил на этой усадьбе. Человеку прямая выгода: дал пятачок земли, а получил добрых восемь соток. И сорт хороший ему посадили. Три тысячи кустов...

— А есть у тебя что-нибудь конкретное? На чем строишь эту догадку...

— Этот человек сторожит свою картошку,— уверенно и энергично сказал Федор Иванович и округлил глаза.— Он лежку себе устроил в ежевике. Я сколько раз пробовал поймать... Сразу срывается и летит, как кабан. Не дает подойти...

— Хитрый какой кабан...— Академик загадочно улыбнулся.— Боюсь, Федя прав. С носом оставил нас Троллейбус.— Тут улыбка его погасла, он уныло посмотрел на картофельное поле.— Иначе где ж еще все его посадки? Эта версия серьезная, ее надо проверить. Только где ж этот человек живет?

— То-то. Все торопится с Саулом Борисычем. Ударить, разогнать. Подряд чешете. Я же говорил: линию, линию надо вести. Тонко, обдуманно. Поспешили... Теперь где мы его найдем, этого человека? До осени придется ждать. Осенью копать урожай заявится.

— Так это ж и там будет все выкопано. На пятачке...

Все трое замолчали. Нечаянно обернувшись, Федор Иванович увидел: академик и Брузжак пристально смотрели друг другу в глаза. Сразу сообразил: им от Краснова известно многое про этот огород. Поэтому он пошел напрямик.

— Все мешаете мне. Следовательно... Иногда думаю даже: может, это ваш... кабан в ежевике. Как подойду — сразу срывается, летит напролом...

— А зачем ты к ежевике подходишь, сынок? Пусть кабан лежит в ежевике, если ему нравится.

Федор Иванович посмотрел с изумлением.

— Так я же говорил! Я думал, это тот человек... А если он ваш, что же не сказали? Думаете, у меня приятнее нет дел? Я же вон восемь бочек натаскал воды.

— А зачем тебе, старик, таскать воду для чужой картошки?— спросил Брузжак.— Чужая картошка, пищевая! Зачем?

— Кассиан Дамианович, я так не играю, выхожу из игры. Вы же сами рекомендовали одному товарищу медом вымазаться. Точка. Больше ишачить здесь не буду.

— Не нужно ишачить, Федя. Не нужно.

— И мед весь сегодня же смываю.

— И мед больше не нужен. Смывай мед.

— Ну и прекрасно. Дышать будет легче. Надоело в сыщиках ходить.

И Федор Иванович решительно пошел с огорода. За ним двинулся академик. По пути он заглянул в пристроенную к дому тепличку и вскоре вышел с пустым глиняным горшком в руке. Разочарованно уронил горшок и горько, криво полуоткрыв рот, собрав на одной щеке морщины, пошел за Федором Ивановичем к забитой калитке. Они оба перелезли через забор, и Федор Иванович, как и в первый раз, принял академика на руки. Только держался суровее.

— Подержи, подержи,— сказал Касьян, лежа у него на руках.— Все-таки, Федя, выдержка у тебя есть. Это батька заметил и оценил.

Пелазив старика на ноги, Федор Иванович перелез опять во двор и, разведя руки, подошел к Брузжаку.

— Обнимемся?

Академик, глядевший в щель, чуть слышно сказал за забором: «Х-хы!» Брузжак молча подставил жирную круглую спину, и Федор Иванович, крепко подхватив его «под микитки», взгромоздил своего молчаливого недоброжелателя на забор, и с той стороны сердитого и самостоятельного доктора наук принял Кассиан Дамианович.

А когда Федор Иванович полез на забор, чтобы присоединиться к тем двоим, которые между тем, не ожидая его, тут же тронулись в путь и о чем-то горячо заговорили,— когда он взлетел над забором и перекинул ногу, он застыл в этой позе: неподалеку от опечатан-

ной калитки стояли два молодых человека в простых, не новых пиджаках — не рабочие и не интеллигенты, с размытыми круглыми лицами. Стояли симметричной парой, полуобернувшись друг к другу. Они видели всю процедуру форсирования опечатанного домовладения и неопределенно улыбались.

Академик и Брузжак остановились в разрыве между концами труб. Как раз когда Федор Иванович подошел, Саул шагнул в темный зев трубы и стал там, слегка наклонив голову.

— Вполне может пройти... — сказал он, нарочно не замечая Федора Ивановича. — Он ходит здесь.

На это академик, вспыхнув каким-то черным огнем, кинулся в другой зев и там, сгорбившись, стал на четвереньки, причем ему пришлось согнуть и ноги в коленях. Не выдержав муки, тут же он, охая, выбрался на волю.

— Нет, исключено... — сказал он. — Тут не проползешь и метра — издохнешь. Впрочем... — Он присмотрелся к Брузжаку. — Тебе, пожалуй, подошло бы. Ты сходи туда, до конца. Проверь. А мы тут подождем.

Труба, вибрируя, ритмично задышала. Шаги Брузжака стали удаляться.

Академик довольно долго молчал. И Федор Иванович, поглядывая на него, не спешил нарушить молчание. Наконец Кассиан Дамианович сказал:

— Ладно, не заводись. Я, конечно, не Саул, и я тебя понимаю. Никакой ты не враг. Но что мамкин сынок — это точно. Нет, тебе не доставляет удовольствия страдание даже врага. Но пока враг не страдает, тут ты можешь, в мечтах, расправляться с ним. Ты, конечно, стараешься работать. Вижу. Но я пронаблюдал тебя, как ты с Саулом... Когда он тебя дергал за это... за самое больное хватал... Я на-

рочно смотрел. Ты готов был кинуться. И если б кинулся, Саул не встал бы. Это мне понравилось. А как дошло до дела, до забора, что я вижу! Федька мой уже жалеет его. Уже размяк! Вот это — ты. Такие все вы, интеллигенты. И с картошкой тоже. Когда я экзаменовал вас, ты ж, Федька, начал его жалеть! Это ж надо — собой решил прикрыть! Я это в тебе давно заметил. Я так и сказал ему, Брузжаку. Федька, говорю, не гончий собака. Не для крови и не для цепи. Он — хороший, ценный кобель для перевозки грузов. Ездовой. Нет ему цены. Говорю, Федьке бороться с врагом мешает душа. Он, говорю, тебя, дурака, от меня прикрыть хотел. А ему, Федя, эти слова как табак в глаза. Понял так, что я тебя хвалю. И на стенку сразу полез. Даже на меня голос поднял. Говорит, идеализм. Богдановщина. Каратаевщина. Пришивать он умеет. Так что, Федя, ловить Троллейбуса я тебя зря пустил. Надежда на тебя плохая. Вернее, никакая. На Саула приходится опираться. Саулу ничто глотку врагу перекусить. Науку я по-прежнему тебе оставляю. А если что коснется людей — тут будет действовать Саул. Я думаю, тебя устроит такое распределение?

Труба опять завибрировала, послышались шаги, и наконец из зева показался Брузжак.

— Труба упирается в стену из колючек. Хуже колючей проволоки. Никому не пролезть. Надо броню надевать. Похоже, что этот путь действительно исключается.

Все трое отправились дальше и почти всю дорогу молчали. Из-за Брузжака, который по-прежнему был бледен и не замечал Федора Ивановича. Простились они там же, где и встретились утром, — у крыльца. Академик пожал руку Федора Ивановича и подмигнул.

— Насчет дел буду звонить.

Брузжак все-таки принял руку, протянутую Федором Ивановичем. Но, пока длилось многозначительное рукопожатие, смотрел гордо и прямо, как дуэлянт.

В 1953 году ближе к сентябрю в московской коммунальной квартире, по-старинному огромной, с тускло освещенным коленчатым коридором, а если точнее сказать, лишь в одной из четырнадцати комнат этой квартиры — в длинной сорокаметровой комнате с лепным потолком — происходило чествование ее жильца, старого профессора-химика, в связи с его семидесятилетием. За длиннейшим столом, составленным из нескольких недоступных взору предметов, оказавшихся под рукой, соединенных досками и закрытых по крайней мере пятью накрахмаленными скатертями, сидели возбужденные гости, в основном зазорные старички. Ближе к концу стола, плотно сбившись, теснились на досках мужчины и женщины помоложе, горящие интересом к не совсем обычной юбилейной беседе. А за спинами сидящих толкалась молодежь — младшие научные сотрудники, аспиранты и даже студенты. Несколько нарядных и юных тоненьких девиц, из них две или три в очках, проталкиваясь через толпу гостей, разносили на блюдах и подносах бутерброды с вареной колбасой, селедку в овальных лоточках, посыпанную резаным луком и политую маслом, соленые огурцы и вскрытые консервные банки со щучкой в томате. Несколько бутылок мерцало вдоль стола.

Уже выпили за юбиляра, уже возник ровный шум. В этом шуме, который летал над столом, как туча воробьев, трудно было разобраться.

Но даже новому гостю через минуту становилось ясно: здесь чествовали не химика. И сам профессор, хоть он и преподавал органическую химию, лишь на днях защитил докторскую диссертацию по своему предмету. А пять лет назад он был доктором биологических наук, и имя его академик Рядно навсегда внес в кафтановский приказ. Это обстоятельство с некоторого времени почему-то перестали скрывать, а совсем недавно о нем даже стали говорить так, как говорят о подвигах и наградах.

Конечно же, стойкий вейсманист-морганист, удачно пригревшийся на химическом факультете в отдалении от Москвы и никогда не бросавший улыбки в сторону Кассиана Дамиановича, привлекал к себе внимание. Сидя во главе стола, он купался в лучах всеобщей и заслуженной симпатии. И те, кто сидел перед ним за длинным столом, тоже были в основном биологами той школы, которую совсем недавно считали разогнанной навсегда.

Беседа шла весело. Она уже разбилась на отдельные очаги, и в каждом было интересно. В одном месте бывший доцент-генетик рассказывал о том, как он укрывался в зоопарке, где друзья поручили ему ухаживать за слонами. В другом белоголовый и краснолицый доктор биологии, после разгона ставший фармацевтом, тонко давал понять, что в фармакологическом институте он тайно от начальства вырастил добрых два десятка ребят, из которых получатся толковые генетики. Хоть он и пользовался инскажаниями, но, по существу, он сообщал всем о том, что им было выращено «кубло» — как называл такие группы академик Рядно. Вырастил — и не боялся этого.

— Вчера были выборы, — громко сказал кто-то. — Знаете, кто у нас теперь председатель научного общества? Ким Савельевич Краснов!

— Что еще за Краснов? — спросили сразу несколько человек. Никто не знал этого человека, и внимание всех, кто сидел или толпился в длинной комнате, скользнув мимо незнакомого имени, опять разветвилось и осело в разных концах стола.

Вдруг взрыв громкого хохота во главе застолья оборвал все беседы. Один из главных соратников и приятелей юбиляра, франтовато одетый и красивый старикан с пробором — из тех, о ком до самого конца говорят «мужчина», рассказывал про академика Рядно. Имя академика он не упоминал — за пять лет, протекших после знаменитой сессии академии, все уже прошло специальную школу безопасного разговора.

— Вы же помните, эта яркая звезда начала уверенно закатываться. — Рассказчик чувствовал, что он нравится, и, тая улыбку, поигрывал головой и корпусом. — Звезда эта уверенно покатила к горизонту. Конечно, ему помнили конфуз с «Майским цветком» и эту историю с Мадсеном... Он же нарядил своего человека под Ивана Ильича Стригалева, которого до этого успел пристроить... кое-куда. И представил эту подставную липу иностранцу. Какой высший пилотаж, а? А иностранец знал нашего Ивана Ильича еще по войне...

— Там сложнее было дело... — вмешался выцветший и ломкий старческий голос. — Человек, которого нарядили, оказался не свой, тут наш корифей дал маху...

— Да, я тоже слышал об этом...

— ...Этот неизвестный научный сотрудник пожертвовал собой. Воспользовался случаем, чтобы избавить науку от этого хрипуна...

— Да, это так и было. Но я сейчас выделяю только то, что нужно для моей узкой темы. Так вот... У моего героя, оказывается, был сильный противник. О чем классик в угаре славы не подумал. Он, оказывается, во время известных чаепитий, не щадя, поливал... помоями своего красноречия... одного человека... Дурак, ведь только что опростоволосился с иностранцем. Сиди и зализывай раны. Нет, друзья, он отважный человек!..

Все понимали, о ком шла речь, и все наслаждались этой игрой в коллективную конспирацию, которая в действительности была первым порывом ветра свободы. Хоть и несмел, осторожен был этот ветер, но пять лет назад такая игрушечная маскировка была невозможна.

— Когда умер Иосиф Виссарионович... — продолжал франтоватый приятель юбиляра, — естественно, чаепития прекратились. А оби-

да — вещь стойкая. Мы с вами все это можем подтвердить. Наш любитель проводить заседания ученых в поле, с обязательным сидением участников на земле, — он обидел... А между тем акции этого обиженного вдруг стали подниматься. Почти вертикально... Обозначился министерский уровень. Наш друг-мичуринец зачуял это дело. И сунулся к товарищу. К растущему... Со своей улыбкой. Со своим оскалом. Сунулся — и назад. Ай-яй-яй! Ручку-то ему не подали! И беседовать не пожелали! И пошли они, солнцем палимы... Через неделю наш византийский император... померкший... снова ткнулся — позвонить. А его даже не соединили. А тут еще учебник ему возвращают. Новый он затеял печатать... Возвращают с замечаниями. И звезда покатила, покатила потихоньку. Сик транзит... — ну-ка, студенты, как оно дальше?

— Глория мунди! — бодро крикнули из толпы несколько голосов.

— Только она в нашем случае если и «транзит», товарищи, то далеко еще не «сик». Совсем иначе. Это было только легкое пошатновение. Звонок, предупреждение судьбы. А до «сика транзита» еще далековато...

Наступила тишина. Ждали продолжения. А рассказчик не торопился. Налил в узкую — с наперсток — рюмку водки и поставил ее перед собой.

— Я ведь, товарищи, планирую тост. Вот сеledочку приготавливаю... Теперь можно продолжать. Н-да... Покатила, значит... Проходит месяц, проходят три месяца... Лицо, которое оскорблено, отправляется в поездку по колхозам. Товарищ на подъеме, он серьезно интересуется сельским хозяйством. Урожайность его интересует, сорта. Только, конечно, не наша схоластическая наука, не генетика. Наши формулы ему ничего не говорят, над мухами он хохочет. Его интересуют быстрые результаты и силы, таящиеся в народе. В одном колхозе он хочет побеседовать со специалистами-практиками. Председатель уступает ему свой кабинет. Он входит, а там наш Диоклетиан... Что? Я ошибся? Наш народный Веспасиан там, в сапогах, в телогреечке... Сладенько переминается. Как это случилось, как пролез — информации у меня нет. Но факт, встреча состоялась. Дверь плотно захлопнулась, а из-за нее крик, крик! И такие, знаете, слышны шлепки... Вроде как император схватил несколько раз по морде... От министерской ручки. И затихло. Сунулись посмотреть — увидели две спины. Беседуют. Добрый час стояла там тишина. Потом дверь распаивается, и выходят. В обнимку. Сияют. Хотя рожа у нашего ученого слегка припухла. Товарищ... имен не будем касаться... держит в ручке весы с костяными чашками. А в другой — горсть колосьев. А в двух пальцах отдельно — у него сверхколос. Какой-то необыкновенный, толстый, восьмигранный. Наш гундосый где-то такое чудо раскопал. Встречаются иногда такие аномалии в посевах обыкновенных пшениц. Земледелец знает: высеешь семена из такого колоса — опять пойдут рядовые растения. А вот товарищ этого не знал. Все столпились, смотрят. Очевидец рассказывал. Министр кладет на одну чашку этот колос... Торжественно кладет и предлагает присутствующим уравновесить обыкновенными колосьями. Один колос, другой кладут... Третий, четвертый... Только пятый перетянул. «Скорей сорт давай на поля!» кричит товарищ в восторге. — Сколько лет тебе нужно?» «Четыре года, — обещает самородок. — Через четыре дам пшеницу, превосходящую все мировые сорта по урожайности!» Этим колосом он и усмирив начальство. И задержал ход истории. Все ему тут же забыли: и «Майский цветок», и Ивана Ильича, и иностранца. Пошел у него второй виток. И он, конечно, набросится на этот толстый колос. Примется его «воспитывать условиями бытия». Вот когда он посеет семена из этого колоса и вступят в действие законы природы... которых он не понимает и не признает, — вот тогда наконец! — будет «сик транзит». И тогда начнется для всех нас настоящая работа... Ишь, как все просто! Четыре года — и дам сорт! Не надо ждать милости от природы, надо взять! Для них «взять» — это одномоментное действие. Хватить — и милости в руке. Друзья, предлагаю тост за великие законы природы, для которой не существует ни начальства, ни высоких слов. За их неотвратимость! За их познание!

— Виноват... — Юбиляр вдруг тронул ножом

стекло и поднялся. — Я целиком и с энтузиазмом поддерживаю этот тост. Но в порядке ведения данного собрания, пока не выпили... В порядке вставки... Мы сегодня как-то забыли о важной вещи. Я просил бы прерваться на минуту и почтить память тех наших выдающихся братьев и товарищей... которых по тем или иным причинам с нами сегодня нет. И благодарю которым в следующем веке будут говорить, что среди бессмертных у нас был не только академик Рядно. Назовем их имена...

Загремели стулья, прокатился шум, и тут же вступила тишина. Все стояли.

— Я назову первое имя. Николай Иванович Вавилов... — поникнув, произнес юбиляр.

Потянулась глухая пауза. Потом кто-то внятно проговорил:

— Георгий Дмитриевич Карпеченко...

И сейчас же из дальнего конца донеслось:

— Дмитрий Анатольевич Сабинин...

— Сергей Сергеевич Четвериков...

— Николай Максимович Тулайков...

Одно за другим целую минуту падали в тишину знакомые имена. Отцы науки, основоположники школ, подвижники лабораторий как бы выступали вперед из вечности и, поклонившись, шагали назад. Потом напряженные остановки, похожие на пробелы в памяти, стали затягиваться. Люди молчали, боялись пропустить достойное имя. Изредка все же вспоминали, кто-то произносил с уважением знакомое всем слово. Когда в очередной раз замолчали, и тишина, овладев пространством, перешла некоторую понятную всем границу, стулья начали греметь. Люди усаживались. Тут-то, когда гости уселись, но разговоры еще не ожили, в конце стола, где плотно сидели на досках молодые, негромкий, поющий женский голос внятно произнес:

— Иван Ильич Стригалева...

И ничего особенного не произошло бы, но сидевший неподалеку от юбиляра старичок, тот самый, у которого был выцветший и ломкий голос, стал всматриваться в дальний конец стола, даже слегка привстал.

— Простите... Я сейчас другие очки... Помоему, я знаю эту женщину... Которая... — Он вдруг начал дрожать. — Простите меня... Вы — Анжела Даниловна Шамкова. Как же вы можете. — Он затрясся сильнее, и голос его заходил, как колесо, соскочившее с оси. — Как вы, простите меня... которая является одной из первых виновниц гибели этого замечательного человека... Как у вас повернулся ваш язык, сегодня, здесь, на нашем празднике...

— Я пересмотрела... — тихо сказала Шамкова. — Я уже не с ними...

— Пересмотрели! — Старик побагровел, вытаращился и стал кашлять. — Но прежде чем пересмотреть...

— Натан Михайлович... — Франтовато одетый красивый его сосед развел руками и, застыв в такой позе, цепенел, пока Натан Михайлович, смутившись, не прекратил сопротивление. — Стоит ли в нашу замечательную встречу... Вносить интонации, от которых мы... Которых давно не было слышно... Мы давно забыли, как они звучат. Прошлое, утратившее свою остроту, надо ли гальванизировать?

— Но вы же сами сейчас! — заревел низким басом кто-то в том же конце стола. — Я вас не понимаю, дорогой...

— Победитель, который прав... Что мы правы, это было ясно всегда. А что победители, это, по-моему, хоть и дело будущего, но дело решенное... Победитель, тот, кто прав, добивает врага благоразумием, выдержкой, юмором и добродушием...

— Виноват, виноват... — Натан Михайлович Хейфец, сильно постаревший, опять затрепетал над столом. У него перехватывало голос, но старик решил не сдаваться. — Ведь она... Она!.. Будучи ученицей и аспиранткой Ивана Ильича... Этого замечательно чистого человека... Она при мне на собрании... Донесла! Донесла на него! В двадцати шагах от меня! Разоблачила врага, как тогда говорили. Топтала прекрасного ученого... Прямодушного, доброго, мужественного человека. А потом она же — простите меня! — она организовала еще политический донос на него в газете! Вы же, вы, Анжела Даниловна... Ходили по группам, заставляли студентов подписывать эту пакость, которая потом была напечатана!.. Не далее как вчера я наткнулся в библиотеке на этот отвратительный... организованный донос с тридцатью подписями. Знаете, глазам не поверил...

Она там, эта газета! Подшита! Анжела Даниловна, там и ваша подпись стоит. На первом, на первом месте. Советую посмотреть, если вы так быстро забываете... Я чуть не задохнулся... Нельзя, товарищи, мешать человеку чувствовать себя преступником и негодяем, если он является таковым. Единственное лекарство...

Все молчали. Никто не решался вмешаться или продолжить этот тяжелый разговор. Или даже взглянуть на Шамкову. А она сидела спокойно и прямо, и своими белыми волосами и красными плоскими серьгами, как и раньше, была похожа на прислушивающуюся курицу. И тем ужаснее и громче поразил всех грохот доски, на которой сидели пять человек, и среди них она. Доска загрохотала, и четыре человека упали на пол — оттого, что пятый, уравновесивавший всех, немного тучный седоватый гигант в белом заграничном костюме с погончиками на плечах и карманах, выпривившись, порывисто шагнул к выходу. Не оглядываясь на произведенную им катастрофу, трепеща своими погончиками, протолкался к двери и исчез. За ним, оправившись после падения, бросилась и Анжела Шамкова. И все молча смотрели им вслед.

Еще в пятидесятом году доктор наук и ближайший сотрудник академика Рядно Брузжак добился перевода Шамковой в Москву. Она переехала, не закончив своих дел с Анной Богумиловной и не став кандидатом наук. В Москве твердая рука Саула Борисовича ввела ее в один из научно-исследовательских институтов, в ту группу ученых, где занимались мало-знакомой для нее областью науки — физиологией растительной клетки. Брузжак, рекомендовавший этот переход, сказал, что физиология — уж она-то дело верное и ее надо изучать. Анжела Даниловна, слушая его, начала догадываться, что «мичуринская» переделка пшениц из яровых в озимые — дело сомнительное. Сразу вспомнилось и письмо, которое одна смелая девочка-студентка написала академику Рядно. Надо было и себе тогда же попробовать этот эксперимент с изоляторами. Проверить...

Так что переделку пшениц пришлось бросить, и новая москвичка-физиолог, надев белый халат, села за микроскоп. Брузжак не забывал о ее существовании и вскоре нашел ей тему для диссертации. Теперь он гудел ей во время их участвовавших свиданий о проблеме холодоустойчивости растений. Анжела хорошо знала его, понимала, что это не сам он придумал, и потому прислушивалась. «Если ты будешь определять устойчивость к холоду летом, она будет мала, — гудел он. — А зимой резко повышается. Почему? Подумай, понаблюдай. Увидишь, что клетки, закаляясь к холоду, меняются. В них обособляется протоплазма. Сейчас же начинай летнюю стадию наблюдений. А зимой закончишь. И в феврале поедешь в Ленинград, там защитишь. Все будет подготовлено, пройдет на высоком уровне».

Анжела Даниловна провела наблюдения, все так и получилось, как говорил Брузжак. Не во всех, но во многих клетках протоплазма обособлялась. Сердце замерло, она впервые почувствовала холодок открытия. Написала диссертацию, снабдила ее фотографиями и в начале февраля поехала в Ленинград докладывать свой материал на ученом совете. После ее коротенького доклада встал несколько удивленный доктор по этой специальности, совсем молодой, ровесник Анжелы, и, разведя руки, перед всеми честно признался: «Ни разу не видел обособления протоплазмы, о котором говорит докладчица. Предлагаю соискательнице степени продемонстрировать такое обособление не на фото, а у меня в лаборатории». На следующий день Анжела Даниловна со своей лаборанткой, привезенной из Москвы, явилась к нему. Отправились в сад и нарезали там веточек, на которых должны были демонстрировать открытие. Анжела сделала бритвой срезы почек, поместила на предметное стекло, подпустила воды. Посмотрела в микроскоп, настроила его и, красиво поведя рукой, уступила место загоревшемуся недоверчивым интересом молодому доктору с засученными рукавами. «Видите, вот клетка. Протоплазма сжата. Между нею и оболочкой — пустое пространство. Вакуоль». И мелькнула

мысль: «Этот был бы получше Брузжака». Доктор посмотрел в микроскоп и забарабанил пальцами по столу. «Знаете, что это такое, товарищ Шамкова? Травматический плазмолиз, вот что это! Клетка повреждена при изготовлении среза. Протоплазма в ней свернулась. Белок всегда коагулирует при любых повреждениях. А если посмотреть глубже, куда ваша бритва не достала... Давайте перефокусируем... Вот! Можете убедиться. Неповрежденная протоплазма. Никакого обособления!»

Соискательница ученой степени припала к окуляру, и — в который раз в жизни Анжелы — душа ее упала. Такую простую, ясную вещь — и она просмотрела! Шляпа! Целый год смотрела и не могла заметить... «А все ты, Саул. Потому что ни ты, ни твои друзья ни черта же не знаете, а суетесь! — шевелились ее губы, беззвучно кляня Брузжака. — А гонору сколько! Доктор! Советник академика!»

«А чтобы вы убедились, что первая ваша клетка мертвая, — доброжелательно говорил ей настоящий ученый, — вот вам баночка с нейтральным раствором. Краска в живых клетках занимает только вакуоль. А в мертвых и ядро. Способ отличить живое от мертвого. Общеизвестный... Давайте подпустим красочки... Так и есть!» И диссертацию не допустили к защите. При этом все весело смотрели на москвичку. Все стороны смотрели — она за последние годы еще больше отяжелела книзу при той же маленькой белой головке. Опасная черта была рядом. Анжела приближалась к ней.

Там же, в Ленинграде, она узнала, что Брузжак завел в университете новую любовь — совсем молоденькую студентку. Каждую неделю приезжает из Москвы, читает лекции, а вечерами увозит ее на машине. Купил ей колечко с камнем, золотые часы. Бегаёт около нее, совсем обезумел. По этому поводу состоялось объяснение, прямо на Невском проспекте. Анжела горько и искренне рыдала — она была так уверена в своем уродце, думала, что такой никому не нужен, даже полюбила. Саул Борисович, холодно глядя ей в лицо, сказал, что надо им расстаться, но что он никогда не оставял даму, не обеспечив ей условий жизни. Отступное было приличное — место научного сотрудника в московском институте и однокомнатная квартира. И они расстались.

Летом пятьдесят второго года на пляже в Химках на нее обратил внимание не старый еще, статный седоватый гигант. Во время беседы он картинно поворачивал к ней громадные плечи. На пляже он был в японских змеино-пестрых плавках, и Анжела не могла отвести глаз от его загорелого живота, где, несмотря на округлости начинающегося ожирения, еще проглядывали бугорки и ямки мускулатуры. Анжела думала, что это артист кино, но колоссальный человек оказался довольно известным скульптором. «Надо брать, надо брать!» — затопали и закричали девчонки из лаборатории, которым она показала свою находку. Скульптор был простодушен, у него появилось что-то вроде чувства. Весной пятьдесят третьего он дал ей вторые ключи от своей мастерской на окраине Москвы. Эта мастерская была, как дача, окружена садом со стеклянными шарами, а от глухой улочки ее отделял очень высокий непроницаемый забор фисташкового цвета. Над ним виднелись четыре или пять гипсовых голов — это все были не отправленные заказчиком готовые памятники, они как бы сошлись в одном углу сада и беседовали. Анжела стала бывать у скульптора, как дома, даже затеяла в мастерской переделки. Парень увлекся красивой женщиной в чистейшем белом халате, умеющей рассказывать тонкости из жизни растений. И дело закончилось бы замужеством, если бы Анжеле Даниловне не пришлось в голову повести этого тянущегося ко всему новому громадного ребенка на юбилей ученого, если бы не дернула ее покрасоваться перед могучим и наивным мужчиной, сунуться к ученому в их торжественную панихиду...

Она выбежала из подъезда в тот момент, когда гигант, спасаясь от нее бегством, захлопывал дверцу своей «Победы». Стартер долго скребся и завывал, а мотор не хотел заводиться. Анжела уже подбежала, уже взялась было за дверцу машины, но тут мотор ожил, взревел, задние шины завизжали, и «Победа» прыгнула вперед и укатила. Остался только запах горелой резины.

Этот и весь следующий день она была неразговорчива, отвечала сотрудникам невпопад, о чем-то напряженно думала. А на третий день, сказав на работе, что она уходит в библиотеку, Анжела Даниловна с непроницаемым лицом вышла на улицу. У нее был читательский билет огромной библиотеки в центре Москвы. Пройдя под ее колоннами, Шамкова медленно поднялась в тот отдел, где хранятся все газеты страны. Порылась в каталоге и заказала подшивку той, знакомой ей маленькой газеты за 1948 год. Через десять минут, получив толстую папку, она ушла в угол зала и там, установив ее на специальный пюпитр, задумчиво села перед ним и стала медленно перелистывать газеты, схваченные металлическим скоросшивателем. «Сорную траву с поля вон!» — вдруг закричали и запрыгали перед нею черные буквы. Хорошенько расправив папку и газеты, она зажала между двумя пальцами лезвие безопасной бритвы и, бегло глянув по сторонам, провела рукой вдоль страницы, по самому ее корню. Страница отвалилась. Как попало сложив ее одной рукой, Анжела Даниловна сунула свой трофей в нижний боковой карман синего жакета, придававшего ей свежий вид. Задумчиво полистала подшивку, потом захлопнула папку и отнесла на тот прилавок, где получала ее. Женщина, которую она из-за скрытого сильного волнения не запомнила, приняла у нее подшивку, но штамп в бумажке, служившей пропуском, не оттиснула. — Пожалуйста, пройдите вот сюда... — сказал кто-то рядом.

Сама поднялась доска над входом за прилавком, там стоял еще кто-то, тоже женщина. Анжела Даниловна прошла за прилавком, потом ей показали на дверь, она вошла в комнату. Ее сопровождали уже три женщины, одна из них была в синей милицмейской форме.

— Пожалуйста, выньте из кармана то, что вы вырезали из подшивки. И дайте нам, — раздался чей-то голос.

Рука, как бы парализованная, с трудом согнулась, достала из кармана сложенный листок.

— Зачем вы это сделали?

Анжела Даниловна молчала. Лицо и губы одеревенели, не повиновались ей. Так же, как и рука.

— Опять тот же лист, — сказал кто-то. — Товарищ Шамкова... Посмотрите сюда. Что вы вырезали! Пожалуйста, дайте ваш читательский билет... Анжела Даниловна, посмотрите. Присмотритесь как следует, что вы вырезали...

— Она же ничего не видит... — слышался другой голос.

— Не вы первая охотитесь на это. Кто-то до вас уже вырезал страницу. Еще полгода назад. Заменяли. Опять вырезали. Снова заменили...

— Поняли, в чем дело? Самое главное, Анжела Даниловна... — говорили как будто разные люди, но голос был один и тот же. — Вы сядьте и успокойтесь. И послушайте спокойно. Самое главное — не мы это клеиваем. У нас завелся анонимный помощник, специально по этой странице.

— Вы посмотрите сюда, она же не первой свежести! Пронесли в кармане, она потерялась там! Была трижды сложена, потом ее развернули и клеили. А складки вот, остались — неужели не заметили!

— Мы специально наблюдаем за этой подшивкой. Ищем этого клеивателя, чтоб посмотреть на человека... И не можем поймать.

— Здесь не простой эгоизм аспиранта, которому лень ходить в библиотеку, хочется иметь материал дома, под рукой, — это они уже говорили между собой. — Здесь действуют с двух сторон какие-то новые силы... Противостоят... Сколько бы вы ни вырезали, Анжела Даниловна... Все, кто здесь подписался, — все равно захочется вырезать... Все равно будет вклеено. И все, кому нужно, придут и прочтут. Мы понимаем ваше положение... Ваша фамилия здесь тоже, по-моему... Да, да, вот... Не позавидуешь...

— Тут дело, конечно, не в штрафе. Поэтому мы не будем составлять акта. Вот я ставлю штамп на вашем листке... Вы свободны. Идите...

И она, так и не увидев тех, кто с нею говорил, пошла, как во сне, балансируя плечами. А три женщины — две в халатиках, а третья в милицмейской форме — смотрели ей вслед. — Жалко мне ее, — сказала одна из них.

С. МАЦКО

Фото Г. КОПОСОВА

**ПРИМЕР ТОМИЧЕЙ
УБЕЖДАЕТ:
ПОЙМА РЕК—
КЛАДОВАЯ КОРМОВ.
НУЖНА
СПЕЦИАЛЬНАЯ
ТЕХНИКА!**

Известно, в стране под кормовыми травами заняты миллионы гектаров, а вот в пойме Оби богатые травы, самой природой выращенные, ежегодно уходят под снег, пропадают. В Томской области пойменные

луга занимают более семисот пятидесяти тысяч гектаров, а выкашивается в лучшем случае пятая часть. Специалисты подсчитали, что только в РСФСР практически не используются травы на восемнадцать миллионов пойменных гектаров. Так что термин «пойменная целина» вполне оправдан. Как же взять их, втуне пропадающие богатства? И кто их возьмет?

Сегодня в обскую пойму только два пути: один — по воздуху, на вертолете, второй — по реке. Совхоз «Пойменный» осуществил идею плавающего кормозавода: агрегат витаминной муки поставили на плавучую основу, подцепили к нему баржу с жилыми отсеками и отправили в пойму. Сейчас в совхозе уже четыре таких плавзавода.

...Здесь нас встретил запах свежего ржаного хлеба: так удивительно пахнут высушенные

обще пойма — не только трава, это и торф, и стройматериалы, и рыба, и нефтяные месторождения...

За двое суток я успел привыкнуть и к флотским словечкам, и присмотреться к двухсменному ритму завода, и познакомиться с рабочими, и поесть флотского борща. Будни поймы — дожди, тучи комаров, поломки...

И живет здесь одна большая семья из тридцати человек.

— Я им как мать, — сказала повариха Екатерина Ивановна Шахмурзинова. — И приготовить, и накормить ребят — мое дело. Коровку держим, поросят. Гренки сушим, квас свой делаем. Мои-то детки все разлетелись, — улыбается сухонькими детскими губами баба Катя, — вот я здесь и живу, как дома...

И все же технические сдвиги в освоении поймы есть. В этом я убедился на втором плавзаводе, где проходил испытания комбайн «КСГ-Ф-70». Его сделали на заводе «Гомсельмаш», и не без помощи совхоза «Пойменный». Комбайн гусеничный, большой проходимости. Может работать в воде. Здесь же испытатели из Гомеля, группу возглавляет Олег Сильченко, инженер-конструктор.

— Условия трудные, экстремальные. Судьба

ПОЙМА

Повар Екатерина Ивановна Шахмурзинова.

Бригада заводских испытателей.

травы. И только потом к хлебному духу приешиваются запахи солярки, мазута, машинного масла. Владимир Васильевич Шишкин коренаст, худощав, лет сорока пяти. «Девятую навигацию мы тут...»

— Вообще-то я большую часть жизни проработал на речном флоте, — рассказал о себе Владимир Васильевич. — А на плавзаводе с первого дня... По сравнению с речным флотом попроще. Зато техника тут сложнее. Условия работы для комбайнов чужие. Пойма, что блюдо, чуть дожди — вода скапливается в низине. Комбайн по воде не пойдет. Жатку сами переделали, а вот с ходовой частью плохо дело. Трактор «разувается», а запчастей, как водится, нет. Вот и простаиваем... Потом проблема с людьми. Народ у нас непостоянный, работе в пойме не обученный. Пойма осторожного, бережного отношения требует. Срезал гусеницей дернину — и травы на этом месте несколько лет не жди.

Вот посмотрите. — Владимир Васильевич, не сходя с места, срывает несколько рослых травяных стеблей. — Здесь на каждом метре пять-шесть видов разных трав. Богатейшие! Живой каротин, протеин. Вот лисохвост, вот таволга, а это полевица луговая. А там, вдалеке, бордовые бутоны, это кровохлебка. Не так давно побывали у нас ботаники, я попросил их составить гербарий. Представляете, более сорока видов растений в нашей пойме!

— Пойменная целина. Как вы к этой идее относитесь?

— Честно говоря, скептически. При таком «размахе» порой кажется, что рановато родились мы для этой идеи. За девять лет почти никаких технических сдвигов. Все делаем кустарно. Газорезкой чиркнул, кувалдой стукнул... И просвета пока не видно. С планом туговато — дожди, техника хандрит. Так что пойменная целина — это, конечно, хорошо, все понимают, но слишком затянулись наше робкое знакомство с ней и освоение ее... А во-

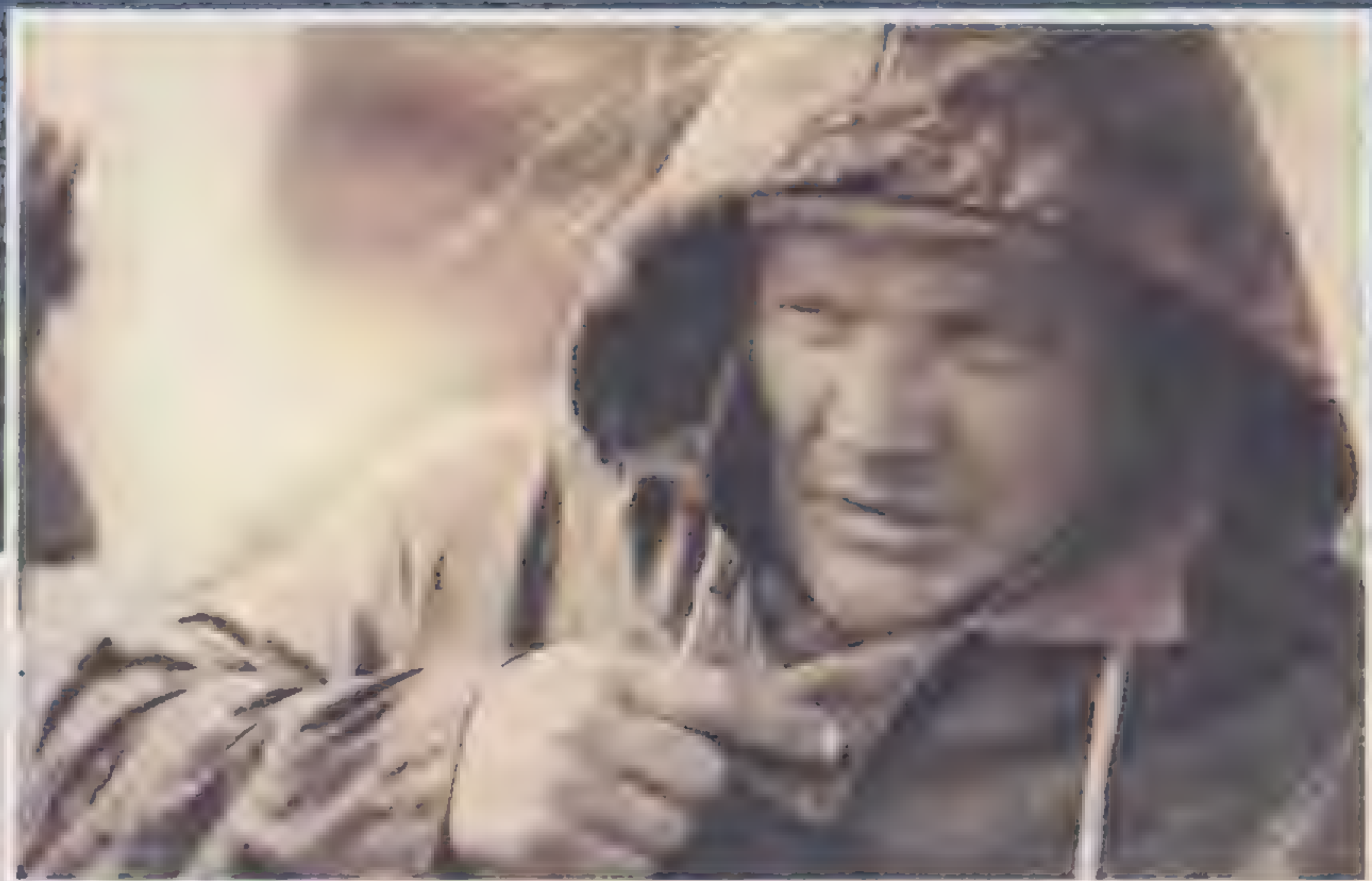
машины во многом зависят от испытаний, — уточнил конструктор. — По сути, сделан первый шаг в грамотном, экологически чистом освоении поймы.

А рядом множество приевшихся проблем! Не хватает барж трюмного типа. Плохо еще работает система хлебоприемных пунктов, не всегда успевают выгружать и принимать продукцию плавзаводов. Был случай, когда тысячу двести тонн травяной муки не могли выгрузить целый месяц!.. А ведь грамотное освоение поймы принесет и ей пользу: укрепится дернина, осока уступит место разнотравью...

Последний взгляд на пойму с высоты птичьего полета — взгляд в открытый иллюминатор: зеленый простор, переходящий в голубизну неба, сверкающая на солнце гладь величавой Оби. Поистине целинный размах!

Томская обл.

Много судов бороздят воды Оби: белоснежные пассажирские лайнеры и стремительные «Метеоры», осанистые баржи и верткие моторные лодки. Но такое необычно — завод на плаву. Брошен якорь, спустились с борта комбайны, косовица началась. У энергетика плавзавода Геннадия Михайловича Чулочникова прибавилось забот.

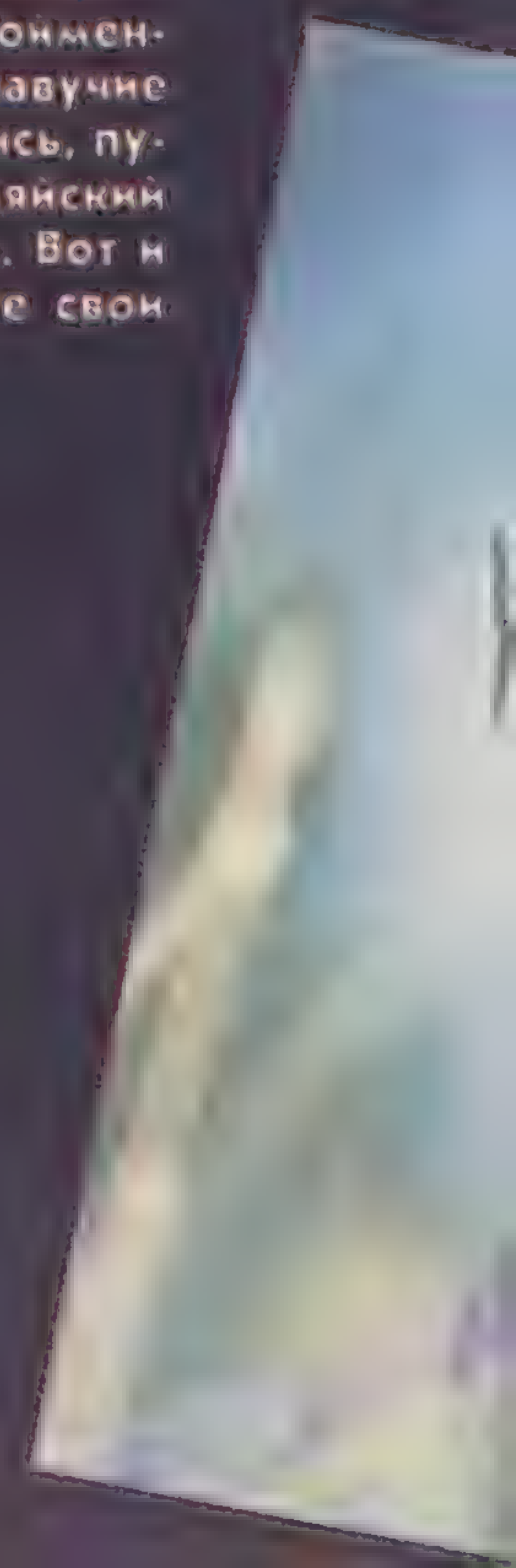

Плывет по Оби фабрика кормов: залитые луга, излучины, плесы — это не только красота, но и щедрый зеленый стол для буренок.

Кирилл Борисович Янкилевич, директор совхоза «Пойменный», говорит, что плавучие кормофабрики прижились, пустили корни. Но глаз хозяйский по-прежнему необходим. Вот и облетает он на вертолете свои уголья.

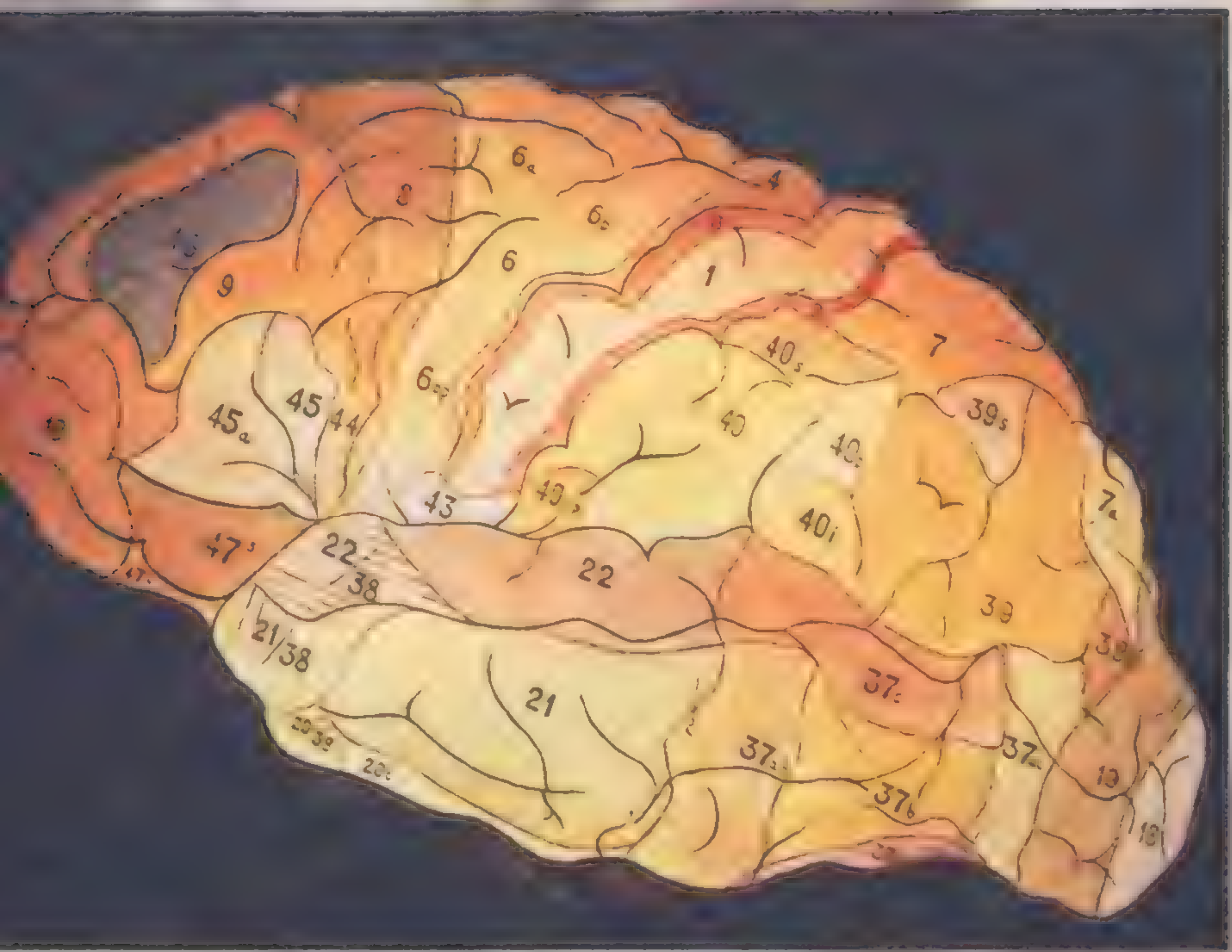

Прежде поймы, «плавающие земли» выкашивались вручную, сегодня так не годится. И вот идут испытания комбайнов на гусеничном ходу, изготовленных Гомельским заводом сельскохозяйственного машиностроения.

Какой дух от травяной муки — лучше не придумаешь! Все бы заводы так пахли! Вот и старается Владимир Васильевич Шишкин, капитан плавзавода, со своей командой.

К тайнам Мозга

Что такое мозг человека? Почему он определяет наше поведение, мысли? Благодаря ему создано на земле все: цивилизация, наука, культура. Постепенно раскрывая свои возможности, но оставаясь по-прежнему загадочным, он стоит в самом центре проблем — научных, политических, общественных, этических.

За работы, связанные с исследованием нашего «главного органа», член-корреспондент АМН Олег Сергеевич АДРИАНОВ, директор Института мозга, удостоен Золотой медали имени И. П. Павлова — высшей награды по физиологии Академии наук СССР.

С ученым беседует корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

— Известна фраза: нервные клетки не восстанавливаются. В среднем мозг стареющего человека утрачивает тысячу клеток в день. Мозг девяностолетнего старика порой состоит лишь из двух третей общего числа клеток двадцатилетнего юноши. Почему нервные клетки не восстанавливаются? Что препятствует этому?

— То, что человек рождается с определенным количеством нейронов головного мозга и в дальнейшем клетки утрачиваются, совершенно верно. Мозг меняется с возрастом, как лицо человека. Однако разительной разницы между мозгом взрослого человека и нормального постаревшего (без патологии) нет. Есть, безусловно, склеротические изменения, потеря эластичности сосудов, отложение в них солей и так далее. Каждый человек стареет по-своему. Общей для всех формулы старения нет. А вот разница между мозгом нормального постаревшего человека и умершего от умственной недостаточности, старческого слабоумия достаточно большая. Ее видишь и в структуре, и в химизме процессов.

Какой тормоз поставить на пути старения? Работы ученых не только нашего института, но и многих зарубежных исследователей направлены на то, чтобы со временем ответить на этот вопрос. А пока идут эксперименты. Выяснилось, например, что даже при тяжелом кислородном голодании клетка мозга не гибнет. Она выключает все свои внешние связи, словно затаивается, мобилизует ресурсы, чтобы выжить. Наиболее уязвимы компоненты клетки, ответственные за нервные связи.

При патологических процессах старения особенно стареет структура ассоциативных областей коры — лобной, височной, теменной, а также некоторых подкорковых и стволовых образований, богатых такими биологически активными веществами, как дофамин, например.

По поводу того, почему же клетки мозга не восстанавливаются, существует множество гипотез. Например, приверженцы одной из них, классической, так называемой теории рубца, считают, что погибшие клетки как бы образуют рубец и не дают расти новым. Однако мы показали, что дело не в физическом препятствии, а в сложном биологическом барьере.

Другая гипотеза связана с иммунными реакциями, своего рода «памятью» о погибших клетках, которые стремятся подавить регенерацию. Сравнительно недавно появилась еще одна гипотеза: восстановление мешают продукты распада особого вещества клеток — миелина.

Сейчас возникло новое направление исследований — стимуляция восстановления клеток путем трансплантации в мозг эмбриональных нервных клеток. Шведские исследователи в мозг животного подсадили клетки, продуцирующие дофамин, вещество, которого не хватает стареющему мозгу. Опыт удался, но между первыми экспериментами на животных и клиническими испытаниями — дистанция огромного размера, часто многие и многие годы...

— Сказывается ли эволюция человека на изменении строения его мозга?

— Разумеется. Развитие чисто «человеческих», социальных разделов нашей психики требует от природы и соответствующего строения мозга. В принципе природа могла бы пойти здесь по уже известному пути — надстроить над корой «сверхкору», подобно тому, как сама кора, более молодое образование, была надстроена над подкоркой. Природа решила это другим способом: отношения между полушариями мозга человека перестроились. Если у животных полушария головного мозга в значительной мере дублируют друг друга, то у людей они обладают разными функциями. Левое полушарие у человека как бы превращено на основе речи в «орган сознания».

О разных функциях полушарий было известно давно, но недавно в нашем институте мы нашли структурное подтверждение этого, показали разное строение правого и левого полушарий. Выполнена работа с помощью сложной математической программы, вычислительной техники, новой аппаратуры.

Отделы левого полушария, особо ответственные за речь человека, устроены сложнее, чем правого. «Центры речи» расположены у основной массы людей (у правшей) в левом полушарии мозга. При повреждении этого полушария человек лишается способности говорить, читать, писать, считать и так далее... Поэтому к левому полушарию относились с большим почтением, его называли главным, а правое — немым.

Но в последнее время стало ясно, что и правое полушарие отнюдь не глухо к речи и не является немым. От него зависят умение ориентироваться в пространстве, целостность зрительного восприятия, образная память и, вероятно, музыкальные способности. Но мало того: если оно угнетено, люди становятся чрезмерно разговорчивыми, не воспринимают ин-

тонацию голоса. Если отключено правое полушарие, пациенты прекрасно понимают формальные сведения, но не могут делать никаких сопоставлений и оценок. Скажем, какой год и месяц ныне, они знают, а, глядя в окно, не скажут, лето сейчас или зима. Вот какие сложные функции выполняет правое полушарие, которое еще сравнительно недавно считали немым.

— А как действуют на мозг алкоголь, наркотики?

— Мозг хронического алкоголика страшен: он как бы изъеден молью. Люди должны знать: человек расплачивается за выпитое спиртное, в первую очередь отравляя свой мозг. Впрочем, в организме нет системы, которую бы не нарушал алкоголь.

Что же касается наркотиков, то их употребление вызывает перестройку связей мозговых клеток, меняются все поведенческие реакции. Неизвестно, что из двух зол хуже. Оба хуже, как говорится.

— Насколько смыкаются работы вашего института с лечением больного мозга?

— Главной своей целью мы ставим фундаментальные исследования, проводимые в основном на здоровом мозге. Однако сейчас (это новое в работе нашего института) мы стали активно изучать, как изменяется строение мозга под воздействием тех или иных вредных факторов, так сказать, реорганизацию мозга. Понимание хода болезни — уже один из путей к ее лечению.

Известно, что применение различных психотропных лекарственных препаратов позволило осуществить «тихую революцию» в лечении психических заболеваний. Как действуют эти препараты на различный структуры мозга? Сейчас наш институт вошел во Всесоюзный научный центр психического здоровья Академии медицинских наук, интерес к этой проблеме возрос.

Ищем мы и средства как можно глубже проникнуть в мозг, так сказать, хирургическим путем, но без ножа, роль скальпеля играет ультразвук. Вместе с Акустическим институтом Академии наук СССР разработан ультразвуковой зонд-излучатель, изучены механизмы действия ультразвука на мозг.

— Алексей Толстой писал, что «...когда-нибудь наука найдет формулы окисления мозговой коры, измерит вольтаж, возникающий между извилинами мозга, и творческое состояние в виде кривых, графиков и химических формул будет изучаться студентами медицинского факультета». Неужели наука уже подошла к этому, и на «географической» карте мозга появятся центры творчества, математических или музыкальных способностей?

— Однозначно на ваш вопрос не ответишь. С одной стороны, ученые подходят сейчас к таким, казалось бы, фантастическим пределам знания о мозге, а с другой — еще очень много таинственного скрывает наш «главный орган».

Творческое вдохновение Бетховена и Пушкина — это напряженная работа всего мозга, а не узко очерченного центра, ограниченной группы нервных клеток. Мало того, ученые все чаще приходят к выводу, что та или иная структура мозга, особенно тесно связанная с какой-либо функцией, может в то же время участвовать в реализации других функций. Мультифункциональность мозга огромна.

Новая кора, о которой я уже говорил, имеет также самое непосредственное отношение к интеллектуальной деятельности человека.

Из врачебной практики известно, что повреждение лобной области мозга, наиболее совершенного отдела его коры, лишает больного возможности предвидеть ход событий и соответствующим образом строить свое поведение. Аналогичные в принципе изменения возникают и у животных после операций на лобных отделах мозга. Изучая у них механизмы нарушения этой способности, можно лучше по-

В Институте мозга, которым руководит член-корреспондент АМН О. С. Адрианов, «главный орган» человека изучают самыми разными методами, с помощью сложной исследовательской аппаратуры. Вверху: схема мозга человека *. В лаборатории морфофизиологии условного рефлекса эксперимент ведут кандидат биологических наук Л. М. Качалова и старший лаборант Н. И. Филина.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ПОЧЕМУ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ ДОСТАВКА «ОГОНЬКА»

В нашем городе подписчикам «Огонек» поступает намного позже, чем в продажу в киоски «Союзпечати». Это явление стало весьма устойчивым и продолжается много лет. Разрыв между продажей журнала в розницу и доставкой его подписчикам в большинстве случаев — неделя, бывает и более. Не буду голословен. «Огонек» № 32 поступил в продажу в пятницу 15 августа, предыдущий — неделей раньше. Я же, подписчик, эти номера не получил, не получили их и мои соседи.

Некоторые «знатоки» полагают, что Министерство связи делает это сознательно. В первую очередь надо продать журнал, а с подписчика, мол, взяли деньги на год вперед и нет забот. Не хочется верить в эти коммерческие расчеты, потому что, как известно, требование о соблюдении государственной дисциплины относится одинаково и к министру, и к почтальону.

Почему же подписчики находятся в столь неравном положении по сравнению с покупателями? Из-за этого некоторые мои товарищи прекратили подписку. Другие еще думают. Их нетрудно понять: зачем получать устаревшие, давно прочитанные у соседей журналы? Мне бы не хотелось прекращать подписку. Я подписчик «с бородой», храню комплект «Огонька» за сорок лет.

С. САМОЙЛОВ

Могилев.

Увы, писем, в которых читатели сетуют на несвоевременную доставку «Огонька», в последнее время получает редакция немало.

Связываемся с собственными корреспондентами.

На проводе В. Кузнецов, наш дальневосточный собкор:

— Только что беседовал с читателем из Петропавловска-Камчатского. Печальная была беседа. Посудите сами. «Нет, «Огонек» больше выписывать не буду», говорил он раздраженно. — Журнал мне нравится. Но какой смысл иметь еженедельник через месяц после его выхода. Известно ли, как в Петропавловск добирается журнал? Сначала отмеряет расстояние от Москвы до Владивостока по шпалам Транссиба, потом перегружается на пароход и заканчи-

вает свою «кругосветку» через три, а то четыре недели».

29 августа В. Кузнецов позвонил в отдел доставки Хабаровского почтамта: «Какой номер «Огонька» имеете?» «Подписчикам разнесли 32-й номер, вышедший в свет 9 августа 1986 года», — отвечают.

Это на Дальнем Востоке. А что в Казахстане? Сообщает Ю. Лушин:

— Сегодня, 29 августа, в Алматы поступил в продажу только 31-й номер. Выяснил, что отправлены контейнеры с журналом из Москвы 7 августа. Вот и посчитайте, сколько дней путешествует «Огонек»...

Минск, Таллин, Киев, Ленинград и другие города, куда экспрессы идут не более восьми — двенадцати часов? Увы, как сообщают наши собкоры, которые дер-

жат вопрос доставки «на прицеле», читатели этих центров тоже получают «Огонек» с задержкой. Да к тому же вскрылась еще другая беда. Та, о которой писал С. Самойлов из Могилева: подписчики получают журнал позже, чем он поступает в розничную торговлю.

Наши читатели наверняка помнят, что редакция вместе с отделом распространения издательства «Правда» не раз поднимала на страницах «Огонька» вопрос о качестве доставки журнала. От Министерства связи СССР приходили ответы, которые содержали те или иные меры по улучшению дела. Но существенных сдвигов, как видим, не произошло.

Редакция ставит перед собой задачу в ближайшее время всесторонне исследовать эту важную проблему. Мы обещаем вам, дорогие читатели, что начнем спрашивать в первую очередь с себя. Одновременно выясним, как справляется с отправкой экспедиция издательства «Правда»? Не задерживается ли журнал в отделениях перевозки почты столичных вокзалов? Проверим другие точки стыковки отправки и доставки «Огонька».

Редакция не сомневается, что сегодня есть реальная возможность коренным образом изменить положение с доставкой журнала. Заверяем читателей, что остро поставим все необходимые вопросы перед соответствующими ведомствами и инстанциями. О результатах проведенной работы обязательно расскажем на страницах «Огонька».

...А пока сообщаем С. Самойлову, с письма которого начали разговор, что подписной тираж «Огонька» № 32 издательство сдало в отдел перевозок почты белорусского вокзала 12 августа. По сведениям нашего корреспондента по Белоруссии А. Щербакова, прибыл тираж для подписчиков на Могилевский почтамт 16 августа, то есть спустя четверо суток. Редакция обращается к Министерству связи СССР с конкретным вопросом: кто виноват в том, что «Огонек» вовремя не приходит к читателю, ради которого мы все трудимся?

ОТДЕЛ ПИСЕМ
И МАССОВОЙ РАБОТЫ

Наш подписчик М. Салихов из Уфы советует: «Прогуляйтесь до ближайшего киоска «Союзпечати». Спросите: нравится ли журнал? Уверен, вам набросают не только белые «шары».

«ШАРЫ» БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ

ВЗГЛЯД ИЗ КИОСКА
«СОЮЗПЕЧАТИ»

Н. БУМАГИНА

Ближайшим к моему дому оказался киоск № 27/04 по Дмитровскому шоссе. По заданию редакции «прогулялась» да и застряла там на несколько суббот.

...Одиннадцать утра. Протискиваюсь в тесное нутро киоска.

— С почином вас, — знакомясь, сказала мне киоскер Галина Яковлевна Поцелуева. — «Огонек» теперь идет бойко.

Приноровившись к ритму купли-продажи, я беседовала с покупателями: «Что радует, что огорчает в «Огоньке»? Ваши предложения?»

Чтобы не запутаться в оценках,

нять с биологической точки зрения одно из важнейших проявлений сознательной деятельности человека — предвидение, творческий поиск.

— Значит, можно говорить о рассудочной деятельности животных?

— Об элементарной рассудочной, о психической деятельности — безусловно, о зачатках абстрактного мышления, о способности строить свое поведение на основе умозаключений и таким образом приспосабливаться к действительности. Разные животные делают это по-разному.

— Но, разве это не противоречит работам Павлова?

— Нет. Работам Павлова не противоречит, а вот вульгарной их трактовке, принятой, к сожалению, авторами некоторых статей о великом ученом, противоречит.

Павлов рассматривал изучение психической деятельности человека и высших животных в комплексе, существенное место в котором должно занять естествознание. Вообще в вопросе о том, как решал Павлов проблему «мозг и психика», очень много напутано, трактовка его учения часто бывает далека от полного понимания этой проблемы. Приходится иногда слышать, что Павлов якобы отри-

цал вообще наличие субъективного мира человека, сводил психическое к физиологическому и тому подобное. Напомню лишь несколько высказываний великого физиолога, которые почему-то мало используются в статьях и лекциях о нем. «Психология», — писал он, — касающаяся субъективной части человека, имеет право на существование, потому что ведь наш субъективный мир есть первая реальность, с которой мы встречаемся». И еще: «Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека. Тем менее я склонен отрицать что-нибудь из глубочайших влечений человеческого духа».

А сейчас на основании естественнонаучного метода мы подошли к изучению даже такого великого влечения человеческого духа, как творчество.

— В творческом процессе, вероятно, велика роль «бессознательного», неосознаваемой психической деятельности? Вы давно занимаетесь этой проблемой. Можно ли игнорировать роль бессознательного в поведении людей? И как в этой связи вы относитесь к работам Фрейда, в частности к очень модному сейчас на Западе психоанализу?

— Не знаю, удастся ли ученым когда-нибудь разгадать, что происходит во время процесса творчества в клетках мозга, в мгновенных связях между ними, в причудливом сочетании

бессознательного, рожденного в подкорковых областях мозга, и осознанного, какие процессы идут в эндокринной системе человека, когда «и мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут, и пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута, — и стихи свободно потекут». Никто так, как Пушкин, лаконично, образно и точно не выразил процесс творчества. Вообще по концентрации мысли, образности, философскому обобщению при лаконичности стиха, по-моему, никого в мире нет равного Пушкину. Может быть, только Гете...

А вот как творчество отражается в строении мозга, в мозговом субстанции... Мозг мертв, когда он попадает к морфологам...

Вероятно, даже убежден, бессознательное играет свою роль в творческом процессе, как и эндокринная система человека, и, конечно, наиболее совершенные участки лобной области мозга. Озарение, абстрактное мышление, интуиция, предвидение событий и память о них, страсть, светлый разум — все в творчестве.

Сейчас, когда уже отгремели споры, ни у кого не вызывает сомнений, что, только правильно поняв роль бессознательного, нам удастся в конце концов разобраться в пара-

для себя мысленно считала черные и белые «шары». Наша удача — белый «шар», промах — черный. Что скажет мой первый собеседник? Он только что купил журнал.

— Жду бесед с интересными людьми. Запомнились встречи с хирургом С. Федоровым, с академиком Д. Лихачевым, недавний

него времени — как остро и деловито там ставятся вопросы! И вам надо не уходить от остроты. Пусть будет конкретная помощь от ваших выступлений. Побольше житейских проблем, или, как их сейчас называют, социально-бытовых...

— Позвольте и мне сказать, — вступает в разговор седовласый

бы друг старинный советовал, я бы, конечно, покупала ваш журнал. (Покатился черный «шар» — у нас пока нет семейного, задушевного разговора на страницах.)

Следующую субботу я провела в киоске на бойком месте — возле Центрального телеграфа на улице Горького.

Я заметила, что вокруг киосков создается некое микрополе, оазис человеческого общения. Вот вам пример. Чтобы привлечь внимание к «Огоньку», открыли мы его на фотографии Анастасии Вертинской, где актриса снята с любимой кошкой. Несколько человек заинтересовала вкладка. Они просили «вот этот журнал с Вертинской». И вдруг:

— Скажите, журнал с кошкой сколько стоит?

— Сорок копеек, это «Огонек». Я не удержалась и спросила:

— Вы что, из-за кошки его покупаете?

— Конечно.

Познакомились. Оказалось, что Мария Андреевна Щеголькова очень любит животных, особенно кошек.

Вроде курьез — человек покупает журнал с фотографией актрисы только из-за кошки. Но и это тоже можно понять. У нас нет клубов любителей животных (только для собаководов), а почему? Таких увлеченных и в общем-то очень одиноких людей в большом городе много. Им надо общаться. Кстати, и читатели советуют нам чаще писать о живности. Многие помнят давние статьи в защиту лошади, собак.

Но работа идет... Новые лица, новые вопросы.

— Не осталось ли «Огонька» с Высоцким?

— Не можете ли достать тот номер журнала, где были стихи Гумилева?

Итак, читатели ждут... Хотят читать большие произведения, с продолжением. Так и говорят:

— Хорошо, когда есть что ждать.

...И была еще суббота, опять в ближайшем киоске. На этот раз вместе с Людмилой Павловой, напарницей Галины Поцелуевой. День, подаривший еще много встреч с заинтересованными читателями. Здесь все так близко — руки, глаза. Что человек хочет, чего ищет?

Выяснилось, что некоторые покупают журналы и из-за репродукций. Снова белый «шар».

Яков Григорьевич Михеев из подмосковного Болшева говорит:

— Я уже давно собираю репродукции из журнала и к ним статьи о художниках. Делаю папки — уже семьдесят их у меня. Нужны публикации из «провинциальных» музеев. И с выставок современной живописи люди ждут оперативных репортажей.

— О спорте больше пишите, — советуют парни в стройотрядовских куртках. — Но тоже остро: «Тренер и команда», «Профессионализм в спорте», «Клубы болельщиков». Разве это не темы?

— Дайте журнал, — привычно обращается еще один покупатель. И не говорит, какой.

— Это наш, постоянный, — шепчет мне киоскер. — Он всегда приходит утром в субботу за «Огоньком», и, знаете, таких немало. Странно, но в киоски журнал поступает раньше, чем в почтовые отделения. Это и привлекает их. Ну и еще...

— Подписка дороговата. — Собеседник не очень разговорчив, но на прямые вопросы отвечает. — Да и есть в этом что-то ритуальное: субботу начинать с киоска, где приобретаю журнал. И неспешно иду домой, гадаю: а чем сегодня меня порадуют? Но иногда и огорчают, не буду скрывать. Хотел посоветовать: ближе к жизни. Но, думаю, неточен этот совет. Не к жизни, а — в жизни! В одном из партийных документов сказано: главная сфера человеческой деятельности — экономика. Вот и исходите из этого.

Наш собеседник улыбается. Узнаю о нем: пенсионер («с небольшим пенсионным стажем»), инженер-экономист. Читает «Правду», «Известия», «Вопросы экономики», «Московскую правду» и «Огонек».

Вижу, к нашей беседе прислушиваются. Я всячески стараюсь ее поддержать, полагая, что среди тех, кто включился в разговор, кто-нибудь уйдет с экземплярами «Огонька». Не тут-то было! Следующий спрашивает: «Московские новости»...

— А «Огонек»? — несколько растерянно спрашиваю я.

— «Огонек»? Так я же его подписчик...

очерк В. Распутина «Кяхта» — какие глубокие мысли. Мне нравится, что вы налаживаете связь «Читатель — журнал — читатель». Пытайтесь достучаться и до молодежи... Но хорошо ли: обещать и не выполнять? А у вас так бывало. Начнете какую-нибудь рубрику — «О людях малого города», например, — один-два материала, и конец. Некоторые пожелания читателей, высказанные в ответ на огоньковскую анкету, не выполнены.

И непоследовательны вы часто. Начали было говорить о бережливости в быту, почти целый журнал отвели... А потом забыли, как это все важно и даже интересно. То же и с антиалкогольной темой. Что-то у вас в последнее время нет таких публикаций. А пьяных-то не меньше... — запальчиво говорит Ольга Васильевна Заботина. — Вообще вы остерегаетесь. Читайте партийные документы послед-

мужчина. — Известно, что текущее кадров больше всего среди молодежи. Как тут помочь? На некоторых предприятиях работают психологи, социологи. Вот вам тема: «Психолог в рабочем коллективе».

— Да, это бы стали читать, — подхватывает молодой человек, только что купивший «Огонек», как он сказал, «из-за одного Пикассо», и продолжает с некоторой подковыркой:

— А почему бы не напечатать Стругацких?

...Молодая мама прогуливается с коляской. У нас в киоске купила буклет с моделями для вязания.

— А «Огонек»? — спрашиваю. — Сегодня есть что почитать...

— Спасибо, читать мне особенно некогда, но, знаете, если бы были статьи вот для меня, для начинающей жены (коккетливо улыбается), молодой матери, ну как

доксах душевной жизни человека. Понять, например, почему без видимой причины возникают раздражение, гнев, изменение привычек. Почему мы выносим правильные решения, хотя логически часто не можем их обосновать, и так далее. Только учитывая бессознательное, мы сможем разобраться в процессах воспитания, формирования личности и, что очень важно, лечить болезни, возникающие от эмоциональных переживаний и психических травм. И в то же время нельзя утверждать, что бессознательные процессы играют роковую, ведущую роль в поведении человека.

Я не психолог, я физиолог и морфолог, и меня всегда интересовал подход к этой проблеме с позиции структурно-функциональной организации мозга, его биологической и социальной эволюции.

Зигмунду Фрейду, безусловно, талантливому австрийскому врачу, принадлежит особое место в понимании бессознательного, как ведущего в поведении человека. Фрейд — фигура далеко не однозначная, трагическая. Он умер в 1939 году восьмидесятилетним стариком. Сестры его погибли в газовых камерах фашистского концлагеря.

Как врач-психиатр Фрейд немало сделал для лечения психозов, неврозов. Но его антро-

пологическая и психологическая концепция сводит формы культуры и социальной жизни к проявлениям первичных сексуальных влечений, иррациональных, темных инстинктов, патологической агрессии. И я думаю, надо отличать личность и заслуги врача Фрейда от философии — фрейдизма.

Мне пришлось присутствовать на Международном конгрессе в Тбилиси о роли бессознательного и осознанного в психологии. На этом конгрессе кое-кто из иностранных ученых высказывал, мягко говоря, спорную мысль о том, что чисто медицинское понимание фрейдовского психоанализа устарело и метод этот надо применять не к больным, а к здоровым людям как полностью раскрепощающий личность, возвращающий человеку узурпированную у него обществом свободу.

Но, во-первых, свободным от общества быть нельзя, человек живет среди людей, в семье, в доме, в городе, на работе, выполняет свои обязанности по отношению к другим людям.

Во-вторых, при помощи метода психоанализа «высвобождаются» из подсознания человека те желания и стремления, которые по каким-либо причинам не были удовлетворены. Когда речь идет о клинике, о патологии душевной жизни, осознание подавленных паци-

ентом эмоций нужно врачу для его лечения. Другое дело, когда речь идет о здоровых людях. Желания и стремления бывают разными, многие остаются невыполненными из соображений приличия, долга, нравственности. Но вот психоаналитик ломает эту стену, высвобождает темные влечения, не заботясь о том, способны ли сознание человека, сила его характера обуздать неукротимую стихию подспудных чувств. Это далеко не гуманизм, как утверждают некоторые сторонники психоанализа, это опасно и для отдельных людей, и для общества в целом.

— Олег Сергеевич, какими специфическими качествами характера, мышления должен обладать исследователь, так или иначе изучающий мозг?

— Мне трудно сказать, хотя, конечно, любая профессия накладывает свой отпечаток.

Вероятно, с одной стороны, он должен обладать способностью к самоанализу, все здесь в какой-то степени приходится продуцировать на себя. С другой — наоборот, умением отчуждаться от себя, что изучаешь, как бы изжить себя в нем.

Думаю, что этими качествами должны обладать все: ученые, писатели, артисты — те, кто так или иначе исследует человека.

У реки.

Игорь Гневашев

Осенний день.

Началось все с рисования. Я любил наблюдать разные уличные сценки и зарисовывал их. И неожиданно для себя понял, что быстрее и точнее их можно было бы зафиксировать фотоаппаратом.

Когда я вижу что-то (пусть это будет предмет или человек, состояние природы или событие), вызвавшее меня, вызвавшее радость или восхищение, я стараюсь запечатлеть это так, чтобы и у зрителя перед моей фотографией возникло такое же эмоциональное состояние. Это трудно, но я хочу, чтобы поняли те чувства, которые заставили меня нажать на спуск фотоаппарата.

Вернулся.

Вернисаж «Огонька»

ДЕЛО ЖИЗНИ

ЛУЧШАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РУССКОГО ТЕАТРАЛЬНО-ДЕКОРАЦИОННОГО ИСКУССТВА

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

III

Говорят, что на свете чудес не бывает. Так ли это? Нет, чудеса, конечно, бывают и не только тогда, когда в жизни настоящих, честных и добросовестных людей все-таки торжествует справедливость. Чудеса весьма и весьма часто случаются в нашем деле поисков и находок. Я имею право это сказать, так как, будучи инициатором и создателем издания «Литературное наследство», посвященного публикации ранее неизвестных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, подготовил и выпустил на протяжении свыше полувека много десятков его томов. Ведь в любом из них всегда можно встретить находки таких творческих рукописей и переписки наших выдающихся писателей и публицистов, мемуарных и документальных свидетельств о них, которые оставались неведомыми лучшим исследователям и о существовании которых они даже не догадывались. Разве подобного рода находки не граничат порой с чудом, пусть маленьким?

А что касается собирания произведений изобразительного искусства, то у истинного и эрудированного коллекционера чудеса бывают сплошь и рядом. К тому же нередко он познает поэзию поисков. Я хорошо знаю это чувство уже по одному тому, что «болен» страстью собирателя с юности. Любовь к русскому искусству заполнила меня уже тогда, в 17-летнем возрасте, когда я приобрел два рисунка Бориса Григорьева, которые стали началом моей коллекции (каталог ее западноевропейской части выпустил в 1973 году Государственный музей изобразительных искусств, там же подготовлен каталог ее русской части). А поэзию поисков и находок в области любимого мною отечественного искусства я в полной мере познал не раз и не два. Именно этим счастливым чувством была овеяна, в частности, моя находка исполненных декабристом Николаем Бестужевым в Читинском остроге и в Петровской тюрьме 76 акварельных портретов декабристов и декабристок. Это было лишь началом моих разысканий живописного наследия Бестужева, а затем я приступил к поискам его работ и переписки в музеях, архивах и личных коллекциях от Кяхты до Парижа. Эти занятия вдохновили меня на создание обширного монографического исследования «Художник-декабрист Николай Бестужев», удостоенного впоследствии Государственной премии СССР.

Я очень счастлив, что теперь вся моя коллекция русского и западноевропейского искусства, которую собирал две трети века, стала первоосновой Музея личных коллекций, созданного по моей инициативе при Государственном музее изобразительных искусств имени

А. С. Пушкина. В наш Музей личных коллекций уже поступило несколько частных собраний, каждое из которых будет всегда храниться там как единое целое.

Для нового музея предоставлено здание, почти примыкающее к Государственному музею изобразительных искусств. Решением исполнительного комитета Моссовета от 11 марта текущего года для размещения Музея личных коллекций передан дом общей площадью в 3 тысячи квадратных метров, в котором помещаются последние годы «Автоэкспорт». В этом здании некогда находились гостиница и меблированные комнаты «Княжий двор». Здесь жил В. И. Суриков, о чем свидетельствует мемориальная доска над входом в здание. Там оставались по приезду в Москву А. М. Горький, И. Е. Репин, И. А. Бунин... Общая площадь здания, куда должен переехать «Автоэкспорт», превышает 4 тысячи квадратных метров. Уже прошло полгода со дня решения исполнительного комитета Моссовета, хочется надеяться, что оно незамедлительно будет выполнено. И Музей личных коллекций станет одним из самых посещаемых музеев, так как миллионы любителей прекрасного увидят здесь то, что еще никогда не видели.

Убежден, что именно поэзия поиска немало помогла Лобановым осуществить их мечту — собрать произведения русского театрально-декорационного искусства первого тридцатилетия нашего века. И ныне из всех существующих за рубежом такого рода личных коллекций собрание Лобановых с полным основанием считается не только лучшим, но и грандиозным. Более того, ни в одном из иностранных государственных театральных музеев, где представлены работы декораторов всего мира, в том числе и нашей страны, в отдаленной степени нет такого количества и качества работ русских мастеров театральной живописи, как в коллекции Лобановых.

Хочется отметить важную деталь: в том, что у 19-летнего студента Оксфордского университета Никиты Лобанова возник жгучий интерес к русскому декорационному искусству, «повинна» выставка, устроенная английским критиком Ричардом Баккелом в 1954 году в Эдинбурге, а затем в Лондоне в связи с двадцатипятилетием со времени кончины С. П. Дягилева. В одном из своих интервью Лобанов сообщает: «На этой выставке я впервые познакомился с подлинниками произведений живописи и, в частности, с театральными работами выдающихся русских мастеров». И далее: «По сравнению с представленными на той же выставке работами западных художников они поразили меня своей красочностью, гармонией ярких узоров и прихотливых мотивов. Я решил тогда, что когда-нибудь и у меня будут висеть такие же работы Анисфельда, Билибина, Коровина, Рериха. Мне посчастливилось осуществить мечту своей юности».

Теперь о нынешнем составе коллекции Никиты и Нины Лобановых. Но говорить об этом придется отнюдь не исчерпывающе, так как подробный рассказ о собранном ими занял бы большую книгу.

Превосходно в их коллекции представлено театральное творчество Александра Бенуа. Это свыше двухсот его работ, в том числе эскизы декораций и

Л. С. Бакст.
Портрет И. А. Бунина. 1921 г.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 36.

костюмов к «Павильону Армиды», «Петрушке», «Мнимому больному». А ведь именно этот Мастер и являлся первооткрывателем того направления русской декорационной живописи, которое завоевало со времен «Русских сезонов» Дягилева всемирное признание.

Следует отметить, что большой вклад Александра Бенуа в художественную культуру нашей страны получил высокую оценку в высказываниях А. М. Горького, А. В. Луначарского, К. С. Станиславского, мнения которых разделяли многие прославленные деятели нашего искусства, нашей литературы. Так, обращаясь к Бенуа в 1922 году с просьбой поддержать идею «ознакомить Европу с подлинным и чистым русским искусством», Горький писал ему: «Вы основоположник и создатель целого течения, возродившего русское искусство». А за год до этого А. В. Луначарский выступил в печати со следующим утверждением: «...главным отрядом нашего изобразительного искусства является центр, идущий от тонких европейцев, организовавшийся вокруг так называемого «Мира искусства», центральной фигурой которого, как теоретик, историк, эстет и художник, является одна из самых приятных и культурных фигур России — А. Н. Бенуа». Что же касается К. С. Станиславского, очень близко знавшего Бенуа, так как они вместе работали над созданием ряда спектаклей в Московском Художественном театре, то великий реформатор сценического искусства не только дал в 1925 году в своей знаменитой книге восторженный отзыв о бесчисленных талантах Александра Николаевича, но и называл его «первоклассным» художником, а декорационное решение им одного мхатовского спектакля считал «гениальным».

Невероятный успех сопутствовал за рубежом появлению спектаклей, в сценическом оформлении которых участвовал Лев Бакст. Наивысшими оценками одаривали эти его создания видные деятели западной культуры. Когда в 1910 году Дягилев показал в Париже балет «Шехерезада» на музыку Римского-Корсакова, а художником был Лев Бакст, это вызвало всеобщее восхищение, в том числе и Анри Матисса. Швейцарская «Gazette de Lausanne» писала: «Весь Париж был завоеван красочным и неистовым искусством г. Бакста. «Шехерезада» была открытием; ее представление войдет как целое событие в историю театра во всей Франции». А парижское «Театральное обозрение», касаясь тогдашнего состояния декорационного искусства, заявляло: «Бакст по блеску и разнообразию своего таланта господствует даже во Франции и в такой мере, что это становится угрожающим». Композитор Рейнальдо Ган в своей статье, напечатанной в одной из парижских газет, утверждал, что либретто балета «Тамара» на музыку М. А. Балакирева «послужило для Бакста предлогом к тому, чтобы прибавить еще одно ослепительное зрелище ко всем тем, что создал его декорационный гений». Одной, но блистательной фразой охарактеризовал этого художника А. В. Луначарский: «Бесспорно, что Бакст очень крупный талант, даже, может быть, слишком крупный талант для театра».

В собрании Лобановых пятнадцать эскизов работы Бакста, и среди них такой шедевр, как эскиз костюма исполнительницы ведущей роли в балете Антона Аренского «Клеопатра». Эта чудесная акварель настолько пленительна, что воспроизводилась в зарубежных монографиях и статьях о Баксте свыше десяти раз. А недавно цветная репродукция этого эскиза была приведена в «Огоньке» (1983, № 20, между стр. 24—25); в том же номере воспроизведено девять театральных эскизов Александра Бенуа, Мстислава Добужинского, Бориса Кустодиева, Николая Рериха, а также других эскизов Бакста из той же коллекции.

Кроме театральных работ Бакста, в состав коллекции Лобановых входит рисунок художника, на котором в 1921 году он запечатлел И. А. Бунина. Воспроизведение этого портрета было приложено к вышедшему в 1922 году в Париже на французском языке сборнику рассказов Бунина, озаглавленному «Господин из Сан-Франциско». Писателя и художника связывали дружеские отношения. Об этом свидетельствует, в частности, имеющийся у меня текст неопубликованного письма Бунина к Баксту от 31 августа 1922 года, которое начинается словами: «Милый и дорогой...».

Весьма редки за рубежом театральные произведения Б. М. Кустодиева. И все же Лобановым удалось отыскать исполненный им в конце 1925 года эскиз декорации к пьесе А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Это одна из последних работ художника, созданных им для театра, так как Борис Михайлович, на протяжении многих лет тяжело больной и прикованный к креслу, скончался 26 мая 1927 года. Ф. И. Шаляпин в своих воспоминаниях о встречах с Кустодиевым имел все основания утверждать: «Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной».

Эскизы декораций и костюмов для двенадцати постановок Московского Художественного театра выполнил М. В. Добужинский, и многие из этих его работ вошли в золотой фонд русского изобразительно-го искусства XX века. Как писал в своей книге-автобиографии К. С. Станиславский, для оформления первой из тех постановок — пьесы

Л. О. Пастернак.
Шаляпин репетирует. 1924 г.

толий Васильевич в одной из своих статей положительно отметил «не лишённые поэзии живописные фантазии Натальи Гончаровой». Ее произведения разных периодов творческого пути обильно представлены в коллекции Лобановых. А самой значительной из отысканных ими ее работ является эскиз декорации к балету Игоря Стравинского «Жар-птица», выполненный в 1926 году.

Весьма значительное место занимает в истории декорационного искусства нашей страны творчество Г. Б. Якулова. Оно получило мировое признание с появления самых первых его сценических оформлений. Так, огромному успеху постановки в московском Камерном театре пьесы «Жирофле-Жирофля» в немалой степени способствовали декорации и костюмы, выполненные по эскизам Якулова.

Что же касается его оформления балета С. С. Прокофьева «Стальной скок», показанного Дягилевым в Париже 7 июня 1927 года, то международный успех этого спектакля, посвященного прославлению советской действительности, явился для Якулова источником подлинного счастья. В своей статье «Памяти крупного художника и человека», напечатанной в начале января 1929 года, А. В. Луначарский писал о Якулове: «Помню его необъятную радость, когда в Париже увенчалась огромным успехом его постановка «Стальной скок», которую сам покойный рассматривал как стилизованный апофеоз новой России».

В Париже Лобановы сумели отыскать ряд декорационных работ Якулова, в том числе и к этому спектаклю.

Здесь мы назвали лишь немногих художников из числа тех, работы которых входят в состав коллекции Лобановых. Как упоминалось выше, ими отысканы произведения ста десяти русских театральных декораторов, трудившихся в первом тридцатилетии нашего века.

IV

Не буду перечислять все выставки, на которых за границей экспонировались произведения театральных художников из собрания Лобановых, не буду называть все каталоги, где перечислены те экспонаты, скажу лишь, что в разные годы такие выставки были в пятнадцати городах зарубежья, а каталогов восемь. Но подробно остановлюсь на последнем каталоге, в котором даны воспроизведения из числа 900 произведений, находящихся в коллекции Лобановых, 280 лучших эскизов декораций и костюмов, о каждом из которых и об их авторах известный искусствовед Джон Боулд дал весьма содержательные сведения.

Выпустил этот хорошо оформленный каталог-альбом Музей искусства в Миссисипи, где выставка демонстрировалась с 18 июня по 29 августа 1982 года. А на обороте титульного листа каталога напечатано извещение о том, что та же выставка с 13 декабря 1982 года по 25 февраля 1983 года будет показана в Художественном музее города Висконсин, с 1 июля по 7 августа 1983 года — в Музее искусств города Феникс, зимой 1983/84 года — в Нью-Йорке, а с 3 июня по 29 июля 1984 года — в Галерее искусства университета города Остин.

Все это и многие другие факты красноречиво свидетельствуют о том, что с дягилевских времен и по настоящее время во всем мире существует огромный интерес к творчеству театральных художников — наших соотечественников.

Судя по каталогу выставки произведений русских театральных декораторов из коллекции Лобановых, выпущенному Музеем искусств в Миссисипи, там были показаны работы тех художников, в числе которых все наилучшие мастера сценического оформления рубежа веков и первого

ВОКРУГ ЧАСТНОГО ДОМА

О проблемах, связанных с благоустройством «частных» домов, о недостаточном внимании к их владельцам в Подольском районе Киева говорилось в статье «Вокруг частного дома» («Огонек» № 19, 1986 год).

Редакция получила ответ от секретаря Подольского райкома Компартии Украины города Киева И. Салий. В нем перечисляются проведенные совместно с райисполкомом мероприятия по улучшению условий жизни ветеранов труда и войны, многие из которых проживают в частных домах.

Тов. И. Салий, в частности, пишет: «Райком партии считает публикацию статьи обществен-

но значимой. Она привлекла внимание не только партийных, но и государственных организаций, призванных заниматься решением вопросов улучшения обслуживания ветеранов, инвалидов войны и труда и строго пресекать встречающиеся еще в этой важной работе случаи проявления формализма и бюрократизма».

Отдельно рассмотрено письмо участника Великой Отечественной войны, инвалида третьей группы Г. А. Апраксина в редакцию журнала «Огонек». Сейчас в его доме установлен телефон, владельцу выдано разрешение на газификацию жилища.

Начальнику телефонного узла В. А. Радченко указано на допущенную волокиту.

ЕЩЕ ОДИН «ГОРИЗОНТ»

Прочитал в «Огоньке» (№ 17, 1986 год) комментарии к фотофакту «Горизонт» за «Горизонтом».

И снова нахлынула волна горечи. Я являюсь владельцем двух неработающих телевизоров «Горизонт» — черно-белого изображения и цветного. Пишу «изображение», но пра-

ва на это не имею, изображения большей частью не бывает. В свое время мое письмо об этом попало в производственное объединение «Горизонт». Прибыл его представитель, восстановил работоспособность «Горизонта-736». Но надежды на безотказную работу телевизора не оправдались. Через месяц — в который раз! — аппарат отказал. Местный мастер неполадки устранил, но через 40 дней телевизор опять перестал работать. Мастер сказал, что дефект блока можно устранить только на заводе.

НЕ ЗАМЕТИЛИ, КАК ДОЕХАЛИ

ЭКСПРЕСС «РОССИЯ»: КТО ЗАВОЮЕТ ПРИЗ?

Пришлось в июле мне ехать в поезде № 2 Москва — Владивосток. Неделя, проведенная в дороге, стала интересной экскурсией по России.

Начальник поезда Владимир Андреевич Стручков оказался прекрасным знатоком нашей Родины. Познакомил нас, пассажиров, со многими достопримечательностями крупных индустриальных центров, интересно рассказывал об истории и современности городов, мимо которых мы проезжали.

В самом начале пути Владимир Андреевич объявил по радио, что в эту поездку будут подведены итоги социалистического соревнования внутри поезда бригады. Пассажиры

тут же включились в соревнование и стали «болеть» за свой вагон.

Каждое утро начиналось с ароматного чая. Проводник вагона Наташа Яковлева предлагала печенье, вафли, конфеты. Горячий чай, а главное, культура обслуживания создавали настроение на весь день.

Благодаря хорошим людям, которые заботились о нас в длинном пути, мы и не заметили, как доехали. Даже жаль было из вагона выходить. Большое спасибо всему коллективу поезда бригады за внимание. И счастливых зеленых световых фар.

В. Ушакова — пенсионерка, ветеран труда, Л. Зудина. Еще 12 подписей.

...Когда же мы от слов перейдем к делу? Надо же сделать так, чтобы бракоделы не могли безбоязненно залезать в государственный карман и в карман покупателя. А для этого предлагаю прекратить прятаться за спины «комплектующих предприятий». Мне, покупателю, не они подсушили барахло, а бракоделы из «Горизонта», которые сознательно или по малой квалификации поставили некондиционные детали, чтобы дать вал.

Мне настойчиво советуют поставить телевизор на абонентное обслуживание. Ну и

хитрецы! Нашли еще одну лазейку. В моем пенсионном бюджете нет статьи, чтобы оплачивать брак. Давайте поставим вопрос по-другому. Вместе с талоном на бесплатный ремонт в течение гарантийного срока давайте талоны на абонентное обслуживание за счет предприятия, выпустившего изделие.

А пока хочу пригласить представителей «Горизонта» бесплатно смотреть передачи по неработающему телевизору.

И. Мазикин Ставрополь.

тридцатилетия XX века. Это Бакст, Александр и Николай Бенуа, Билибин, Врубель, Добужинский, Головин, Гончарова, Борис Григорьев, Константин Коровин, Кустодиев, Лансере, Ларионов, Ленгулов, Лисицкий, Малевич, Елена Поленова, Рерих, Сапунов, Серебрякова, Валентин Серов, Сомов, Стеллецкий, Судейкин, Татлин, Чехонин, Шагал, Шухаев, Юон, Александр Яковлев, Якулов... Здесь много шедевров театрально-декорационного искусства, а в целом показанное Лобановыми на той выставке широко отражает развитие нашей сценической живописи этого периода.

Н. Д. Лобанов в беседе с упомянутым искусствоведом Джоном Боултом, говоря об одном из стремлений своего собирательства, в частности, сказал: «...целью приобретения этих работ была популяризация творчества русских театральных художников за пределами Советского

Союза. Как мне кажется, этой цели я достиг: после устроенной мною в 1966 году выставки в нью-йоркской галерее «Харкнесс Хаус» и последовавшей год спустя выставки в «Метрополитэн музеем», не прошло и года, чтобы в каком-либо из музеев Соединенных Штатов, Канады или Западной Европы не экспонировались работы из нашей коллекции. Поэтому я думаю, что цели популяризации русской живописи были достигнуты».

Мы рады приветствовать эту патристическую направленность коллекционирования Никиты и Нины Лобановых. О такой их любви к культурному наследию своего народа свидетельствует отклик Никиты Дмитриевича на посланный ему первый том подготовленного нами с В. А. Самковым двухтомника «Сергей Дягилев и русское искусство»: «Вы и Ваш соавтор В. А. Самков сделали огромную работу, издав книгу о Дягилеве с обширными примечаниями. Читаю их совместно с текстом и нахожу так много нового и интересного. С нетерпением жду второго тома». В первом томе мы привели слова С. П. Дягилева в письме, отправленном им в 1907 году композитору Н. А. Римскому-Корсакову: «Вспомните о нас, «малых сих», для которых вопрос русских культурных побед есть вопрос жизни». В том же своем письме, адресованном мне, Лобанов относит эти слова Дягилева к самому себе: «Да, я рад был бы надписи над своим гробом: «Вспомните о нас, «малых сих», для которых вопрос русских культурных побед есть вопрос жизни».

Рад сообщить, что Н. Д. Лобанов весьма положительно отнесся к создаваемому при Государственном музее изобразительных искусств Музею личных коллекций. И я не сомневаюсь, что по меньшей мере один зал в этом музее будет заполнен произведениями русских театральных художников из коллекции Никиты и Нины Лобановых.

Говоря о находящемся за рубежом произведениях мастеров русского изобразительного искусства, Андрей Вознесенский писал: «Я бывал на аукционах, выставках, видел Сомова и Боровиковского в частных коллекциях. Почему бы не кликнуть клич, не устроить в Москве выставку шедевров нашего искусства, находящихся за рубежом?»

Как все мы были бы рады увидеть у нас в Москве то, о чем говорит Андрей Вознесенский! И смею думать, что в самую первую очередь следовало бы устроить у нас выставку театральной живописи, входящей в состав коллекции Никиты и Нины Лобановых. Экспонирование их собрания, безусловно, вызвало бы значительный интерес. Ведь наши бесчисленные поклонники творческих достижений русских театральных художников сказали бы великое спасибо Министерству культуры СССР, которое способствовало бы скорейшему устройству такой выставки.

М. Ф. Ларионов. Сергей Дягилев, Сергей Лифарь и другие танцовщики «Русских сезонов». 1927 г.

В. Попков. СЕМЬЯ БОЛОТОВЫХ 1967—1968.

В. Попков. ТИШИНА. 1972.

На зеленой лужайке, перед Московским Дворцом пионеров, сидели дети и ждали приезда Джейн Смит. Гостья задерживалась, и ребячьи головы беспрестанно поворачивались в сторону, откуда она должна была появиться. Они испытывали то же чувство, что и я: им не терпелось скорее увидеть маму Саманты Смит.

В тот день во Дворце пионеров открывалась выставка рисунков советских и американских детей. Нетерпеливые устроители начали церемонию открытия выставки, не дожидаясь Джейн. Но дети не слушали речей, не смотрели на ораторов, они ждали. И вдруг речи, микрофоны, деловой шепот словно исчезли, растворились в радостном волнении. На краю лужайки появилась хрупкая фигура женщины, которая легким шагом приближалась к детям. Они узнали Джейн Смит по портретам ее дочери — Саманты. Ребята вскочили с мест, подошли вплотную к ней и с затаенным дыханием слушали ее. Им не нужен был перевод — само звучание голоса находило отклик. Вероятно, им казалось, что они слушают саму Саманту.

Мне тоже так казалось там, на зеленой лужайке.

Минувший год я прожил под знаком Саманты. В американской девочке, поднявшей голос против войны, я почувствовал своего героя. Она была близка мне удивительной непосредственностью, всколыхнувшей мир. Все предрассудки и условности мира взрослых отступили перед прямотой и категоричностью ее вопросов, суждений.

Тогда я еще не предполагал, что смогу так полюбить Саманту, что эта любовь станет и моей болью, и моим вдохновением, и моим гражданским долгом. Я поставил перед собой непосильную на первый взгляд задачу: проникнуть в тайники ее мыслей, дерзнуть воспроизвести ее фантазии. И сразу попал под власть обаяния своей маленькой героини, а эта власть оказалась крепкой и непродоходимой.

Я избрал необычный жанр книги — «фантазия-быль». Парадокс? Но именно детям удивительно близка природа парадокса. Я писал, думая о редакторах и издателях. Но я не мог не думать о человеке, который знал о Саманте больше всех и мог бы стать мне незаменимым помощником, — о матери Саманты.

Сперва я видел в Джейн незаменимую помощницу. Но по мере завершения работы она из помощницы превращалась в самого строгого судью. Теперь ее слово могло решить судьбу напряженного труда.

Я ждал встречи с ней, как ждут приговора. На зеленой лужайке перед Дворцом пионеров я впервые увидел Джейн Смит.

Как много в ее облике было ожидаемого и неожиданного. Джейн и Саманта были похожи больше, чем я предполагал. Может быть, потому Джейн показалась мне хорошо знакомой и меня не покидало теплое чувство, что я уже когда-то встречался с ней,

знаю дух ее семьи, сидел на ступеньке ее крылечка...

Людей сближают разные чувства. Разделенное горе тоже сближает. Даже если оно было разделено не в равной мере.

Как мне не хватало этой маленькой, хрупкой женщины с печальной улыбкой, когда я работал над книгой о Саманте! Как я нуждался в ее совете! У меня возникало множество вопросов, на которые мне приходилось отвечать самому, полагаясь на свою интуицию, доверяясь своей фантазии. Но самое удивительное, теперь, когда Джейн была рядом, я со всей остротой почувствовал, что не могу задать ей ни одного вопроса о Саманте!

Джейн была неразговорчива. Может быть, от природы, а может быть, после того, что ей пришлось столько пережить. В ее глазах застыла сосредоточенность на одном предмете, на одной боли. А улыбка была ее защитой и еще безмолвной благодарностью всем, кто помнил и любил Саманту. Улыбка была такой же,

сбыточных желаний. Джейн Смит — моя гостья! Не помню, что в своих мечтах я собирался сказать ей — слова, обращенные к дорогой гостье, родились мгновенно, сами по себе:

— Дорогая Джейн! Дом — не только стены, крыша, окна, ступеньки крыльца. Дом, который мы любим, — это след дорогих нам людей в родных стенах. И в сердце. После того как вы, Джейн, побываете у меня в гостях, я буду больше любить свой дом.

Она не знала, что ответить на мои слова, и только улыбнулась — подарила улыбку, навечно.

Когда Саманта увидела нашу ромашку, она сразу узнала ее и воскликнула: «Дейзи!» Неожиданно оказалось, что ромашка ее любимый цветок. Это — в книге. Но моей фантазии суждено было повториться в жизни, только рядом со мной была не Саманта, а Джейн. Я сорвал ромашку и протянул своей гостье. Она узнала родной цветок и с радостью рассматривала его, словно встретила доброго знакомого. Мы отправи-

ла одно из немногих знакомых ей русских слов: «С-ы-па-сибо!»

Ее улыбка потеплела и на мгновение утратила привкус горечи, стала Самантиной улыбкой.

Я чувствовал, как Джейн забывается, боль отпускает ее.

— Саманта любила гримасничать, — неожиданно вспомнила Джейн. — В этом она была большой мастерицей. Говорят, у меня тоже получается.

И тут Джейн изобразила такую занятную гримасу, что все засмеялись. Джейн тоже засмеялась, мягко, негромко. Может быть, за последние дни в первый раз...

«Нью-Йорк (ТАСС). В аэропорту Оберн-Льюистон потерпел катастрофу самолет авиакомпании «Бар харбор эйрлайнз». Как сообщило агентство ЮПИ, имеющиеся на борту восемь пассажиров и членов экипажа погибли. В их числе — 13-летняя американская школьница Саманта Смит и ее отец Артур Смит...»

Какое большое горе уместилось в маленьком сообщении. Горе вообще немногословно.

Сколько раз, работая над книгой, я мысленно вместе с Самантой вбегал на деревянное крылечко дома в Манчестере. Сколько раз сидел рядом с ней на согретой солнцем ступеньке...

А теперь мы с Джейн сидим на крыльце моего дома.

Русское крыльцо — место встреч и расставаний. Начало странствий и конец походов. Сколько русских матерей здесь благословляли своих сыновей накануне боя за Родину. Сколько раз ступеньки скрипели под тяжелыми шагами почтальонов, когда они поднимались, как в гору, с похоронкой в руке.

Об этом думал я, сидя рядом с Джейн Смит. Наверное, теперь крыльцо любого дома напоминает ей далекое, американское, на котором она в последний раз взглянула в лицо дочери и на котором приняла первый жестокий удар — весть о гибели Саманты и Артура.

Глядя в глаза Джейн, я чувствовал не только непродоходимую боль, но и мужество. Рядом со мной была не просто несчастная мать со своим страданием, но мать-боец, поднимавшая знамя, которое выпало из рук дочери. Джейн Смит заняла то место во всемирной борьбе за мир, которое принадлежало ее дочери, Саманте.

МУЖЕСТВО МАТЕРИ

как у Саманты, только с оттенком горечи. Но посторонние это не сразу замечали, просто думали, как хорошо, что Джейн улыбается.

Я очень мало говорил с Джейн. И не потому, что мешал языковой барьер — рядом был переводчик — я был подавлен и смущен, не находил нужных слов, а обычные слова считал неподходящими. И вместе с тем мы не были чужими людьми. Она знала мою книгу о Саманте, а у меня был надежный проводник в мир Джейн — Саманта.

Каждый раз, когда я смотрел на Джейн, передо мной возникал образ ее дочери. Я снова представлял себе Саманту, бегущую по утреннему лужку, и высокую траву у ее ног. Пахнущие солнцем каштановые волосы разметались от бега и закрывают лицо, и девочка встряхивает головой, чтобы отбросить их назад. Большие глаза наполнены небом, брови сошлись домиком, длинные реснички вздрагивают, как веточки. От частого дыхания рот полуоткрыт, два верхних зубика чуть крупнее остальных. На носу веснушки — след солнца...

У меня неожиданно появилось ощущение, что я встретил Саманту спустя много лет, когда она стала взрослой и ей перевалило за тридцать. Какие-то краски померкли, но появились новые штрихи на этом удивительном живом портрете.

Сейчас я кинематографически точно воспроизвожу в памяти, как Джейн открыла калитку и легкой, спортивной походкой зашагала по дорожке под деревьями, потом поднялась по ступенькам крыльца и вошла в мой дом. В этот момент сбылось одно из моих не-

лись в лес, и я наблюдал за тем, как Джейн делала все новые и новые открытия:

— О! Это кислица, а это волчья ягода... Малина. Орех!

Она как бы забыла, что находится за тысячи миль от родного Манчестера, ей казалось, что она сбегала со ступенек деревянного крылечка и очутилась в своем лесу.

Фантазия снова сливалась с былью!

Моя внучка Настя набрала горсть земляники и протянула дорогой гостье. И Джейн произнес-

Джейн Смит в Москве.

АНАТОМИЯ КАСТЫ

Дмитрий ЛИХАНОВ

«Сколько б веревочке ни виться, а концу быть»... Жизнь постоянно подтверждает неумолимую справедливость этой народной мудрости. Долго, очень долго вилась веревочка. И плели ее хитроумные, обнаглевшие, связанные липкой паутиной круговой поруки дельцы от московской торговли. А расплели лучшие следователи Прокуратуры СССР и РСФСР, большая группа опытных сотрудников центральных и периферийных органов МВД СССР, УВД Мосгорисполкома, создавшие на основе этого необычайно трудного дела целую «библиотеку» в сотни томов. Расплело наше

свежее и прекрасное время, время надежд и обновления, атмосфера всенародной поддержки курса партии на очищение советского общества от всякой скверны.

Наш корреспондент Дмитрий Лиханов, ознакомившись с материалами следствия о злоупотреблениях бывших руководителей московской торговли во главе с начальником Главного управления Трегубовым, написал серию репортажей «Анатомия касты». В их основу легли материалы уголовного дела, стенограммы и видеозаписи очных ставок.

1

С

тоял октябрь. Осень шла на убыль. Утром, как обычно, радио поздравило москвичей с началом нового трудового дня. По улице, набирая скорость, покатали первые троллейбусы; где-то за толщей асфальта глухо, еле уловимо пронесся поезд метрополитена. Обычное осеннее утро.

Директор гастронома № 1, который больше известен как «Елисеевский», Юрий Константинович Соколов вышел из подъезда своего дома, глубоко вздохнул и не спеша двинулся вверх по улице Горького. Идти недалеко.

«Елисеевский» уже был готов к открытию. Подвозились к прилавкам ящики с колбасой. Мясники рубили мороженые туши на огромных, посыпанных солью чурбаках, сгружался в лотки горячий — только что из пекарни — хлеб. Через несколько минут откроются тяжелые двери, и в магазин войдут первые покупатели. Начнется обычный будничный день, еще один в многолетней жизни «Елисеевского».

А еще через несколько часов в своем служебном кабинете будет арестован его директор Юрий Константинович Соколов. Ему будет предъявлено обвинение во взяточничестве. Так начиналось затяжное уголовное дело, именуемое впоследствии для краткости «делом Главторга», по которому в последнее время к уголовной ответственности привлечены сотни человек.

Много позже, когда невольная оторопь от величия и многоликости зла немного уляжется, юристы квалифицируют его, согласно букве и духу закона, — организованная преступность в системе московской торговли. Много раньше один из подсудимых, переполненный отчаянием и чувством неотвратимости случившегося, назовет это по-иному, быть может, неверно юридически, но по сути правильно — торговая каста.

Дабы установить причины той или иной смерти, того или иного несчастного случая, врачи-патологоанатомы прибегают к вскрытию. Следственной бригаде предстояла та же работа: расчленив «кости и мышцы» касты, докопаться до ее «мозга и позвоночника».

1

День подошел к концу. Массивная дверь, возле которой уже дежурила заведующая, хлопнулась. Через несколько минут «материальщики» спустятся в подвал, где за белыми створками холодильных камер хранятся от порчи сотни килограммов колбас, мяса и иных продуктов. Они еще раз проверят прочность замков и только после этого навяжут свинцовые пломбы. Потом передадут дела сторож-охраннику и подключат сигнализацию.

Однако ни этой ночью, ни следующей сигнализация не сработает «тревогу». И все по той простой причине, что магазины почти не грабят ночью.

Магазины грабили днем.

Из многочисленных газетных выступлений, из «крокодильских» карикатур мы знаем и вроде бы даже привыкли, что нас в магазинах обжуливают. Бывает, и сами сталкиваемся с жуликами лицом к лицу, иногда вызывая к справедливости, дескать, зачем же вы гнилые помидоры подкладываете, еще реже требуем жалобную книгу.

Но обычно мы все же молчим. Смотрим на недоеданный грамм, на непотребный помидор в пакете, а перечить стесняемся: мол, подумаешь, не грызну же из-за копейки, из-за помидорины устраивать, сойдет и так. Ведь знаем же: начнешь возражать — тебя охают. Так что нервы свои бережем, а на каждый обвес отвечаем «спасибо». Хотя знаем, что из всех этих копеечек и гнилья складываются сотни, тысячи, миллионы полновесных рублей.

Вот и здесь, в «Елисеевском», все эти деньги в течение без малого двадцати лет питали торговую касту.

Нечестные продавцы магазинов стояли на самой нижней ступени иерархической лестницы торговой касты. Это именно они, в несколько дней овладев несложными методами обсчета и обвеса, изымали нужные суммы для своих непосредственных руководителей — заведующих секциями и их заместителей.

Впрочем, как все это выглядело на практике, пожалуй, лучше всего расскажет продавщица одного из московских магазинов. Ее зовут Наташа. Она продолжает работать, и я не стану, по понятным причинам, называть ее фамилию и место работы.

— В системе торговли я проработала три

года и за это время сменила шесть магазинов. В мае 1983 года я впервые встала за прилавком. Смотрю, моя напарница отрегулировала весы с пятиграммовым привесом. «Зачем?» — спрашиваю. Она мне отвечает: «Во-первых, иначе мы не отчитаемся, а, во-вторых, здесь есть кое-какие расходы. Потом поймешь». Начала я работать. Вижу, у меня по восемнадцать — двадцать копеек обсчета с одного завеса получается, значит, это я каждого покупателя примерно на двадцать копеек обворовываю. Понимаете? Пошла к заведующей, сказала ей, что воровать больше не буду. Ну, она меня перевела в бакалею, а потом я и вовсе оттуда ушла. Думала, в другом магазине наверняка все иначе.

Первые дни не обманывала. Вижу, не доста-ча раз от раза растет. А у меня двое детей. Словом, начала я снова обвешивать. На пять, на десять копеек. Ну, и все нормально. Стала перекрывать недостачу. А потом проверка торгинспекции. Выявили у меня тридцать копеек обсчета. Лишили прогрессивки. В другой раз еще один обвес у меня обнаружили. Теперь уже на рубль. Короче, занялась мною прокуратура. Но дело уладилось. Перевели в следующий магазин. Здесь заведующая уже знала, что дела мои плохи и в случае чего я буду молчать. Поставили меня торговать разливным пивом. На этой работе я должна была каждый день отдавать заведующей, помимо выручки, двадцать рублей. Попробуй не дай! Так вот, двадцать рублей заведующей, два рубля шоферу, который пиво привозит. Этому тоже надо, иначе он так газанет, что нальет полбака пены, а это рублей семьдесят недостачи. Ну, и себе я брала. Почему им можно воровать, а мне нельзя? А откуда всю эту дань взять? Вот и воровала на пене... Этому дай, тому накин, да еще каждый день приходится покрывать недостачу, которую, я-то уж знаю, искусственно, с помощью всяческих махинаций создают «материальщики». Не хочешь порой воровать, а приходится.

Разные люди стоят по ту сторону прилавка. Есть, конечно, матерые хапуги, готовые мать родную обжулить, лишь бы положить в карман «левый» двугривенный. Но есть немало и таких, как Наташа. Изначально честные, не приемлющие обмана — эти люди, лишь только встали за прилавком, как тут же попали в условия, понуждавшие их к воровству, сделались подневольными махинаторами.

Что же это за условия, в которых по сути

честный человек вынужден становиться на путь ежедневного преступления? Попробуем разобраться детальнее. В чем суть розничной торговли и торговли вообще. Казалось бы, все очень просто: получить товар, затем его продать, удовлетворив тем самым потребности покупателей, а вырученные деньги передать в банк, то бишь государству. В идеале все это так, такова схема. Однако реальная, практическая жизнь с ее людскими и ведомственными отношениями куда как далека от схематизма. В процессе расследования в прокуратуру был передан бесценный по своей откровенности документ. Его составил бывший заместитель директора торгового «Гастронома» Л. Г. Лавров. В нескольких страницах рукописного текста он со знанием дела представил целую систему хищений и последующего распределения государственных денег. Привожу ее полностью.

«Источником наличных денег в магазине являются заведующие отделами. Они получают «приход».

Составные «прихода»: 1. Естественная убыль на товары. Это определенный процент получаемого товара, вернее, денежное выражение этого процента, которое списывается на зачистку товара, обрезку веревок и «пупков» с колбасы, потерю в весе во время хранения и т. д. Но при сегодняшней конъюнктуре торговли товар не залеживается, и часть этой убыли оседает в виде денег у заведующих отделами.

2. Сверхестественная убыль. Это — определенный процент от суммы проданного товара через зал самообслуживания. Он предусмотрен на случай забывчивости покупателей, не оплативших тот или иной товар. Однако, ужесточая контроль на выходе, эту «забычивость» можно полностью устранить. Таким образом, 0,3% ежедневного товарооборота оседает у руководства магазина.

3. Продажа краденых товаров. Это — реализация в торговой сети товаров, похищенных с предприятий перерабатывающей промышленности. Действуют тут двумя способами: а) Когда между промышленниками и магазином существует устойчивая преступная связь. В этом случае в магазин по липовым документам наряду с плановыми поставками завозится похищенная продукция. Выручка от ее реализации делится пополам; б) Иногородние водители везут по законным документам колбасу. Но по пути в Москву, например, в Туле, сдают 800 кг в коопторг. «Верх» водитель берет себе, делится в Москве с директором и отдает ему наличными стоимость тех самых 800 килограммов.

4. За счет пересортицы товаров. Это значит, что дешевый товар продается как более дорогой.

5. Обвес, обсчет. В «Универсамах» недобросовестно производят на электронных весах, соответственно их регулируя. В магазинах обычной формы торговли заведующие отделами выдают продавцам, скажем, 100 кило товара, а требуют отчет за 105 и более килограммов.

6. Обсчет на стоимости упаковочного материала. Стоимость упаковочного материала должна исходить из его размера. Кроме того, его могут включать в стоимость самого товара по его цене.

7. Обсчет и обвес самих работников магазина.

8. Обсчет и обвес «своих» людей, то есть с «черного хода».

9. Махинации с некондиционным товаром.

«Расходы» заведующего отделом

1. На погашение недостач.
2. Доплата рабочим и уборщицам. Кроме того, если в отделе нет рабочих, заводделом нанимает их за «своих».
3. Доплата доверенным лицам, которые следят за рабочими, фасовщиками и другими.
4. Доплата мясникам за рубку мяса не по схеме.
5. Доплата «своим» шоферам за доставку товара от поставщика.
6. Расходы на поддержание взаимоотношений с поставщиками.
7. Доплата за работу зам. зав. отделом.
8. Взятка директору.
9. Расходы на личные нужды.
10. Взятки проверяющим.
11. Расходы на угощение «нужных людей».

...Магазин № 66 Бабушкинского райпищеторга — не самый заметный в столице. Казалось, сама жизнь протекает в нем точно так же — неторопливо и размеренно. Однако даже здесь, в глубинке московской торговли, процветали неприкрытое воровство и разного рода махинации. Директор магазина Е. С. Суворова вместе со своими сообщниками похищали и продавали, минуя кассу, всевозможный дефицит и деликатесы. Деньги присваивали себе. В начале января 1984 года они украли у государства пятьсот рублей, из которых — сто Суворова оставила при себе. Зам. директора Т. А. Захарова в период с 1977 по 1984 год присвоила 4012 рублей. Другой заместитель — М. А. Дулова за четыре года присвоила 2548 рублей. Для сравнения: путем различных махинаций работники «Елисеевского» гастронома получили в виде нетрудового дохода 500 000 рублей. Разные магазины, разный размах, разные суммы наворованных денег. Суть, однако, общая — преступление.

Вникая в дело столичного Главторга, я думал и все никак не мог понять: почему молчали и безропотно выполняли преступные указания руководителей рядовые работники торговли, все эти многочисленные продавцы, мясники, уборщицы? Ведь знали же, что начальство ворует и их, рядовых, вынуждает воровать. Почему не пошли в партком, в местком или куда следует обращаться в подобных случаях? Только позже понял я, что вопрос мой был донельзя наивен, ибо человек, хоть немного проработавший в торговле, уже знает: жаловаться зачастую бесполезно, потому как и в общественных организациях чаще всего заседали все те же суровы и дуловы.

В арсенале среднего звена торговой касты было множество способов держать своих подчиненных в жесткой узде. Недовольных, чересчур болтливых под разными предлогами привлекали к административной ответственности: в лучшем случае пропесочивали на собраниях, в худшем — лишали премии или увольняли по причине... недоверия коллектива. Для отчетов все это называлось воспитательной работой с кадрами. С теми же, кто вступал с кастой в открытую борьбу, расправлялись немилосердно. Это было несложно: к доньшкучаши весов прикреплялся магнетик и одновременно вызывалась «своя» ревизия. В результате крупная недостача и как следствие — уголовное дело.

Но это были все-таки крайние меры. Чтобы оградить коллектив магазина от излишнего брожения умов, чрезмерной принципиальности и самокритики, дабы свободно и беспрепятственно похищать народные, а стало быть, и государственные деньги, заведующие отделами изо дня в день, из года в год создавали и крепили мощную круговую поруку. Заведующие отделами многих магазинов — и это было в порядке вещей — по сути дела, подкупали своих подчиненных: ежемесячно выдавали грузчикам финскую колбасу и водку, техникам — мясо, а уж если появлялись лишние деньги — платили ими. При таком положении дел далеко не каждый рядовой работник осмеливался выступать против своего руководителя, а если смотреть шире — против всей преступной системы торгового. Попробуй возрази, а тебе в ответ: «Иди жалуйся. Только полетим все вместе, ты ведь тоже воруеться, милочка». Люди не хотели «лететь» ни вместе, ни по одному. На это каста и рассчитывала.

Вполне естественно, что массовое деячество, зажим критики, обман, круговая порука, жесткая субординация в отношениях начальства с подчиненными — словом, все эти безнравственные коллизии, культивируемые во многих магазинах столицы, не могли не сказаться на моральном климате большинства трудовых коллективов. Впрочем, если вспомнить, чем они занимались, могут ли они после этого носить имя трудовых? Коллектив сообщников — не более.

В магазинах процветало неприкрытое пьянство: пили на работе и после нее, в подсобках и прямо за прилавком. То и дело торговые залы, а особенно винные секции оглушала площадная брань. Кто-то может назвать это «издержками производства»: дескать, работа нервная, весь день на ногах. А можно ли назвать «издержками» тот факт, что некоторые директора магазинов, как правило, обнаглевшие, далеко не первой молодости дельцы,

склоняли к сожительству своих молодых подчиненных, восемнадцати-двадцатилетних девчонок, только-только вступающих на путь жизненный! Вседозволенность — вот имя пороку, угнездившемуся во многих магазинах столицы. И никакими «издержками» его не оправдать.

Вполне естественно, что директора этих магазинов были прекрасно осведомлены о царящем за прилавками беззаконии. Да и как не знать, если раз в месяц, а то и чаще в начальственные кабинеты доставлялись почтовые конверты с красными и зелеными купюрами, но все больше авоськи с икоркой, балычком, шейками лангустов и непременно коньячком, как правило, французского розлива. Или эти люди считали все эти подношения дружеским, чистосердечным порывом своих подчиненных, полагали, что икорка и коньяк приобретены ими в порядке живой очереди и на свои кровные сбережения? Да нет, конечно, умудренные жизненным и торговым опытом, они знали, понимали, что принимают ворованное. И всякий раз находили взяткам оправдание: мол, а вдруг и в самом деле все это бескорыстно, да и на разные расходы деньжонки-то требуются. Подумает так про себя какой-нибудь директор, и вроде совесть очистится, можно брать. Муки совести, они ведь только вначале, а после уж и не терзаешься, а душа, обезболенная денежной анестезией, уже не ноет.

Директор «Елисеевского» магазина Соколов в своих отношениях с подчиненными был жесток. Он самолично устанавливал тарифы подношений и зорко следил за их соблюдением. Поначалу довольствовался семьюдесятью пятью целковыми еженедельно. Затем стал брать по сотне. С 1978 года вновь взвинтил сумму взятки, да к тому же учредил (конечно же, негласно) так называемые «праздничные», что означало двухсотрублевые подношения от заведующих к майским, ноябрьским и новогодним торжествам. Таким образом, как подсчитало следствие, Соколов хапнул — иного слова тут не подберешь — 297 тысяч 675 народных рублей.

Куда же шли эти сотни, десятки тысяч рублей, на какие такие нужды использовались? Кто-то скажет: «Ясно куда — на сберкишочки».

Отчасти это действительно так.

В спецхранах следственной части Прокуратуры РСФСР мне показали конфискованное имущество ныне осужденных директоров магазинов. Японские «шарпы» и «акаки» стройными рядами выстроились, как на полке коммиссионки, десятки кассет с записями прибалтийских эмигрантских песенок, кои распевает пьяными голосами торгашеское ворье, видеомагнитофоны и иные неперенные атрибуты мещанского «счастья».

— А вот добро одного из них, — сказала мне служительница спецхрана и развязала матерчатый мешочек.

Восемь золотых печаток, бриллианты, спутанные в «бороду» цепочки, золотые монеты царской чеканки — все это с металлическим стуком брякнулось на стол. Потрогал блестящую кучу, и сердце не всколыхнулось.

— Зачем им столько? — недоуменно спросила саму себя служительница спецхрана. — Нет, не пойму...

Разные люди входили в торговую касту, и, естественно, все они по-разному относились к «левым» субсидиям. Нет, брали-то они, конечно, все без исключения, только распоряжались каждый на свой манер.

Каста дурела от денег, как от дешевой бормотухи. Только все они — и директора, и замаги, и «простые» заводделами — вместе с тем понимали: дороже золота и бриллиантов, дороже миллионов и «мерседесов» может быть только одна вещь. Называется она «связи».

Пожалуй, уже притчей во языцех стали партеры Большого театра, заполненные иноземцами и торгашами, кинофестивали, где завмагов больше, чем деятелей киноискусства. Ведь и «Жизель», и фильмы Коппола, к сожалению, тот же самый дефицит, который при имеющихся связях вполне успешно можно было приобрести за кило балыка или омаров хвостик.

Однако для самой касты все это были пустяковые, так сказать, бытовые связи.

Деловые связи почитались куда как ценнее, а они вели «наверх».

В кабинете начальника Главного управления торговли города Москвы Николая Петровича Трегубова раздался телефонный звонок. Звонков за день бывало много, но этот, подобно сейсмическому толчку, в одно мгновение всколыхнул размеренную жизнь главка и лично Николая Петровича Трегубова. Звонили из Управления внешних сношений Моссовета.

— Николай Петрович, — проговорил абонент на том конце телефонного провода, — в связи с изменившимися обстоятельствами Соколов в командировку в Югославию не поедет. Подыщите другую кандидатуру.

Отточенным за двадцать лет руководящей работы чутьем Николай Петрович понял, что означают эти самые «изменившиеся обстоятельства». А означать они могли только одно — «прокол» Соколова.

Чутье и в самом деле не обмануло Николая Петровича. В октябре директор «Елисейского» был арестован. В час, когда Трегубову стало известно о случившемся, он нажал кнопку селектора и попросил зайти в кабинет своего первого зама Андрея Андреевича Петрикова.

— Андрей Андреевич, Соколова арестовали.

— ?!

— Ты понимаешь, чем это пахнет? Быстренько переговори с Тверитиновым, Филипповым и Нониным. Пусть срочно увольняются...

Так что же случилось в это погожее октябрьское утро? Почему вдруг так срочно вынуждал подать в отставку директоров лучших московских магазинов: гастронома ГУМа, Новоярбатского, Смоленского? Чего опасался начальник Главного управления торговли? Николай Петрович Трегубов опасался только одного: Соколов всю вину на себя брать не будет и наверняка раскроет систему взяточничества в верхних слоях московской торговли. Так оно и случилось...

А теперь давайте мысленным взором перенесемся на несколько лет назад, в то время, когда Николай Петрович Трегубов уверенно сидел в своем кресле и столь же уверенно вершил делами московской торговли.

Каждое утро, надрав ботинки, которые носил двенадцать лет подряд, Николай Петрович, или, как его еще называли в главке, «большой папа», отправлялся на службу. Здесь он сдержанно здоровался с сотрудниками и скрывался за двойными дверями своего кабинета на четвертом этаже старого особняка в Большом Комсомольском переулке. Поудобнее устроившись в кресле, Трегубов вначале названивал по телефону, спрашивал, как идут дела по его обширному ведомству, узнавал, не предвидится ли «высокая проверка», регулировал, решал, затем подписывал бумаги, а во второй половине дня выезжал на очередное совещание. О том, что в кабинете за двойными дверями «большой папа» получает взятки, знали немногие. А. А. Петриков — один из них.

Вот как он вспоминал об этом во время очной ставки с Н. П. Трегубовым: «Николай Петрович по своему характеру — очень хитрый, очень осторожный человек. Наблюдая за всем его поведением, я на каком-то этапе пришел к выводу, что Трегубов, видимо, догадывается о моих преступных связях с низовыми работниками нашей системы. Я, честно говоря, очень опасался, что он использует это и разоблачит меня как взяточника. Тогда у меня возникла мысль сделать так, чтобы он был от меня зависим. Колебался очень долго, сомневался, изучал его характер, его психологию. Как-то спрашиваю одного из наших сотрудников:

— Слушай, Александр Тимофеевич, а как ты считаешь, Николай Петрович — чистоплотный человек?

— Ну, — отвечает, — по старым делам и он грешен, и все мы грешны. Он брал, когда работал директором торгового, особенно в «Мосрыбторге».

Потом после заседания коллегии зашел ко мне теперь уже бывший директор «Диетторга» Ильин и говорит в сердцах про Трегубова:

— Вот он меня вечно разносит, а сам-то святой, что ли? Когда он работал директором «Рыбторга», а я в Управлении торговли продовольствия, знаю же я, что он брал, драл с живого и мертвого три шкуры.

Короче говоря, я понял, что Николай Петрович в случае чего не пойдет на обострение, тем более, что сор из избы он выносить не

любил, все конфликты решал на месте, не доводя дело до вышестоящих организаций.

Кстати, в одном из райпищеторгов был случай, когда директор торгового предложил зампреду исполкома взятку. Директора торгового сняли, исключили из партии, но не арестовали. И я рассчитывал, что если Николай Петрович и придаст дело огласке, то, ну, выгонят меня с работы, исключат из партии, а в тюрьму не посадят.

И вот как-то накануне первомайских праздников я принес Николаю Петровичу первую взятку. Вечером после работы, когда все сотрудники ушли из главка, я зашел к нему в кабинет.

Трегубов сидел за своим столом, рассматривал почту. Подойдя к столу, я вынул из кармана плаща конверт с деньгами и положил его под бумаги. Николай Петрович сразу же оторвал взгляд и спросил:

— Что ты делаешь?

— Ничего не делаю, Николай Петрович.

Он быстро встал, взволнованно посмотрел на дверь — закрыта ли, подошел ко мне.

— Ты понимаешь, Андрей Андреевич, что ты делаешь? Нам обоим за это тюрьма.

— Я все понимаю, Николай Петрович, но вы не беспокойтесь, вам ничего не грозит, потому что об этом никто никогда не узнает.

— А за что? — Трегубов спрашивает.

— Просто. Ни за что, а к празднику. Вы меня знаете, Николай Петрович, столько лет. Я ведь тоже человек, имею совесть.

В конверте было полторы тысячи. В следующий раз Николай Петрович уже не отказывался.

А вот другое свидетельство «очевидца». Рассказывает бывший директор гастронома ГУМа Борис Сергеевич Тверитинов:

«Значит, взял я тысячу, положил ее в конвертик, а конвертик завернул в газетку. Когда я приехал в Главторг, Николай Петрович уже был на месте. Я поздоровался, присел. Развернул газетку и говорю Николаю Петровичу:

— Это вам.

— Что это? — спрашивает.

— Деньги.

— Сколько?

— Тысяча.

— А ты знаешь, — говорит Трегубов, — я ведь все-таки не один, — и отодвинул деньги.

Ну я это взял, извинился и ушел. Иду и думаю: соберу я тысячу десять, а уж тогда принесу. Занялся я этим вопросом. Десять тысяч не получилось, а восемь собрал. Пришел опять к Николаю Петровичу. Положил деньги на шкаф. Трегубов поздоровался со мной и спрашивает:

— Сколько?

— Восемь.

— Ну вот. Это еще ничего.

Вышел я от него и думаю: значит, действительно все-таки у Николая Петровича есть друзья в высоких инстанциях и взаимоотношения нужно поддерживать».

В 1976 году в главке произошел пожар. То ли кто-то окурком забыл потушить, то ли произошло поизносившуюся проводку — сейчас причину пожара никто не припомнит, — однако факт остается фактом: вспламенился этаж, на котором размещалось руководство Главторга. Не какой-нибудь, а именно этот.

Все мы, конечно же, материалисты, однако в том давнем пожаре видится мне чуть ли не перст указующий, своеобразное предостережение судьбы: дескать, одумайтесь, товарищи, хватит, а то ведь вмиг погорите.

Однако товарищи судьбе не вняли, пожар ликвидировали и заново отреставрировали подкупленные кабинеты. Хорошенько «смазанная» телега Главторга покатила наезженной колеей.

А через два года в главке состоялось знаменательное событие — трегубовский юбилей. «Большому папе» исполнилось шестьдесят. Даже мосторговские ветераны, пережившие период нэпа, и те не могли припомнить такого апофеоза лизоблюдства, чинопочитания и неприкрытого подкупа. Эх, был бы жив незабвенный бичеватель нравов Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, сколько бы почерпнул из того юбилея!

С утра возле здания Главторга заступил на дежурство инспектор ГАИ, призванный регулировать нескончаемый поток черных и белых «Волг», доставлявших визитеров со всех концов

необъятной столицы. Несли серебряные стопки, хрусталь, магнитофон от сотрудников, пять тысяч от первого зама, но все больше, конечно, дарили цветы — в букетах и венках. Цветов было так много, что проходящая мимо женщина спросила с состраданием: «А что, кого-то хоронят?»

От того юбилея остались только приветственные адреса и фотографии. Перебираю их одну за одной. Николай Петрович у собственного портрета, выполненного из ценных пород дерева, Николай Петрович с медалью, на которой отчеканен тяжелый трегубовский профиль, Николай Петрович на банкете...

А вот адреса: от руководителей Министерства торговли и Моссовета и, естественно, от всех торгов и райпищеторгов. «Славный боец», «пример для подражания», «беззаветное служение» — только и мелькают тисненные золотом слова.

И уж коль скоро зашла у нас речь о массовом чинопочитании, коим окружил себя Николай Петрович Трегубов, не могу не процитировать здесь один весьма любопытный документ, обнаруженный мною в стопке поздравительных адресов. Относится он, судя по всему, к пятидесятилетию юбилею Николая Петровича. Документ этот — торжественные стихи, сочиненные одним из главторговских одописцев. Вот они:

Он был в тридцатых в должности шофера.
Когда гроза нависла над страной.
Ушел начальник транспортной конторы
С фашистской нечистью на бой.

И он победного дождался часа,
Прогнав фашистов за порог.
Теперь Трегубов — офицер запаса, —
Вернулся в свой родимый торг...

Пусть, Николай Петрович, Вам полвека,
За Вашу молодость мы произносим тост!
И пьем за нашего простого человека,
Который, кстати, и не так уж прост!

Что верно, то верно — далеко не прост был Николай Петрович Трегубов...

Вот иные торговые работники изумляются: мол, за что же так строго судят Николая Петровича? Взятки он по сравнению с иными брал немного — какие-то тридцать тысяч с копейками, однако же Главторг при нем, при Трегубове то есть, то и дело побеждал в социалистическом соревновании, план выполнял. Конечно, взятки брать нехорошо, однако ведь какое большое дело делал — не это ли главное? Вот так рассуждают некоторые, пытаются замолить трегубовские грехи его прошлыми заслугами. А ну, дескать, что чего перетянет.

Что ответить на это? В чем грех Трегубова?

Само собой разумеется, судили Николая Петровича не за эти самые тридцать тысяч. Возьми он миллион или сотенную, степень его греховности все равно была бы одинакова, ибо грех в том, что он брал. При этом брал не у Петрикова или Тверитинова (хотя именно так хотелось бы представить дело Николаю Петровичу). Трегубов брал у государства, у Родины своей хапал, у народа, который (да разве ж он ведал, разве мог предположить?) выбирал его в депутаты, у того самого ветерана, который в двадцать лет потерял ногу под Сталинградом, у вдовы со скромной пенсией.

Если бы Николай Петрович Трегубов был простым воришкой-карманником и «тырил» по трамваям бумажники, он тем самым, наверное, все-таки гораздо меньше провинился бы перед Отечеством. Однако Трегубов был руководителем, главой всей московской торговли, власть имущим человеком. И уж коли волею судьбы, если ему позволено, если все видят, что зло безнаказанно, то, может быть, это и не зло вовсе, может быть, так и нужно, необходимо именно так? Без малого двадцать лет присидел Трегубов в мягком кресле руководителя главка. Да, действительно, при нем и план выполнялся, и присуждались призовые места в соцсоревновании, только разве сравнить все эти сиюминутные по форме и липовые по содержанию победы с тем, чего добился Трегубов в действительности. А в действительности-то Трегубов фактически узаконил взяточничество, взрастил коррупцию, нравственно и экономически развратил многие звенья в московской торговле. В этом второй грех Николая Петровича.

Третий и, пожалуй, самый невосполнимый —

грех перед партией, ибо Трегубов был не просто вором, не просто руководителем, но прежде всего коммунистом.

Стыдно, невыносимо стыдно и больно говорить об этом, но и молчать уже невозможно: коммунист Трегубов предал партию, ее святыне идеалы, ее многострадальную и вместе с тем полную светлых надежд историю за постыдные «тридцать сребреников». Так есть ли ему прощение?!

И все-таки по меньшей мере наивно полагать, что причиной всех преступлений, чинимых в торговле, был только Николай Петрович Трегубов. Если бы все обстояло именно так, куда как просто можно было справиться с торговой кастовостью: продажного руководителя наказать, а на его место поставить честного, порядочного человека — всего делов-то. Однако, помимо Николая Петровича, в сфере московской торговли и в самом Главке работали десятки всевозможных «замов» и «помов», словом, начальников калибром поменьше, да замашками поухватистее. И поскольку все они либо возглавляли райпищеторги, либо управления, либо межрайонные конторы, то, стало быть, считали себя «ответственными работниками», хотя, по сути, являлись собой классический типаж удельных князьков: облагали податью подвластные им магазины, вдосталь пили и жрали краденый дефицит да и вели себя соответственно — своевольно, по-барски, пренебрегая законами человеческой и должностной нравственности. Именно эти люди составляли костяк торговой касты.

Во время следствия и суда многие из них козыряли одним и тем же аргументом: мол, мы жертвы трегубовщины, в сложившихся обстоятельствах работать иначе было просто нельзя. Помните, подобное же говорили и продавцы. Но если еще хоть как-то, с большой натяжкой продавцов все-таки можно понять (ведь в случае чего могли полатиться собственной свободой), то уж к торговым князькам это никак не относится. Ибо это именно они культивировали и плодили трегубовщину.

Так что же это за явление такое — трегубовщина? Почему взяточничество и коррупция, подобно ткацкому челноку, изо дня в день, из года в год неустанно пронизывали ткань московской торговли, какие такие нравственные и экономические мутации породили столь уродливое явление? Отчего это стало возможным? Попробуем разобраться.

Перелистываю материалы следствия. Стройные ряды сумм взяток, фамилии, должности, подсчеты, кто сколько и у кого брал. К примеру, директор торгового «Гастронома» Ларионов и его заместитель Сонкин периодически облагали данью многие десятки магазинов. И так далее, и так далее.

За что эти взятки? Почему одни их давали, а другие брали без всякого зазрения совести?

Вполне естественно, что каждому магазину, а тем более каждому директору магазина любой ценой нужно выполнить план. План — это святое. Тут хоть кровь из носа. А как этот план выполнить, если изо дня в день магазин заваливают неходовым товаром — мойвой, например, или, положим, лущеным горохом и ставридой в томате? Вот тут-то и приходится идти на поклон к торговому начальству.

Борис Сергеевич Тверитинов, личность нам уже знакомая, как-то раз обратился к руководству торгового «Гастронома», а именно к его начальнику Ларионову с просьбой хоть маленько увеличить фонды на колбасные изделия, поступающие в гастроном ГУМа с базы «Мосмясопром», а также расширить поставки свинокопченостей. В разговоре этот по неосторожности заметил, что, дескать, торговому-то в последнее время фонды на колбасу незаслуженно уменьшают. Что сделал в ответ руководитель торгового, что предпринял коммунист Ларионов? Просто-напросто взял и еще сильнее сократил фонды на колбасу, поступающую в магазин Тверитинова. Дальше просто: Тверитинов дал взятку, и в гастроном ГУМа вновь потекла колбасная река.

Корректировки планов за взятки в Главторге были делом обычным. К такому способу достижения благополучной отчетности директора магазинов и их покровители прибегали всякий раз, лишь только в торговой сети намечалась очередная прореха.

Только за один 1981 год план товарооборота торговому «Гастроному» изменялся двенадцать раз, а Фрунзенскому райпищеторгу — десять...

В том же, 1981 году, согласно первоначальным расчетам, плановый прирост товарооборота для Управления торговли продовольственными товарами Главка утвержден в размере 2,8 процента, для райпищеторгов — 2,8, а для торгов — 3,5 процента.

Однако при распределении особо щедрым на мзду райпищеторгам план был намеренно занижен, что позволило им — тут уж легко догадаться — выполнить и даже перевыполнить плановые показатели.

Липовым передовикам, как и положено, аплодировали на совещаниях, награждали грамотами за победы в соцсоревновании, вручали ордена, переходящие знамена и, само собой, премии. Кстати сказать, как подсчитали эксперты, липовых премий, полученных в результате незаконных корректировок плана товарооборота, только за три года выплачено на 111 тысяч 957 рублей 07 копеек.

Однако не только «производственные интересы» подталкивали костяк касты на взяточничество. Довольно часто ими двигали чувства более мелочные, а потому платили за то, чтобы оставили до пенсии, за хорошее место да и просто за то, чтобы не ругали.

Случилось, неожиданно в Куйбышевский райпищеторг нагрянула проверка Главторга. Как и следовало ожидать, в подчиненных райпищеторгу магазинах выявили обшеты, обвесы — словом, весь махинаторский набор. После этого по торгов издал приказ: мол, дела в Куйбышевском райпищеторге идут хуже некуда, а его директор М. Я. Байгельман с возложенными обязанностями справляется из рук вон плохо. Чуть позже еще один приказ, за номером сто один: выговор Байгельману.

Вот как сам вспоминает об этом бывший директор Куйбышевского райпищеторга Моисей Яковлевич Байгельман:

«После этого Петриков стал ко мне придираться, критиковать на совещаниях и на коллегии Главторга. Как-то раз я был приглашен Петриковым к нему в кабинет. Отметив ряд недостатков в положении дел Куйбышевского райпищеторга, он сказал: «Моисей, хочешь жить — надо давать. Пойми меня, я должен давать «наверх» Трегубову, а то у нас будут неприятности. Хочешь жить в почете и уважении, так давай действуй, а то будем думать о замене...»

В том же году директоров магазинов выдвигали на ордена, а мне дали только «Знак Почета». Я пришел в кабинет заместителя начальника Управления торговли продовольственными товарами Еремеева и спросил, почему так со мной поступили. Он начал болтать про разнарядку, а потом сказал, что все дают, и, если ты тоже будешь давать, получишь «большой орден». Даже цену назвал — две с половиной тысячи. Он еще объяснил, что, если буду поддерживать его деньгами, кончится моя травля. Ну я и стал давать».

После этого, как признается позже А. А. Петриков, в Главторг довольно часто поступали письма о злоупотреблениях Байгельмана, поборах с директоров магазинов, его аморальном поведении. «Однако ни отдел кадров, ни я сам никаких мер к пресечению этого не принимали, я просто закрывал на это глаза».

Кстати, о проверках, о контроле вообще. Как на деле исполнялось в системе Главторга ленинское требование строжайшего учета и контроля? Фактически оно было извращено до неузнаваемости. Иного, собственно, и не следовало ожидать, ибо продажная система порождает продажный контроль.

Контрольно-инспекторским отделом Главка руководил некто В. П. Киреев. Это именно он поощрял и распространял порочную практику продажных проверок во всей системе Главторга, превратив тем самым мощный рычаг управления торговлей, с одной стороны, в фальшивку, а с другой — в карающий механизм против неугодных.

«Трегубов, — вспоминает Киреев, — всегда возмущался, если ему приводили факты грубейших нарушений в торговле, и при этом выговаривал: «Разве можно приводить такие факты на активах, где присутствуют представители партийных и советских органов?»

«Цзу» было тут же принято к исполнению, «негативку» необходимо было устранять. Но как? Может быть, усилить контроль, покончить с воровством и делячеством в низовых звеньях московской торговли? Ни то и ни другое. По подсказке Трегубова через Петрикова Ки-

реев просто-напросто дает указание проверяющим не брать контрольных закупок. В результате за десять лет контрольно-инспекторский отдел Главка провел 959 проверок, из них лишь 282 со взятием контрольных закупок. А если учесть, что к Кирееву поступали от руководства и просьбы личного характера — например, не выявлять нарушения в тех районах, депутатами которых были руководители Главка, либо не указывать в своих справках полный перечень проштрафившихся магазинов, — если учесть и это, то подобным образом негативные явления в московской торговле вообще практически сводились к нулю. Вот, оказывается, как просто превратить массовое воровство в «отдельные недостатки».

Конечно же, Киреев не жертва обстоятельств, не агнец невинный. Он сам брал взятки за преступное свое попустительское: брал деньгами и водкой, финским пивом и икрой. Не потому ли самые дисциплинированные взяточники жили у него, как у Христа за пазухой?

Если судить по фиктивным справкам и отчетам, во многих райпищеторгах столицы дела шли превосходным образом. Были, конечно, недостатки, но опять же только «отдельные». Позже выяснилось: эти райпищеторги попросту не контролировались, а их руководители периодически давали «на лапу» Кирееву.

Куйбышевский райпищеторг, которым командовал Байгельман, к примеру, не проверялся семь лет, а Ждановский — пять лет кряду.

Позже, уже во время следствия, пытаюсь объяснить причины фиктивности проверок контрольно-инспекторского отдела Главка, бывший директор торгового «Гастронома» Ларионов скажет:

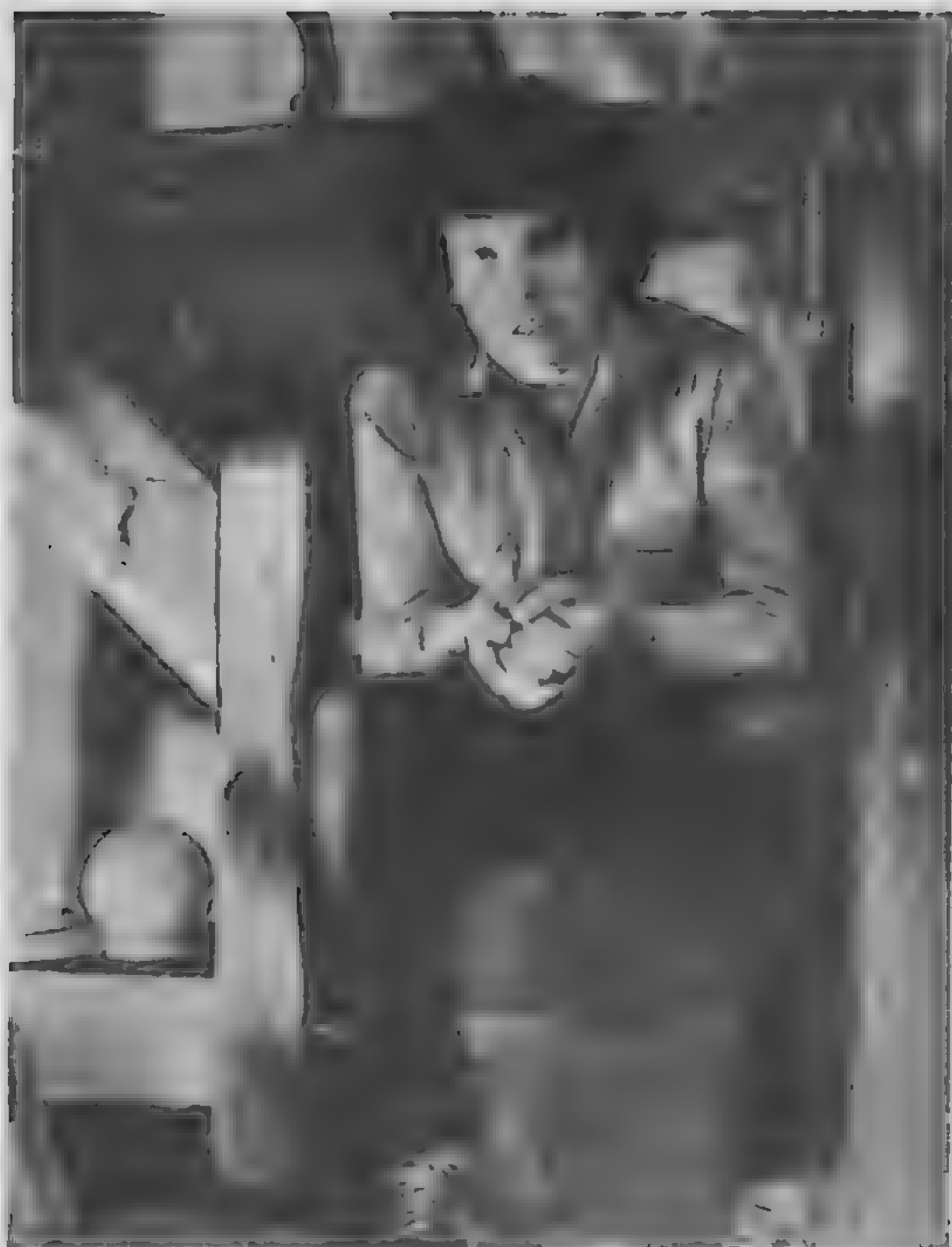
«Все дело в несостоятельности самих проверок и их организации, а отсюда их безответственность и безрезультативность. Теряется смысл проверок. За многие годы у магазинов появились «свои» проверяющие, а у проверяющих — «свои» магазины. Все нарушения остаются безнаказанными. А поскольку нарушения скрываются, то это ведет к их неизбежному росту».

Да, фактически все обстояло именно так: за годы своего существования орган контроля и учета Главторга превратился в некий придаток торговой касты, покрывавший все ее многочисленные преступления. В этом месте хотел написать «все было куплено», однако подумал, что это не совсем так. Действительно, липовые проверки (или непроверки) приобретались за взятки, но все-таки большая их доля была санкционирована сверху. Для чего это делалось, зачем было нужно руководству Главка выгораживать явно зарвавшихся казнокрадов? Думаю, для того, во-первых, чтобы обеспечивать свободный и беспрепятственный поток взяток, а во-вторых, и это, пожалуй, основная причина, дабы создавать видимость благополучной, здоровой жизни московской торговли. А она-то очень хворала, разъедаемая бактериями взяточничества и вирусами воровства, просто-таки гнила заживо: то в одном месте язва выскочит, то в другом. Ее бы как следует прооперировать, а нет — больно. А потому двадцать с лишним лет впрыскивали ей слабенький физрастворчик плановых корректировок, пичкали сладкими пилюлями «принципиальной критики», марафетили видимое уродство, чтобы, значит, не так страшно было смотреть.

Вот в этом самом «наведении марафета», а по существу, элементарном очковитательстве, московская торговля поднаторела изрядно.

Тут я не могу не привести один прямо-таки детективный эпизод из биографии Главторга. Думается, он весьма показателен, ибо из него вы ясно поймете, к каким, ну, честное слово, гангстерским методам прибегало руководство Главка, дабы сокрыть свою и чужую преступную деятельность.

Дело было в 1975 году. По заданию Государственного комитета по ценам в Главторге проводилась расширенная проверка. По результатам проверки была составлена нелицеприятная справка. В ней сообщалось, по сути дела, все то, о чем мы узнаем только сегодня: грубые нарушения дисциплины цен и правил торговли, кризис ведомственного контроля, обвес и обсчет во всех контрольных закупках, а было их ни много ни мало — 61, незаконное завышение цен на упаковку товаров, фальсификация отчетных данных и так далее...

Андрей Макаревич в роли Ковалева.

Фильм А. Стефановича «Начни сначала» (сценарий написан им вместе с А. Бородинским) принадлежит к разряду лент о злоключениях «таланта» на пути к «успе-

Всегда ли фильм, даже запрограммированный на зрительский успех, отвечает высоким критериям художественности? В киноафише много развлекательных лент, это и неплохо. Но по праву ли они заняли столь значительное место на экранах? Задуматься об этом предлагают два отклика на фильмы текущего репертуара в нашей новой рубрике «Не занимайте места!».

НАЧНЕМ С КОНЦА

ху». Зрителю на этот раз предлагается история некоего молодого музыканта, стремящегося попасть в «звезды». Надо сказать, что фильм о погоне за эстрадным успехом — блюдо, обычное в западном киноменю, предназначенном удовлетворять вкусы «массового» зрителя.

При отсутствии стойкой отечественной традиции «звездных фильмов» постановщику (в свое время уже обращавшемуся к этой теме в фильме «Женщина, которая поет») не оставалось, конечно, ничего иного, кроме попытки перенесения на нашу почву зарубежных приемов-штампов. В качестве прототипа и исполнителя роли главного героя Николая Ковалева выбран один из самых известных представителей русскоязычной поп-музыки, Андрей Макаревич. Поселяют авторы своего героя в мансарду, с большим, видимо, трудом найденную в Москве (не Париже!). Где же еще жить не признаваемому полному таланту? Понятно и почти полное гордое одиночество его — ни родных, ни друзей (этот «ковбой» от эстрады, «от всех свободен и не должен никому», как поет он сам в фильме). Даже появившуюся было в мансарде сожительницу (все, «как в Париже») наш

Коля быстро прогоняет — ему вполне достаточно кратковременных знакомств и беснорыстного обожания некоей юной поклонницы его дарования. Последний персонаж выполняет в фильме двойную задачу. С одной стороны, Лизавета (М. Полтева) веселит зрителя своей подростково-принципиальной восторженностью и простодушием: защищая кумира от нападок «ретроградов», она слишком часто переходит границы приличия. С другой стороны, от нее мы узнаем, что Николай Ковалев — «поэт божьей милостью», «исповедь поколения», «Некрасов наших дней». Конечно, неумеренные восторги потерявшей голову девушки сами по себе не многого стоят, но вот бесконечное их повторение в сочетании с уверенностью главного героя в том, что он поэт («легко говорить», но «трудно сыграть, особенно — спеть»!), может, видимо, кого-нибудь ввести в заблуждение. Количество в данном случае вполне способно перейти в качество. И кто-то, быть может, действительно решит, что имя Ковалева — Макаревича вполне позволительно употреблять рядом с именем создателя «Евгения Онегина» (как это делает Лизавета).

Не один раз возникает в фильме

образ В. Высоцкого. Для создателей картины он является, кажется, символом «поэта» вообще. Но совершенно напрасно авторы постоянно сопоставляют с этим символом своего «живого» персонажа. Подобное сравнение Коле явно не на пользу. Не помогают и тексты А. Макаревича, поющего, например, о том, как после закрытия варьете «эти и те станут друг друга искать в темноте», или о том, что «вагонные ссоры — последнее дело, когда больше нечего пить».

Нам же хочется начать, так сказать, с конца, попытаться понять, какую все-таки цель преследовали сценарист и режиссер. Если хотели сделать по чужому шаблону местный вариант музыкального фильма о «тернистом пути к успеху», то не следовало, право, так уж хихикать над представительницей армии эстрадных «болельщиц», ведь именно от них зависит прокатный успех подобных изделий. Если же перед нами действительно, как уверяют афиши, «комедия для молодежи» (смеяться, впрочем, в этой комедии особенно не над чем!), то в этом случае теряют всякий смысл споры и рассуждения героев о «высоких материях».

А единственной причиной использования малоизвестных документальных съемок В. Высоцкого придется признать откровенное стремление авторов во что бы то ни стало привлечь к фильму и тех, кому дорог этот антер и поэт. Но тогда непонятно: зачем же одной рукой завлечь зрителя, а другой отпугивать, смеясь над его наивной восторженностью? Это все равно что громкими криками зазывать на базар покупателя, а потом говорить с ним сквозь зубы, набивая цену себе и товару.

Александр ФОМЕНКО

МИЛЛИОН ЗА КОРЗИНУ

Итак, чем порадовала вас киноафиша месяца? Говорите, прокат по-прежнему «прячет» от нас хорошие фильмы? Тогда сходите на плохой — все какое-то развлечение. Ассортимент, смею уверить, разнообразный и по жанрам, и по тематике.

Мне вот, например, довелось посмотреть отечественную комедию на весьма экстравагантном зарубежном материале. И не где-нибудь, а в центральном кинотеатре «Россия», причем отстояв предварительно длинную очередь за билетами. Людям хочется чего-то веселого. Ну, они и повеселились. Правда, не совсем так, как хотелось.

Неаполь — город миллионеров. Грустная ирония Э. де Филиппо дала в свое время название классической трагикомедии. Теперь же Одесская киностудия с легкостью

преподнесла нам неапольские «Миллионы в брачной корзине». Помните, Н. Михалков в «Кинопараме» съёмочную группу представлял с фрагментами из фильма и при этом почему-то чувствовал себя неловко... А выпустили картину первым экраном. И пока зрительский вал не спадает, что и неудивительно. Местами смешно. К тому же — Ширвиндт, Фарада, Софико Чиаурели... Они, как всегда, на высоте. Вот только жалко их, ей-богу!

А еще жалко красавицу Одессу. Не желает превращаться на экране в Неаполь, не смотря на все режиссерско-операторские ухищрения. Может, больше бы подошел Марсель, как-никак побратимы? Но в конечном счете достоверность внешнего антуража не столь важна, если «работает» драматургия, в данном случае драматургия смеха. Увы, водеvilные злоключения героя ленты, профессионального гостя из разряда мелких аферистов, таскающего на продажу деликатесы со светских приемов, равно как и переживания его аффектированной родни, вызывают лишь усмешку.

Наконец, взрываются «страсти», события принимают дететивный оборот, и... становится совсем скучно. Оказывается, ловкач визитер способен всерьез ревновать свою

жену к помощнику по сбыту ворованных яств, а укравшийся в их доме мистифицированный «убийца», единственный наследник громкого титула и громадного состояния, всегда готов полюбить бедную честную девушку. Та, естественно, его.

Нет, я ни в коей мере не против неизбежной условности жанра. Однако условность эта должна оправдываться реальностью юмора, юмором ситуаций. Здесь же он сво-

Рисунок О. Теслера

дится к тому, что за неимением балкона грузноватый глава семьи вылезает по утрам в пижаме на крышу мансарды, обвязавшись для страховки веревкой; с его молодой сестры ради пушистой жалости срывают перед приходом богатых благотворителей шиньон; а оживший «труп», изгнанный из дома хозяин и проказник сосед поочередно прячутся в сундук посреди сцены. Я не оговорился, именно сцены, поскольку обстановка комнаты, в которой происходит перенесенное на экран действие пьесы, ограничивается чисто театральной декорацией.

И все же будем справедливы: отдельные смешные реплики и ситуации в картине есть. С их помощью досаждаешь до счастливого, давно предугаданного финала и, в недоумении покидая кинотеатр, задаешься невольным вопросом: неужели на студии не нашли ничего интереснее реанимации пьесы Д. Снарначчи и Р. Тарабузи «Моя профессия — сеньор из общества», предпринятая режиссером В. Шилловским (он же автор сценария)?

Остается напоследок пожалеть, если не о миллионе, то по крайней мере о сотнях тысяч рублей, затраченных на производство подобного фильма, пусть даже массовый сбор с лихвой окупит их.

Ю. ОСИПОВ

«Как-то раз,— вспоминает А. А. Петриков,— ко мне подошел начальник отдела цен Тарасов и говорит: «Андрей Андреевич, не исключено, что эта справка будет доложена в ЦК партии». Я доложил обо всем Трегубову. Он за голову схватился: «Ой, этого никак нельзя допустить. Надо искать все пути, чтобы погасить этот пожар».

Начали тушить. Как рассказывал потом И. М. Цыглиц, проводивший проверку по заданию Госкомцен СССР, на него то и дело оказывалось всевозможное давление, просили снизить цифровые показатели, сгладить острые углы. Однако проверяющий оказался неподкупен. И все-таки результаты проверки так и не получили должного огласки, а через некоторое время при странных обстоятельствах папка с ее итогами исчезла из Госкомцен СССР.

В арсенале камуфляторов от торговли было немало способов сокрытия правды. Один из них — создание «потемкинских деревень», способ, о котором и по сей день вспоминают многие сотрудники Главка.

Так было, и не раз: с утра в кабинете Николая Петровича раздавался звонок, извещающий начальника Главка о том, что тот или иной городской руководитель намеревается

поближе познакомиться с торговой сетью столицы, сообщался примерный маршрут. Через несколько минут после такого разговора Трегубов обзванивал торговые базы и приказывал срочным порядком завезти в инспектируемые магазины какой-нибудь дефицит. Потом в магазины звонил и тоже приказывал: придет высокая проверка, чтобы ни-ни, халаты накрахмалить, никому не хамить, чтобы от икры и балыков ломились прилавки. Заглянет тот или иной руководитель в магазин, порадуется «изобилию», а тут откуда ни возьмись и сам Николай Петрович появится, да не в обычном своем костюме, а в болотных сапогах и чуть ли не в спецовке, мол, туточка я, в гуще масс. Ну чем не образец руководства Мосторга, к счастью, так и не добилось, мало того, получило по заслугам (об этом еще будет сказано)— мол, зло наказано, а справедливость восторжествовала. Однако, проанатомировав касту

таким образом, означало сделать свою работу не до конца, не сказать, быть может, самого главного, а в результате скатиться на полуправду.

Одни и те же навязчивые вопросы не давали мне со спокойной совестью поставить точку в «деле Главторга». Ведь в своей деятельности Главторг подчинялся исполкому Моссовета и Министерству торговли РСФСР. Так неужели же многочисленные факты обвеса и обсчета, нарушения дисциплены цен, незаконных коррективов и взяточничества, о которых знал чуть ли не каждый продавец, неужели обо всем этом не было известно вышестоящим инстанциям, а если известно, то почему к их пресекательным мерам не принималось сколько-нибудь эффективных мер? Кто виноват в этом? Кто покрывал преступные деяния бывших руководителей московской торговли?

Помните, о чем думал Тверитинов, вручив Трегубову первую свою взятку: «Значит, действительно все-таки у Николая Петровича есть друзья в высоких инстанциях и взаимоотношения нужно поддерживать».

Борис Сергеевич не ошибался. Друзья действительно были. На них и рассчитывали.

Окончание следует.

ТАК ГОВОРИЛ МОНТЕНЬ...

Мишель Монтень (1533—1592), французский философ эпохи Возрождения, воплотил в своих трудах величайшие гуманистические устремления времени. Его книга «Опыты» представляет нам не только эрудированного мыслителя, но и глубокого психолога, меткого наблюдателя. Сегодня мы предлагаем читателям избранные высказывания философа.

Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее.

Мелочное и настороженное благоразумие — смертельный враг великих деяний.

Знания — обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться.

У кого тощее тело, тот напяливает на себя много одежек; у кого скудная мысль, тот приукрашивает ее напыщенными словами.

Этот огромный мир и есть то зеркало, в которое нам нужно смотреться, дабы познать себя до конца.

Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь.

Ценность и достоинство человека заключены в его сердце и в его воле; именно здесь — основа его подлинной чести.

Самая великая вещь на свете — это владеть собой.

Если бы головная боль начинала нас мучить раньше опьянения, мы остерегались бы пить через меру. Но наслаждение, чтобы нас обмануть, идет впереди, прикрывая собой своих спутников.

Наше счастье или несчастье зависят только от нас самих.

Ошибки часто ускользают от нашего взора, но если мы не в состоянии их заметить, когда другой человек нам на них указывает, то это свидетельствует о том, что мы не способны рассуждать здраво.

Высокомерие складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого о других.

Вовсе не требуется всегда говорить полностью то, что думаешь, — это было бы глупостью, но все, что бы ты ни сказал, должно отвечать твоим мыслям; в противном случае это — злостный обман.

Кому не случается сказать глупость? Беда, когда ее высказывают обдуманно.

Самые прекрасные движения нашей души — это наименее напряженные и наиболее естественные ее движения.

Жениться, ничем не связывая себя, — предательство.

Я люблю общество людей, у которых близкие отношения основаны на чувствах сильных и мужественных. Я ценю дружбу, не боющуюся резких и решительных слов, так же как любовь, которая может наступать и царапать до крови.

Невозможно вести честный и искренний спор с дураком.

Если хочешь излечиться от невежества, надо в нем признаться.

Если кто-то превзошел тебя в знаниях, изяществе, силе, удачливости, можно сослаться и на причины, от тебя не зависящие. Но если ты уступаешь себе подобным в твердости духа, то никого, кроме себя, обвинять не можешь.

Подготовили к печати А. БЕРМОНТ, Е. ИВАНОВА.

ПРОВЕРКА НА ПОРЯДОЧНОСТЬ

С. КРЫТЫЙ

Собрание открыл до крайней степени истощенный проверками поступивших на него сигналов Перешляпин.

— Товарищи! — прошептали его растрескавшиеся от непрерывной защиты своего достоинства губы. — Это собрание, как и девятнадцать предыдущих, посвящено ставшей всем нам близкой теме. Теме поступающих регулярно на всех без исключения сотрудников нашего коллектива неподписанных заявлений в письменной и устной форме. Подробно касаться лиц, почитаемых Доброжелателями и Болеющими за Дело товарищами, я не буду. Замечу только, что наибольшего внимания удостоился Владимир Петрович Головатов, на похоронах которого многие из вас вчера присутствовали. За истекший период на него поступило рекордное количество заявлений — 1349. Немало сигналов поступило и на Иванчекова, которого позавчера наши сотрудники посетили в больнице. Его состояние не позволило нам проверить поступивший на него новый сигнал.

В это время Анохин, на которого 23 ноября поступил сигнал, что он сам пьет по ночам клей «суперцемент» и приучает к употреблению гуталина с хлебом пятилетнюю дочь, дернулся и охрипшим голосом прошептал:

— Иванчеков сегодня утром скончался!

Звездочкин и Климов, про которых Доброжелатель оповещал, что они «ловят по ночам подгулявших пассажиров пригородных электропоездов

и принудительно возят их на близлежащих лифтах вверх-вниз за крупную мзду», тягостно разом икнули. Крикин, про которого Болеющий за Дело утверждал, что «путем перемалывания высушенной черной икры с кофейными зернами он изготовил огромное количество бесшумного пороха для подрыва основ общественного здания», подавился валидом. Симкин, про которого Заинтересованный Результатами сообщал, как о «развратителе престарелой соседки гражданки Нанароковой — русской, 1905 года рождения, урожденной Макарановой», во всеуслышание чихнул; а Елизавета Ивановна, на которую поступил за год только один сигнал, что она «отлетая дура», вычеркнула из блокнота за номером 369, где фиксировала требующие проверки сигналы, фамилию Иванчекова.

Перешляпин, проглотив поступивший к самому горлу ком, продолжал:

— Кончина Иванчекова не снимает с нас ответственности. Поступившие на него сигналы мы должны проверить, чтобы снять с рано ушедшего от нас товарища всякие подозрения в принадлежности его к масонской ложе ПИ-3 и религиозной секте ахмубархатов. Для этого нами были командированы товарищи в Италию и в Индию, на которых уже поступили анонимные сигналы. Таким образом, из 15 638 сигналов, поступивших за отчетный год, 9587 проверены досконально. И только один полностью подтвердился, на Эдесонхаманова, что он спит и видит не совместимые с нашими идеалами низкопробные сны, пронизан-

ные духом наживы и потребительства.

При этих словах Анохин, на которого 29 ноября поступил сигнал, что он пьет по утрам концентрированный дихлорэтан, дернулся и «глухим к нуждам общественности» голосом (как утверждалось в анонимке от 3 декабря истекшего года) просипел:

— Вчера не подтвердился еще один сигнал на Кукарекина, который обвинялся в регулярной аморальной связи с гражданкой Питетекантроповой «посредством телефона». На территории СССР означенная гражданка не проживала и не проживает.

Не обращая внимания на реплику с места, Перешляпин продолжил:

— Однако сегодня я хочу познакомить присутствующих с не совсем обычным в нашем коллективе документом. Неизвестный утверждает: «Хочу обратить внимание на товарища Громыхалова — это душевный, доброжелательный, внимательный, чуткий к подчиненным, принципиальный товарищ, обладающий ценными человеческими качествами, он внимательный муж, любящий отец...» Думаю, дальше можно не продолжать — остальное в том же духе. Как отнестись к этому из ряда вон выходящему сигналу?

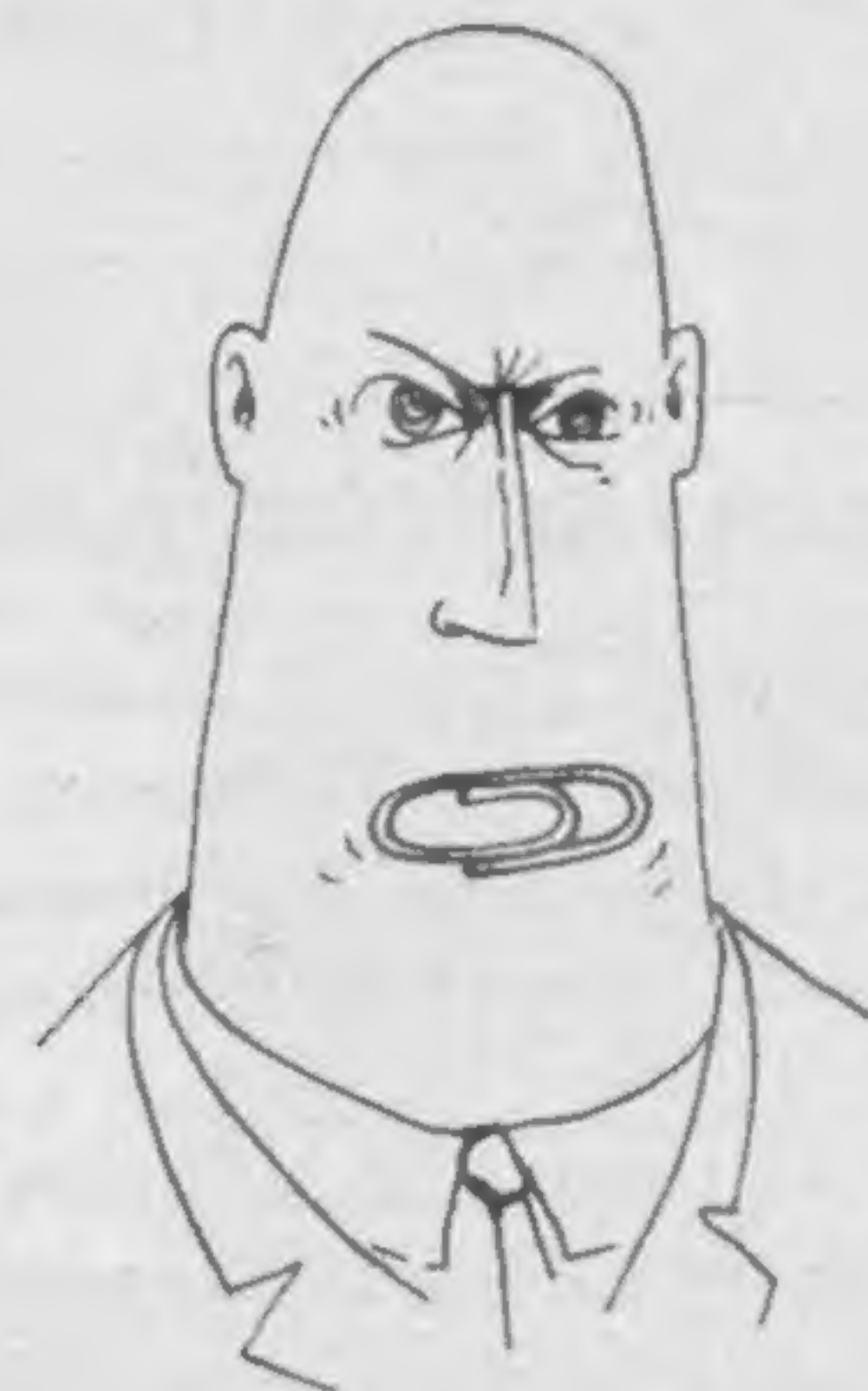
— Поставить на голосование! — выкрикнул с места Хромов, на которого 7 декабря поступил сигнал, что он «держит карман шире любого сознательного члена нашего общества».

По залу поплыл легкий, как свежий весенний ветер, шумок, в результате которого коллектив быстро склонился к постановке вопроса о Громыхалове на голосование.

Мнение присутствующих было однозначным. Единогласно, при одном воздержавшемся, было решено незамедлительно проверить новый сигнал, поступивший на сотрудника, так вызывающе противопоставленного коллективу...

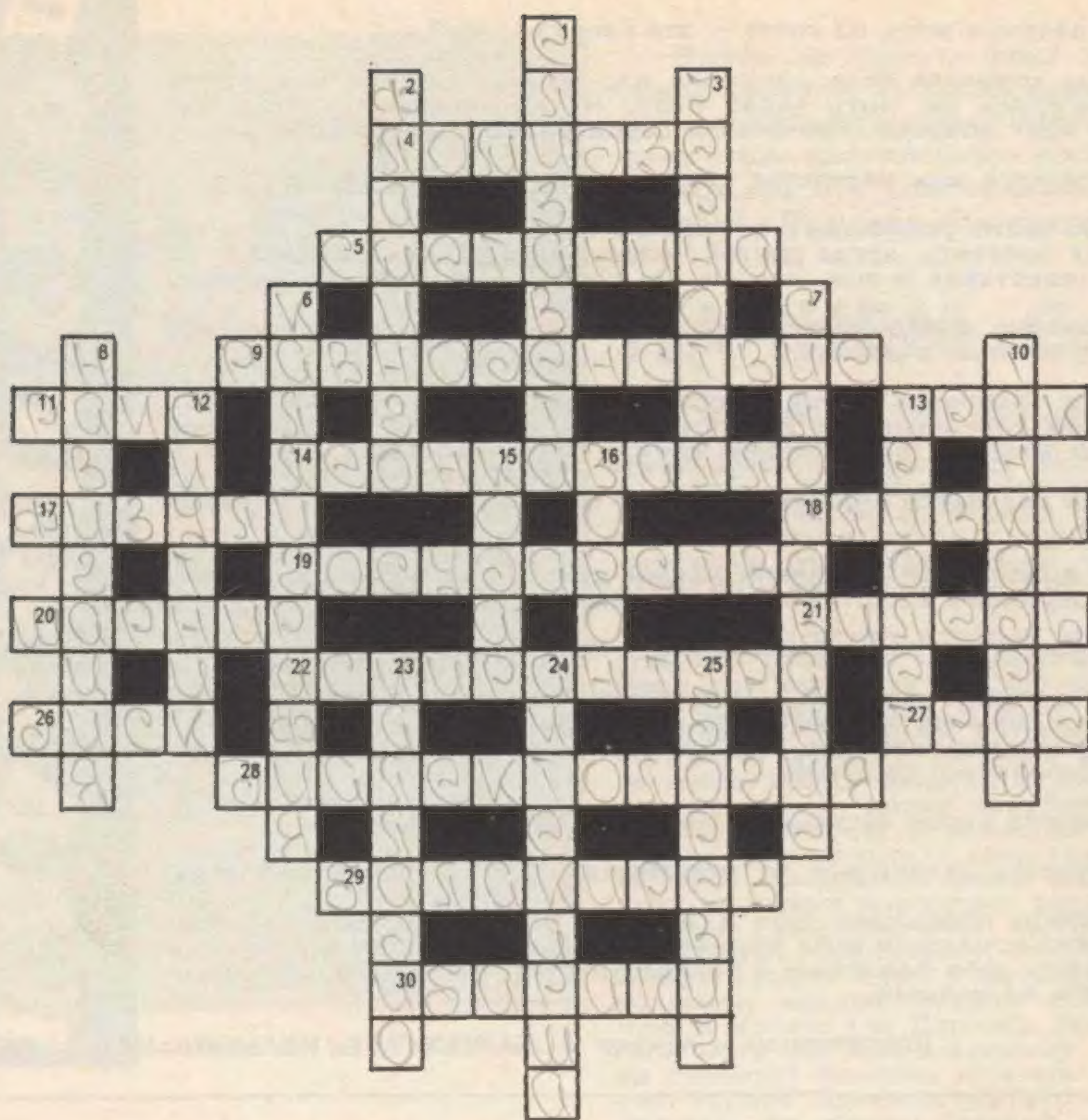
Рис. В. Влагова.

Никому ничего не скажу...
Рис. В. Буркина

Рис. В. Горюнова.

По горизонтали: 4. Литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР. 5. Советская лыжница, олимпийская чемпионка. 9. Время, когда продолжительность дня и ночи одинакова. 11. Масличное растение, медонос. 13. Деталь гусеницы танка, вездехода. 14. Итальянский композитор. 17. Азербайджанский поэт-лирик XVI века. 18. Молочный продукт. 19. Страна. 20. Подвижное соединение деталей. 21. Приток Вычегды. 22. Форма подготовки научных и научно-педагогических кадров в СССР. 26. Легкоатлетический снаряд. 27. Повесть М. Горького. 28. Раздел языкознания. 29. Русский композитор, организатор и глава «Могучей кучки». 30. Город в Японии.

По вертикали: 1. Действующее лицо трагедии И. Ф. Шиллера «Мария Стюарт». 2. Южная водяная птица с розовым оперением. 3. Вид ивы. 6. Искусство красивого и четкого письма. 7. Способ заготовки сочных кормов. 8. Наука о вождении судов. 10. Участок, оборудованный для обучения вождению боевых гусеничных машин. 12. Советская молодежная туристская организация. 13. Восьмистишие. 15. Хребет Станового нагорья. 16. Южное созвездие. 23. Итальянский архитектор, представитель позднего Возрождения. 24. Рассказ А. П. Чехова. 25. Советский командарм 1-го ранга.

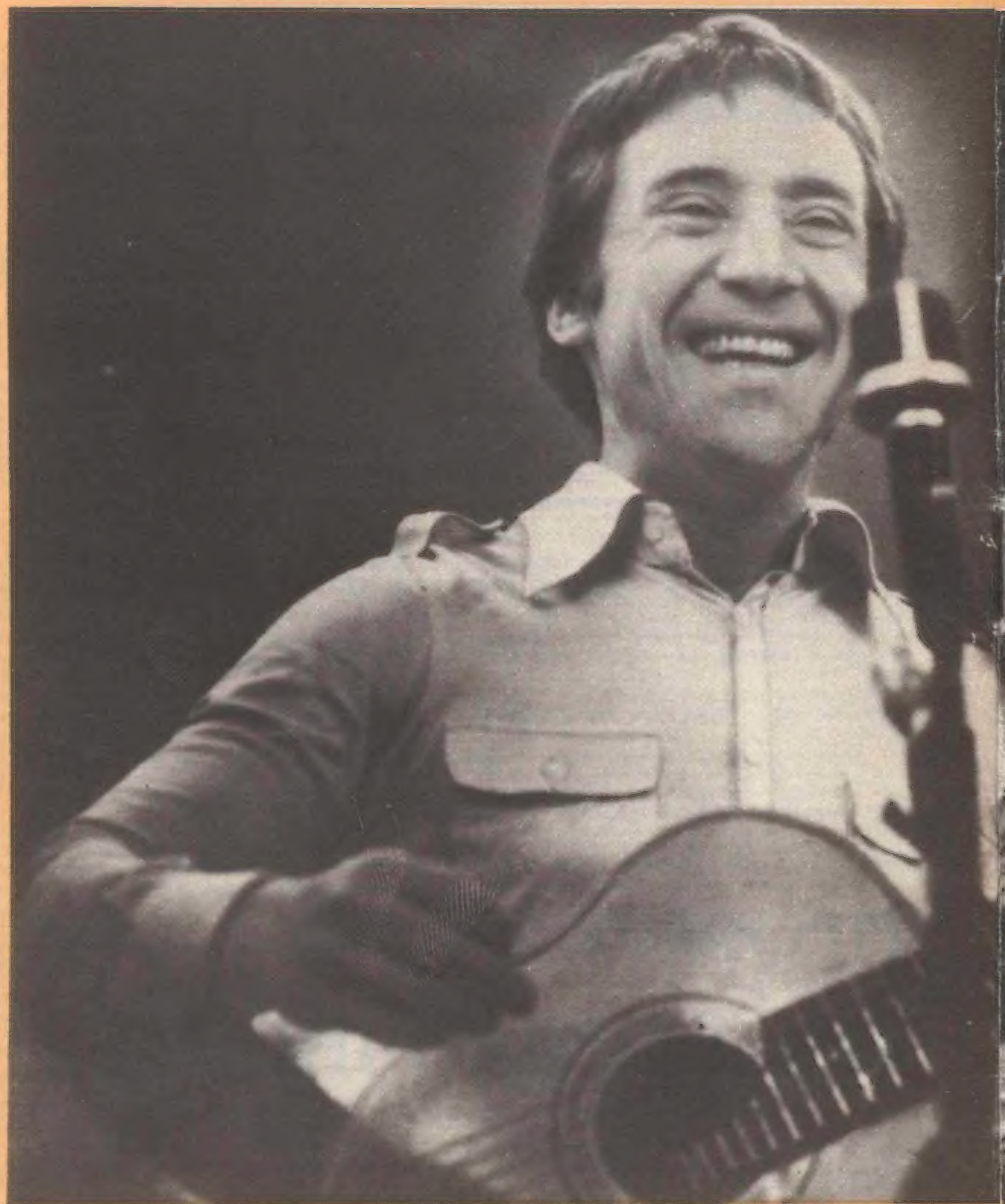
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 1. Сварка. 6. Кордебалет. 9. Акклиматизация. 10. Флоракис. 11. Нотариус. 13. «Тени». 14. Молодость. 16. Караганда. 18. Стетоскоп. 20. Пропеллер. 21. «Утро». 22. Веласкес. 24. «Каштанка». 26. Синхрофазотрон. 27. Жаворонков. 28. Стайер.

По вертикали: 2. Ведомость. 3. Крапивник. 4. Козляк. 5. Декарт. 7. Аккредитование. 8. Гидрогенератор. 10. Фиолетов. 12. Седедема. 15. Трио. 17. Амур. 19. Пустовойт. 20. Показание. 23. Каххар. 25. Шатров.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Советском районе Минска хорошо знают Людмилу Николаевну Сыроегину. Коммунисты избрали ее первым секретарем Советского райкома Компартии Белоруссии. [См. в номере материал «Секретарь райкома»].

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

РАССКАЗ МАТЕРИ ВЫСОЦКОГО

«Все Володиные песни — это продолжение его жизни. Он часто приходил ко мне ночью и говорил: «Мама, я песню написал». И я была первая его слушательница. Если было не холодно, он раскрывал нараспашку окно, словно ему было тесно в квартире, и тогда обязательно под окном собирались запоздалые прохожие, и

«НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ»

иногда они спорили, магнитофон это или пластинка звучит...»

По просьбе читателей мы продолжаем публикацию материалов о Владимире Высоцком. С его матерью Ниной Максимовной беседуют наши корреспонденты Сергей Власов и Феликс Медведев.

Читатели хорошо знакомы с творчеством Александра Бека. Особенно широкую известность получила в нашей стране и за рубежом его книга «Волоколамское шоссе».

В журнале будет напечатан отрывок из неопубликованного романа Александра Бека «Новое назначение». Автор ставит острейшие и сегодня весьма актуальные проблемы советской демократии и законности, стиля руководства, новаторства и застоя в технике.

«ТЯНЕТ ЖИТЬ ИМЕННО ЗДЕСЬ...»

За высоким перевалом Медвежий Крест гнездится на скале древнейшее поселение хевсуров — Шатили. В здешний сельский Совет входят десять сел. Над сельсоветом развеваётся флаг Грузинской ССР, председатель его — 28-летний Ираклий Чинчараули.

О том, как ему работает в этих местах, вы узнаете из фотоочерка Ии Мехи и Игоря Гаврилова «Тянет жить именно здесь...».

МАСТРОЯНИ В КОСТРОМЕ

На этом снимке слева наш корреспондент Леонид Плешаков, который не только беседует с Марчелло Мastroяни, но и сам принимает участие в съёмках советско-итальянского фильма по рассказам А. П. Чехова. Фильм ставит режиссер Никита Михалков.

Рассказ Л. Плешакова о работе над картиной и фотоочерк Льва Шерстенникова мы опубликуем в одном из ближайших номеров «Огонька».

Особняк на улице Бурденко.

Поиски помещения для выставочного зала ВНИИ реставрации оказались сложными, кропотливыми и продолжались несколько лет. А решение вопроса пришло неожиданно, когда в Государственной инспекции по охране памятников нам предложили только что освободившуюся из-за аварийного состояния московскую городскую усадьбу первой четверти XIX века. «Дом Палибина», названный так по имени своего первого владельца, был построен в 1818 г., когда «Комиссия для строения в Москве», возглавляемая О. И. Бове, занималась ликвидацией последствий грандиозного пожара, опустошившего город в 1812 году.

Владелец дома коллежский советник Гавриил Палибин служил в межевой канцелярии и никаких особо важных следов в истории государства не оставил. Но вот дом свой он построил и украсил, согласуясь с передовыми архитектурными вкусами своего времени. Лепные детали оригинальных композиций из медальонов, факелов, гирлянд и акантов украшают уютный фасад деревянного особняка. Внутри постройки

Дом Палибина

Затейливые печные изразцы.

Восстановленный декор фасада.

все комнаты обклеены бумагой, по которой нанесены самые разнообразные многоцветные орнаменты: от композиции с военными атрибутами до многоцветных гирлянд, которые поддерживают веселые путти. Изразцовая печь под деревянной лестницей состоит из красочных плиток, изготовленных в различные времена, от XVII до XIX веков.

Несколько лет длилась реставрация редкого по красоте особняка. Много труда вложили в его восстановление сотрудники института «Спецстройпроектреставрация», мастера-реставраторы и рабочие объединения «Мосреставрация». И вот в основном помещении, украшенном росписями, скоро откроется первая выставка, рассказывающая о восстановлении особняка Палибина. На ней же будут демонстрироваться лучшие живописные полотна, возвращенные к жизни реставраторами. Такие выставки станут регулярными. План их насыщен, разнообразен и построен так, чтобы современники смогли познакомиться с новейшими достижениями советских реставраторов.

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663